

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

 ПРОЗА

Владимир КРУПИН
Неделя в раю.....4

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Циля Шнеерсон 84

Виталий БОГОМОЛОВ
Из цикла «Былинка» 124

Татьяна ЧЕРНОВА
Челюсти Мазая.....151

Александр КУЩ
«Редкая» фамилия.....163

Дмитрий ВОРОНИН
Рассказы.....170

Жанна СВЕТЛОВА
Добро по понедельникам 181

 ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ
Святой венец Руси. VII.....42
Святой венец Руси. VIII.....49

Пётр ГУЛДЕДАВА
Когда с печалью вспоминаешь... 80

Виктор КАШКИН
Берёзовый туман в лесах... 82

Юрий ЯХОНТОВ
И трава сохраняет твой след.....106

Аза ЕВЛОЕВА
Рвусь душой я к небесам... 110

Тамара ЧАНИЕВА
Когда кричит душа... 117

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(20) 2016

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 27.06.16.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ С-5290

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Ирина ЦЕРБИНА
Над миром тишины.....134

Тамара ЛИЦИЦКАЯ
Храни, Господь, святую эту землю!.....148

Рубен САРКИСОВ
Поэзия русской души.....158

Инна МУХИНА
И льётся заветное слово.....160

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Спасибо Господу за всё.....166

Надежда ОХРИМЕНКО
Есть в мире великое чувство души.....179

Лариса ПРАШКИВСКАЯ
Ты моя кровная Русь.....183

Анатолий УВАРОВ
Восхищаюсь, восторгаюсь, радуюсь!.....185

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ
Паралитературный процесс 56

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай ГОЛОВКИН
«Будет война, как Страшный Суд...» 66

ИНТЕРВЬЮ

Борис ДОЛИНГО
Зачем нам нужна фантастика? 74

ПАМЯТЬ

Василий ПОЛЯКОВ
Русский учёный с душой поэта 137

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Давно уже ясно и каждый день подтверждается: против России идёт ползучая война, и остановить её посредством компромиссов и уступок невозможно. Агрессивный Запад, «объединённый», но раздираемый жестокими внутренними противоречиями, в лице своих политических элит сначала устанавливает правила игры «для всех», потом меняет правила на ходу в угоду интересам этих самых элит, сопровождая это беззаконие циничной и издевательской демагогией. Сегодня даже нашей буржуазной «элите» становится ясно, что с вхождением в «европейский клуб» у неё не сложилось и уже не сложится. Никто Россию там не ждал в качестве «равноправного партнёра», для нас по отношению к Западу заранее отводилась исключительно сервильная, хотя и многофункциональная роль. Именно с этой целью на протяжении 90-х годов в российское общество всей мощью либеральных (по терминологии тех лет – «демократических») СМИ вколачивался иступлённый комплекс неполноценности по отношению ко всему западному, и от этого комплекса до сих пор нам не удалось избавиться полностью. Именно с этой целью при посредстве профессиональных провокаторов и честных сумасшедших в нашем обществе систематически стимулировалась межнациональная рознь – ведь только единый народ, объединённый государственным самосознанием, способен противостоять внешнему «геополитическому конкуренту», а народ разобщённый слаб. И нам ещё долго предстоит всё это преодолевать, но выбора нет...

Современная русская, российская литература уже давно переживает не лучшие времена. Щедро финансируемые космополитические «проекты» имитируют перед «цивилизованным миром» выморочную версию «новой российской литературы», и конца этому пока не видно. Писатели, не продавшиеся пресловутому «духу времени», творят, следуя высокому призванию, и верят в своё предназначение.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает публиковать произведения талантливых писателей, стоящих на позициях верности России, её духовным ценностям и великой литературной традиции.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2016

© Авторы, 2016

Неделя в раю

Великорецкие крестоходцы

Опять год прошёл, опять мы вместе.

Доехали по асфальту только до поворота. Свернули на просёлок, сразу сели. Машину еле вытащили. Ещё одну на трассе тормознули, перегрузили вещи и... тоже сели. Опять вытаскивали. Больше на колёса не надеялись, всё навьючили на себя: еду и питьё, лопаты, топоры и поплелись знакомой дорогой. Двенадцать километров. Грязища. Идём опять мы, как и ходили все эти годы: бригадир наш крановщик Анатолий и Толя, поэт, идут работяги, два Александра, один с бородой, другой без, идёт, опять же поэт, Лёша, а с ним впервые идёт сыночек семилеток Ваня, инженер Володя, писатель и поэт Николай, молчаливый Леонид, он заикается, иду и я, аз многогрешный. Год не виделись. Год, а как его и не было, этого года. Ибо главное в нашей жизни – Великорецкий Крестный ход.

Уже и годы смешались в нашей памяти. Что в том году было, что в позатом, путаем. Да и не важно. Важно, что возрождается место, бывшее село Горохово, где Крестный ход останавливается на длительное время – три часа. Тут и молебны, и погружение в купель, и набирание воды в дорогу из чудотворных источников.

Идём, идём. Тянет поклажа плечи, но душа ликует, сердце поёт. А какой лес по сторонам, какие просторы. Но надо же отметить радость встречи. Как без этого? Русские же люди!

– Бригадир! – взываем мы. – Год не виделись! Ведь мы же фактически ещё и не встретились! Ведь пока не грешно: Крестный же ход ещё из Вятки не вышел.

– А где присесть? – резонно отвечает он. – Мокрота же. Не отмечать же на ходу.

– А что особенного, – говорит Толя-поэт, – Хемингуэй работал стоя и никогда не знал простоя. Вон лесок впереди. Под ёлочкой-то как хорошо.

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 г. в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Первый лауреат Патриаршей литературной премии. Сопредседатель правления Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Анатолий назидает, уводя в сторону:

– Маргаритушка прошла семьдесят раз, у меня посоха для зарубок не хватит, – у Анатолия на посохе зарубки, обозначающие количество Крестных ходов. – Вот Ванечка сможет пройти много раз. Хорошо, что ты с этих лет пошёл. Да, Иван?

Ваня пока стесняется говорить, жмётся к отцу. Тот называет его мудрёно:

– Дружище, отвечай: к тебе глаголют. Мы входили в веру через терния и потери, через сомнения, а ты можешь войти органически, через радость.

– Лёша, от сына отстань, – советует Толя и говорит Ване: – Скажи папаше резко, Вань: «В такую грязь, в такую рань меня, папаша, не болвань». Ведь верно, Вань?

– Ой, ребёнки, – смеётся Анатолий.

– Толя! – вскрикивает Саша. Подскакивает к Толе и достаёт у него из-под ног пёстрого шмеля. – Шмелик какой хорошенький красивый, мирное какое животное. Лапками умывается. Полетел!

На возвышенном месте посуше, идти полегче. Анатолий назидает:

– Кто без покаяния умирает, а паче того без отпевания, двадцать мытарств проходит. Весь мир будет их проходить. Что видим в мире? Безпредел, ужас! Что видим: воровство, пьянка, разврат! – он останавливается. – Ребёнки, мы так не дойдём. Надо Акафист святителю Николаю читать. Крестный-то ход Никольский.

Передышка

Останавливаемся, снимаем с плеч груз. Читаем Акафист святителю Николаю. Пытаемся даже петь, но иногда не очень согласно.

– Ничего. В прошлом годе так же, не сразу спелись. А вы, ребёнки, за зиму сколько хоть раз Акафист читали?

– Чего с интеллигентов спрашивать? – вопрошает Толя. – Пойду солому поджигать.

Толя вообще поджигатель и разжигатель костров. Вскоре от оставленных груд соломы начинает идти густой серо-белый дым. Его ветром несёт на нас. Задыхаемся, сердимся на поэта, он хладнокровно объясняет:

– Это дымовая завеса, я вас маскирую, скрываю. С самолёта, чтоб не видно.

– От Бога ты нигде не скроешься, – наставляет Анатолий.

– Смотрите! – Толя весь озаряется. – Впервые такое вижу! Целое поле анютиных глазок. Да-а. Где бодрый серп гулял и красовался колос, теперь... – запинается.

– Теперь простор везде, и российские поля уже не рожают быстрых разумом Платонов, – привычно поддевает Лёша.

– Вот у этого затона я прочёл всего Платона, – отбивается Толя.

Оба Александра и Ваня рвут цветы. К иконе Казанской Божией Матери. Образ Её сохранился в Горохово на стене колокольни.

Саша оцарапал палец. Толя, он врач, перевязывает:

– Тут операция нужна, тут надо обработать спиртом. Ты понял, бригадир? Тебе нужны здоровые работники, или как? Я хирург. А хирург – это взбесившийся терапевт, – и снова подговаривается к выпивке: – Сжёт я среди поля

сырые снопы и только за стопку сойду со стопы. Нам не для пьянки, а чтоб форму не потерять.

– Лучше сойди со стопы и сядь, в ногах правды нет, – уклоняется Анатолий, – вся правда в Евангелии. Отдохнём и дальше пойдём. Молча. Каждый читай про себя молитву Иисусову.

Идём дальше

И в самом деле, много раз замечаешь на Крестном ходу, что, когда идёшь и отвлекаешься на разговоры, то ноги тяжелеют, а когда идёшь и молишься, идти сразу легче.

Шагаем. Дождя уже нет. Ветерок обдувает, сушит. Ещё и то хорошо при ветерке, что он отгоняет от нас всяких крылатых насекомых. А когда ветерка нет, то и жарко, и комары, оводы всякие нападают, впиваются, пьют кровь. Место укуса долго потом зудит и чешется. Даже и лучше, когда бывает холодно. Тогда этих тварей нет.

Всякая погода бывала в эти годы, ведь уже скоро двадцать лет как ходим. И жарница египетская бывала, и холод. Да такой, что трава покрывалась инеем, а закрайки у реки Великой обледеневали. Всегда бывали и дожди, и град обрушивался. Но всегда и радуга выгибала небо. Иногда даже тройная. И всегда бывала радость. Этого не понять не верящим и не ходившим на Великую. Лупит град, крестоходцы голову закрывают, сами ликуют: так нам и надо, так нас, Господи! Накажи и прости!

И вот, уже увиделась вдали гороховская колокольня. Плечи расправились, пошли повеселее. Радостно запели «Царю Небесный». Сил прибавилось. Знакомый пригорок, низина, кладбище, снова вверх. Дошли.

Пришли

В Горохово «обходим владенья свои». Купели, конечно, исчезли, смыты водополицей. Ничего, наладим, на то и посланы. У родника сделаны три трубы. Из двух льются хорошие струйки, из крайней к лесу чуть-чуть. С радостью пьём, умываемся, благодать! Вершинки леса осветились, это солнышко пробивается к нам сквозь тучи. У Саши прямо сияющее лицо.

– Толя, помнишь, в прошлый год, ты не хотел погружаться в источник?

Саша напоминает случай из нашей жизни в прошлый Крестный ход. Мы оборудовали купели и погружались по очереди. А Толя потерял образок святителя Николая и сказал, что это ему знак – запрещение. «Без него не пойду». Мы всё осмотрели, обыскали – нет образочка. А вечером вернулись – глядим – да вот же он, над источником! Чудо!

– Да, – кричит Толя, – не очень-то я был рад этому чуду, боялся холода. Но! Пришлось! Зато доселе жив! Перезимовал.

Соображаем, чем займёмся в первую очередь. Потом во вторую и третью. Много надо успеть до прихода паломников.

Конечно, и работаем, и жизни радуемся, и о многом успеваем наговориться у костра.

Не надо умничать

– **М**елко плаваем, – так обобщает разговоры у костра наш повар.

Философ Лёшка с поваром не соглашается, Лёшка у нас всех начитанней, его никто не переговорит.

– Как это мелко плаваем, – возмущается он, сопровождая слова жестами длинных рук, – значит, и вся мировая история мелко плавает? Мы же её без передышки вспоминаем. Я всегда фундирую свои доводы.

Тут же вставляет шпильку насмешливый поэт:

– Хоть без мундира я, зато фундирую. Я твоими цитатами весь обсыпан как пылью, я уже чихать начинаю.

– Это пыль веков!

– Которой ты, «от хартий отряхнув», учишь нас, да? Но история учит тому, что ничему не учит.

– Это тоже цитата!

– Которая устраняет твоё умничанье.

Бригада сидит, отмахивается от комаров и знает, как они ни спорь – всё равно последнее слово будет за бригадиром, которого выбрали или он самоназначился в начальники. Как он когда-то заявил:

– Самозванцев нам не надо, бригадиром буду я.

Повар нас окармливает в прямом смысле – стряпает еду, а бригадир и по работе распоряжается, и руководит утренними и вечерними молитвами. И в любом споре всегда прав будет только он. Он и неначитанный, он и нефундированный, но он – начальник. Никогда не спорит. Только слушает. Слушает, слушает, да и скажет:

– Саша, дрова кончатся, – или: – У источника две ступени последних недоделаны. Займись, Алексей.

Лёша ворчит и смеет заявить, что умственная работа выше физической.

– Кто бы возражал, – отвечает бригадир. – Но копать ты будешь не головой, а руками. А лопата, запомни, помогает голове. Ну, если хочешь, копай с утречка. Или с утречка? Как произносить? Вам же, мозгачам, это важно.

– С рассвета. Не успеешь вздремнуть у лафета.

Это повар вставляет. Он умный, Лёшка вообще – ходячая энциклопедия, поэт Анатолий-Толя остёр на язык, один Саша молитвенник, другой работяга, но всем и всеми командует вождь. Кого куда поставить, кому что делать, это всё он. Вот и сейчас – распределяет на утро силы. Надо перетаскать огромный штабель кирпичей с того места, на котором этот штабель стоит, на другое место, где ему явно не место.

– Мы же его в прошлом году перетаскивали, – напоминают вождю главные трудники бригады Александры и Лёня. – На роднике же ещё не доделано. И у купели забор надо восстановить? Надо! Мы и хотели туда. А с кирпичами провозимся полдня. Чем там они кому мешают?

– А я уже хотел украшением храма заниматься, вчера такую сирень отыскал! – восклицает самый молчаливый из нас Саша.

Вождь долго и скорбно молчит, его всегда глубоко ранит наше непонимание его замыслов. Он глядит сквозь нас в пространство, потом замечает и нас в пространстве и, вздохнув и взлохматив свою бородищу, объясняет:

– Этот штабель портит вид. Как это можно не понять? Есть у вас чувство прекрасного? Ты же, Лёшка, всё о гармонии. Штабель негармоничен. Он у стены храма, искажает вид на архитектуру. Мировоззрение твоё не

оскорбляет? Придёт Крестный ход, что, крестоходцам на кирпичи взи-
рять?

– Мешки на него положат, сумки, – защищаются Саша и Лёня.

– Мешки, – повторяет вождь, – сидора! Походные ранцы! Рюкзаки! А?
Камера хранения?

– Чем тебе плохо? – не выдерживает Толя. – Да и кирпичи пригото-
влены для реставрации. Ну, бляха-муха, начальник называется! Нет, надо тебя
переизбрать.

Лёшка поддевает поэта:

– Опять, Толя, стремишься в начальники.

Повар встаёт, крестится, начинает благодарственную молитву после
ужина:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих
благ, не лиши нас и небесного Твоего царствия.

Торопливо встаём, тоже молимся. Ещё впереди вечернее Правило и Ака-
фист святителю Николаю. Его поём каждый день, ещё бы, ведь Крестный ход
посвящён обретению иконы Святого Николая Великорецкого.

Саша собирает и моет посуду. Вождь, оскорблённый словами поэта, бе-
рёт вёдра и уходит за водой к источнику. Это далеко, метров триста. Значит,
можно минут двадцать поговорить о нём. Это не осуждение, это обсуждение
и рассуждение.

– Я не в начальство рвусь, а диктата не терплю, – говорит Толя. – Помни-
те, как его выбирали? Сколько, лет уже пять? Давно, в общем. Сами говорили о
безпрекословном подчинении. Боролись – напоролись. Говорили? Принимали
его устав: «Вождь всегда прав, а если не прав, то помни, что он всегда прав».

– Тут я с тобой солидарен. Что он за папа римский такой, непогрешимый!
– возмущается Лёшка.

– Свой голос отдав, лишились мы прав. Нет, надо свергать это иго, до сча-
стья осталось два мига, – говорит Толя. – Выберите меня, птицу счастья за-
втрашнего дня. Со мной будет весело. У меня будет закон: никого не заставля-
ть. Хороший работник сам видит, что делать. Полезное! А штабель кирпи-
чей, это как?

– А что же тогда послушание, что тогда смирение? – спрашивает повар. –
Как в монастыре, любую работу делают и не рассуждают. Пошли в храм.

Лёня спрашивает:

– Н-на Акафист? В-все и-идём?

Лёня заикается. И когда мы по очереди читаем молитвы, он стесняется
того, что заиканием задерживает молитву. И даже просил, чтобы ему не чи-
тать, но повар настоял: «Кто тебя торопит? Читай как можешь. И заикание
пройдёт».

– Отцы послушники, – кричит Саша, – как благословляете? Акафист и
вечерние сразу? Или вечерние после чая?

– После.

– Вождя же надо подождать.

– В церкви и подождём.

– О, чтоб не забыть, хотел сказать, – добавляет Лёша, – вот как слышатся
где крики о глобализации, там обязательно масоны.

– Которые жрут круассоны? – спрашивает Толя. – Да что это такое: ещё
и на Крестном ходу о масонах? Много им чести. По их души придут китайцы,
им осень кусать хосеса.

Слышно, как наладилась считать годы кукушка. Всю ночь будет считать.
Прямо как на работу выходит. Может, она всему человечеству подрядилась
продлевать сроки жительствова? Нам-то, каждому, уже за эти годы обеспечила
преклонную старость.

Как начиналось

Нашу бригаду или артель, как угодно, сдружил и сплотил Великорец-
кий Крестный ход – это главное чудо вятской земли. Да разве только вятской.
Уже идёт этим ходом вся Россия, всё Зарубежье. Ходу свыше шестисот лет.
Наши предки дали обет каждый год носить чудотворную икону святителя
Николая из Вятки на реку Великую, туда, где она была обретена.

Выполняя этот обет, мы вместе с другими ходим с иконой много лет. Пом-
ним, как шло нас человек двести, все друг друга знали, а сейчас идёт по пять-
десять и больше тысяч человек. Кто откуда. Вятских, в сравнении с другими,
мало. Но вятские выполнили главное дело – сохранили Крестный ход. Вот и
наша бригада вся вятская. Все по происхождению сельские, то есть умеющие
всё делать: и копать, и пилить, и стены класть, и круглое катить, и плоское
таскать. И на земле спать, и клещей не бояться.

Нашу бригаду уже давно батюшки благословили уходить заранее вперёд,
готовить встречу Крестного хода в Горохове. Там, на третий день пути, боль-
шая остановка с Акафистом святителю Николаю, с двумя молебнами, с по-
грузкой в купели, с общим обедом. Но ведь и купели, и обед надо кому-то
приготовить. В церкви, пусть она ещё без куполов, тоже прибраться.

Горохово было огромным селом: сельсовет, средняя школа, больница, но
большевики и сменившие их коммунисты, ненавидя Православие, уничтожи-
ли его. В прямом смысле. Как фашисты. Жители были насильно изгнаны, пере-
селены, а все избы, все постройки, сожгли. Сгребли бульдозерами в одно место
и подожгли. Дым, как крик о помощи, восходил к небесам. И услышал Господь.
Увидел наши малые труды и дал сил на дальнейшие. Диву сами даёмся, что
было и что постепенно становится. В прошлом году разбирали фундамент
школы, поражаясь его размерам. Разбирали, потому что нужен кирпич для
возрождения церкви. Её тоже взрывали, но взорвать до конца не смогли.

Мы сидим у костра

Переночевали, день работали, измучились. Дождь остановил работу на
плотине, и у нас получился отдых. Пришли к костру раньше обычного. У по-
вара ещё и обед не готов. Мы знаем, что бригадир, которого в шутку называем
вождём, всё равно что-нибудь да заставит делать, что-то придумает, но пока
он молчит. Усердно, залюбуешься, режет стельки из картонного ящика. Дела-
ет он это, как любое дело, с упреком в наш адрес – вот он не умеет сидеть без
работы, а мы умеем. Но мы и молчать умеем, а он всё равно молчать долго не
будет. И – точно:

– Работу надо видеть, – изрекает он. – Нас послали не на пейзажи пялить-
ся, не чай распивать. Дрова всегда нужны. Топоры надо подтачивать. Так же и
лопаты. А пила! А ножовки! У колуна топорище расшатано. В домик нужно на
двери занавеску, на окна сетки. Или вас комары не жрут?

- Есть же препараты, – говорим мы.
- Это химия, это убийство лёгких. Вы раз в году бываете неделю в лесу, и эту неделю тоже хотите дышать химией, а? Отвечайте. Вы хотите дышать химией? Я лично не хочу, я буду спать на улице. Из принципа.
- Ну и спи, – хладнокровно говорим мы.
- А стыдно не будет?
- С каких коврижек?
- Вы в доме, а человек на улице.
- Ты не человек, ты бригадир, – говорит поэт Толя. – Ты вообще даже вождь. Парни, давайте проголосуем за параграф: вождь, как папа римский, всегда прав. Есть предложение. Нет возражений? Всё, командуй.
- Такая наша голосовка устраивает бригадира. И он сразу находит, в чём нас сделать виноватыми перед ним и окружающим миром.
- Ваша химия убивает не только вас, но и комаров. А?
- И что?
- Младшие братья, вот что. Питание для птиц. А птицы уничтожают вредителей леса. Также комары и мошки – корм для рыб.
- А рыб уничтожаем мы.
- Прощу без этих ваших поддёвок.
- Поддёвка – это из разряда одежды.
- Опять! На вашем бы месте я б разделся, хотя б до пояса, и выставил бы себя...
- На обозрение? Или на оборзение?
- На произвол кровососущих. Надо чаще помнить подвиги святых. Мы не святые, – назидает вождь, – но помнить надо. – После паузы он встаёт и просвещает нас на случай встречи с клещом. – Клещи сидят на краях веток у дороги, на самых кончиках листьев и держат передние лапки вытянутыми и готовыми для захвата. Вот так.
- Вождь полуприсел, выдвинул вперёд крепкие руки с растопыренными, полусогнутыми пальцами и очень талантливо изобразил как клещ ждёт добычу.
- А я изображу жертву, – говорит Толя. – Буду проходить мимо, цепляйся. – Он в самом деле проходит перед вождём. – Почему не вцепился? Братья! Величие вождя я вижу даже в лекции о поведении клещей. Я шёл как на параде, как мимо трибуны. Но на ней стоял не клещ, а вождь в виде клеща. В виде, сечёте? То есть голограмма клеща никак не могла наложиться на реального вождя.
- Ну, ребёнки, опять ваша демагогия.
- За стол, – зовёт повар.

Сидим, пьём чай

- Милка сшила мне рубашку из крапивного мешка, чтобы тело не болело и не тумкала башка, – сообщает Толя скорее всего сочинённую им самим частушку. – Очень вятское выражение: «не тумкала башка», в каких ещё странах и континентах до этого дотумкались?
- Крапивная рубашка – это власяница. При чём тут милка? – сурово поправляет вождь. – К утру сплету, на вас надену.
- Начинается турнир поэтов.

- Пятистопный ямб, – объявляет Толя: – Как поздно я, мой друг, на родину приехал, как дорого себе свободу я купил. Хожу-брожу в лугах, и нет ни в чём утечи, пустеет на полях: «октябрь уж наступил».
- Я знаю, чем отвечу, – говорит вождь Анатолий. – Обращение апостола Иоанна к семи церквям. «Ангелу Лаодикийской церкви...».
- Прочтёшь в церкви, когда пойдём на вечернее Правило, – невежливо перебивает Толя. Встаёт. Он в тельняшке: – По колокольной гулкой сини, по ржанью троечных коней, как я тоскую по России, как горько плачу я по ней.
- А почему не четвёрочных, не пятёрочных? – ехидно замечает Лёша. Ване это очень нравится. Он увлечённо перерубает ветки. Смотрит на отца восхищённо. Отец читает о монахе. – Это пока не на бумаге, пока в голове.
- Так нельзя, – укоряет Анатолий. – Нельзя надеяться на память, она ненадёжна. Душа, конечно, помнит, но она не пишет. Монах может и согрешить, но украсть не может, убить не может, не завидует, к экстрасенсу не пойдёт. Это всё отсекается. – Повару: – Надо ещё свежий заварить, есть же чай, не война же.
- Громко кричит коростель. Пасмурный закат. Анатолий:
- Ох, я в детстве убил коростеля, вот грех. С тех пор как услышу...
- Это его праправнук, он тебе отомстит за предка, – предсказывает Лёша.
- Чего ж, заслужил. Он упал, я подобрал и заплакал: какая красивая птица была. Да-а.
- Сейчас-то не плачь, не надо, лучше наливай, да помянем твоего коростеля, пухом стала ему земля, – говорит Толя, – а вятское название коростеля дергач, и ты, бригадир, не плачь.
- Песню знал, забыл, знаете, вот такие слова: «Наискосок, пулей в висок», не знаете? – спрашивает Анатолий.
- И закопают в песок? – спрашивает Толя. – А мне дай стакан и съестного кусок. И вообще, я хочу напиток и куснуть, а потом уснуть.
- И чтоб тёмный дуб, который здесь не растёт, склонялся над тобой и шумел? – спрашивает повар.
- Толя находится:
- А вы-то на что? Вы же тёмные дубы, так что преклоняйтесь предо мной.
- Лёша уводит Ваню в домик спать. Закат краснеет. Идём в храм, в котором уже есть и крыша, и закрыты щитами окна. Свечи гасятся сквозняком. Читаем и Правило, и Акафист святителю Николаю. Картонные иконочки укрепляем на бывшей школьной парте. Около них Саша успел уже положить букетики анютиных глазок. Пламя на свечках мечется от сквозняков. Заходим в колокольню, читаем молитвы у сохранившейся на стене фреске трём святителям: Иоанну Златоустому, Василию Великому, Григорию Богослову. Вспоминаем, как тут по два лета ночевали. То-то намёрзлись.
- А комаров было!
- Помните, дали нам прыскалку, мы друг друга с ног до головы обработали. Лежим, чего-то дышать тяжеловато. Утром читаем на баллоне: «Обрабатывать в маске. После обработки проветрить помещение и не входить в него 15-20 минут».

Трудовые будни

- Возвращаемся к костру. Закат перемещается к востоку встречать восход. Щедрый к ночи бригадир разливает, говорит Толе: «Пей первым, ты больше видел горя».

Ночью изжога, бессонница. Выходил. Так хорошо дышится. Светлая прохлада. Комары молчат. Скрипит коростель. Из домика выскакивает бригадир, хватая полешко и с криком: «Получай, фашист, гранату», – швыряет её в кусты. Коростель рад такому вниманию, усиливает звук.

Под утро оживил костёр, поставил чайник. Захожу в избушку с романсом: «Утро туманное, утро холодное, вставай, бригада, вставай, голодная». Толя, просыпаясь: «Меня остаканьте, чтоб не думать о Канте. Я храпел?» – «Храпели все, кроме тебя».

Идём к роднику. Роса, холод. Шли только умыться. Но пришли, стали работать. И вот, интересно, то ли так рады встрече, то ли труд наш очень нужен для участников Крестного хода, но здесь любая работа в радость, а не в тягость. «Нам денег не надо, работу давай», – это бравый бригадир. Меня гонит делать завтрак.

– Чай будешь заваривать, – наставляет он, – воду не прокарауль. До кипения не доводи. Слушай шум. Зашумит как пчелиный улей, заваривай. Смородины добавь.

Иду через густо-зелёный луг с полянками золотых купавок, с ароматной белизной черёмух. Поднимешь глаза – лес, ели как остроконечные шлемы древнего воинства. О, как весь год рвалось сюда сердце, и так хочется вновь надышаться ещё на год.

Завтрак тороплив, некогда чаи распивать, хоть и смородиновые: работы много.

За год купель истратилась, приходится заново восстанавливать. В неё лезут те, кто в сапогах, Лёша и Саша. Мы на подхвате. Ваня оказывается незаменимым. Бегаёт то за тем, то за этим к домику, помогает и мне. Моет посуду, да так, что за ним перемывать не надо.

У купели делаем бревенчатый настил на топком месте, ступени на склоне, перила к ним. Изготовили и устанавливаем арку при подходе к источнику. Над ней Крест. Кто ходил на Крестный ход, обрадуется новым свершениям, кто пойдёт впервые, будет думать, что так оно и было. А пойдёт неисчислимое море людей, и все будут погружаться в купель, набирать воду после Водосвятного молебна.

Горбатимся, копаем, идёт синяя глина, целебная, лечебная, но такая тяжёлая. Ещё ходим за осинами, спиливаем, притаскиваем, разделяем по размеру. Не рассчитали, приходится опиливать. Но опилиши, чурбачки идут в дело – выкладываем ими подходы к источнику.

Дерево осина чем хороша, не гниёт. И вообще дерево замечательное, она же не виновата, что на ней Иуда повесился. И когда осина трепещет листочками, даже в ясную погоду, без малейшего ветерка, почему говорят, что она трясётся от ужаса, она жизни радуется. Осина неженка, осенью первая желтеет, краснеет, оранжевеет и так оживляет лес, опушки, что даже не страшно думать о близкой зиме.

Дно купели выстилаем ровными, тонкими осинками. Прижимаем их сверху срубом. Другая часть бригады прочищает дорогу к роднику. И в прошлых годах вначале прорубали, потом расширяли тропу, но людей идёт всё больше, нужна уже не тропа, дорога, улица в лесу. Ваня полюбил топор, очищает стволы осинки от сучьев.

– Дружище, – говорит отец Лёша, – ты осторожней.

– Давайте все усыновим Ваню, все будем наставниками, – предлагает бородатый Саша.

Ваня уже освоился и смеётся громче всех:

– Дядя Толя, вы правда сегодня не храпели?

– Нет, дружище, как глаголил бы твой папаша, это не я храпел, это просто ты крепко спал, – отвечает Толя.

– А кто меня ночью потащил? – спрашивает Ваня.

Тут мы все начинаем смеяться. Ночью именно я, проснувшись, захотел что-то под голову подложить. Пощупал: у стены телогрейка. Потянул её к себе, а телогрейка как закричит. Это Лёша укутал сына в телогрейку, уложил его за общим изголовьем.

– Ваня, – советует Толя, – будешь писать сочинение: «Как я провёл лето», обязательно в конце припиши: «Марья Ивановна, всё было хорошо, вот только работать подушкой больше не хочу».

Ой, до чего же здесь хорошо!

А, как радостно, что мы здесь, тут мы молодеем, освежаемся телом и духом. И, как говорили древние, возгреваем православные чувства.

Готовлю обед, но решаю, чтоб сэкономить своё время для работ на источнике, заодно приготовить ужин. Кастрюль хватает, нанесли их за эти годы. Разошёлся, начистил ведро картошки. И спохватился: кончилась картошечка, много на себе не притащишь. А ведро за обед и ужин скушаем. Ещё бы, при такой-то работе на свежем воздухе, какой у всех аппетит. Ничего, завтра перейдём на каши. Я уж знаю, кто какую любит. Крупы много.

Раскочегарили с Ваней печурку, крышки кастрюлек дребезжат. В самой большой закипает вода. Завариваем, как велено, смородиновым листом. И, конечно, ещё и пачку листового.

– Ваня, ты и костровым был, и посудомойщиком, а теперь, ноги в руки, будешь посыльным. Аллюр три креста за работниками!

– То есть быстро бежать?

– Нет, надо ещё быстро стоять и долго спрашивать.

Ваня помчался. А я тарелки, кружки, ложки на артельном столе приготовил. Хлеб нарезал. Идут, мои братики. Саша сияет:

– Всё цветёт, всё благоухает! А птицы! Рай! Рай! Ванечка, запомни!

– Продолжаю диктовать сочинение «Как я провёл лето», в нём напишешь: я был в раю, у жизни на краю, там меня жрали комары и клещи, а в речке плавали лещи, – советует Толя.

– Стоп! – восклицает бригадир. – Раздеваемся! Немедленно! Надо это было сделать перед сном.

Бригадир совершенно прав, ибо клещи похожи на радиацию, их не видно, не слышно, но они есть. И вот – у Саши на шее, под бородой клещ. Хорошо, рано хватились. Смазываем укус растительным маслом. Бригадир ниточкой обвязывает клеща и начинает потихоньку как бы выкручивать его из тела против часовой стрелки. Не дай Бог, оборвётся. Но всё, слава Богу, обошлось. «Надо в баночку и на экспертизу», – говорит Саша без бороды. – «Много клещу чести. Экспертиза! Клещ и слова такого не знает, – говорит Толя. – Он уже не жилец, развяжите и отпустите».

Я стучу ложкой по кастрюле и возглашаю: «Отче наш...».

Читаем Акафист, ставим Крест

После обеда, перед новыми трудами читаем Акафист святителю Николаю. Поём всё лучше. Умилительны наши молитвы. Саша всегда плачет и оправдывается: «У меня слёзы сами текут и текут». Он старается всегда выбрать время, чтобы убираться в храме, выносить мусор, подметать пол. Пол, которого пока нет, утоптанная земля. А что было-то! Всё было завалено мусором, горами удобрений. Голыми руками выгребали. А запах какой шёл от удобрений, молодым женщинам становилось плохо – аммиак. Но вятские старухи и тут не сдавались. Помню, меня поразило то, что я собирал кучи битого стекла, ссыпал в старое ведро, и тоже голыми руками, и ни одной даже царапинки.

Молимся всемером, а будет так, что и места в храме не хватит. Говорим о том, что Крестный ход двинулся из Вятки. Знаем даже по часам, где они теперь. «К Бобино подходят». – «Нет, ещё часа через два». У нас, в Горохово будут послезавтра, часам к девяти утра. Выйдут из Монастырщины в три часа ночи.

Ставим Крест между источником и купелью. Делали его из молодой соsenки. Снимали нежную подкорку, вспоминая это лакомство детства. И сейчас тоже в самый раз. Всё в нас оживает. Особенно от воды источника. Её хочется пить всё время.

Чуть больше суток здесь, а кажется, живём тут давно.

Работаем и комаров замечать некогда. А их тучи.

– Ещё, Ваня, – советует Толя, – напиши в сочинении: «На Крестном ходу меня удивляло то, что комары совсем не кусали старух, а кусали меня и девочек. Дядя Толя объяснил: старухи железные, а девочки живые, а это разная степень вкусности». И сообщи граду и миру, что одна девочка тащила с собой целый пакет всяких антикомаринов, дезодорантов, и её всё равно жрали круглосуточно. Запомнишь?

– Запоминай, дружище, – советует Ване Лёша.

Бригадир, как всегда авторитетно, просвещает:

– Комаров создал Бог для питания птиц и для обновления крови. Убавляется крови, начинают работать кроветворные органы.

– Комарики любят пьяных мужичков, – в тон ему продолжает Толя. – Я же сам таков. Алкоголь входит в кровь, которую комары пьют. Балдеют, сами становятся алкоголиками, начинают на всех нападать, кусают даже машины и трактора. Ваня, запиши.

Опять мы промерились с длиной жердей для настила. Переделываем.

– Ничего, – утешает бригадир, – трудов напрасных нет.

– Есть бесполезная работа, сказал поэт, трудясь до пота, – это Лёша.

– Может, когда сюда и Патриарх приедет, – мечтает Саша.

– Вначале Архиерей, – решает Анатолий. – А я, братя, видел архиерея.

Лично. Возил документы от храма на подпись. Батюшка говорит: меня могут не пустить, ты пройдёшь. Прошёл. Попросил благословения, подал прошение. И не забыть подпись его: одна треть страницы – это прошение, а две трети его подпись. А вот вы, умники, скажите, почему, меня спросили в приходе, у Патриарха охрана, он ведь человек Божий, его Бог охраняет, почему?

– Да если б не было охраны, я бы первый стал его охранять, – заявляет Саша. – Столько сейчас психов, ненормальных, сектантов.

– Это не ответ. Его же Бог бережёт.

– Так вот, Бог и поставил охрану.

– Да, – восклицает Анатолий, – так мне и надо было ответить.

Ваня неожиданно спрашивает:

– А почему кружки после чая не надо мыть?

– Как так?

– Да, не надо, это я распорядился, – говорит вождь. – В невымытой кружке вкус нарастает. И вообще, в закопчённой сверху и чёрной внутри кружке есть что-то партизанское, фронтовое.

Приходится соглашаться.

– Не мыть, так не мыть, – говорит повар. – И в самом деле, есть же великая вятская поговорка: «С грязного не треснешь, с чистого не воскреснешь».

– Это от Писания, – сообщает бригадир. – Фарисеи чаши очищают, а сами полны нечистот.

«И остолбенели мужики»

Выстилаем коротенькими бревёшками ступеньки к источнику. Решаем сделать и другой ряд ступенек. Чтобы по одному ряду спускались, а по другому поднимались, не мешая друг другу.

Как пролетел день, не заметили. И не присели ни на минуту, только то и посидели, что за обедом. Очень много надо сделать, и чем больше делаем, тем больше остаётся. Надо заборчики у купели. И разделяющие мужчин и женщин, и укрывающие от любопытных. Надо вешалочки, какие-то крючки для одежды, надо полочки, всё надо. Молчаливый Саша устраивает вешалки гениально просто: это сучья сосны с большим количеством сучков. Отчистил, приколотил, залюбуешься. Такие бы в городскую квартиру.

Бригадир пишет номера на щепочках, переворачивает, предлагает брать. Это очерёдность погружения в купель. Ему достаётся первый номер. Тут, по ходу работ, после жеребьёвки, начинаются словесные упражнения на тему номеров и «остолбенели мужики». Это Толя рассказал стихи, которые были к столетию вождя. Как не могли мужики расколоть чурку, и как подошёл к ним невысокий, лысоватый человек. «Развалил он чурку на поленья лишь одним движением руки. Мужики спросили: “Кто ты?” – Ленин. – И остолбенели мужики».

– За бревно схватились первый с пятым, и остолбенели мужики, – это Лёша.

– За грудки схватились третий с первым...

– Не надо хвататься, надо дружить, – останавливает номер первый.

– Под бревно попали первый с третьим, и остолбенели мужики, – это Володя.

– Хлопнулся в источник номер первый, и остолбенели мужики, – это повар.

Толя, элегически:

– В разгоне любви коростельной, в цветущем во лесе густом, коростелька осталась нестельной, первый номер повинен в том.

– Размер неважен в конце, – критикует Лёша.

– Именно так! Неважен! А первый номер отважен, – Толя разошёлся, говорит сплошь экспромтами: – Чай пили вечером прекрасным, а птички пели за горой, за бригадиров седовласых, за первый номер и второй. Ну что, остолбенели, мужики? Так рифмовать вам не с руки?

– Ой, ребёнки, – смеётся бригадир, – умора с вами.

– Слово, речь – это словесная пицца, – сообщает Толя, – мы ею питаемся и сами её производим. Русская словесная пицца требует приправ: анекдотов, юмора, острого словца, она одна такая. Почему мы победили? Как бы без «Тёркина», почему бойцов ждали жёны и невесты, потому что стихи «Жди меня» читали, «Катюшу» пели. И гвардейский миномёт тоже «катюша». Неизвестно ещё, какая Катюша сильнее была фашистов. Высокопарно я сказал наверно...

– Но верно, – одобряет Лёша.

Я спохватываюсь: ведь вечер, надо бежать к костру, разогревать ужин. Хорошо, много рыбных консервов. Но и их надо вскрыть и разогреть, смешав с остатками картофеля и каши.

За ужином бригадир вспоминает: «У нас есть палатка, можно в домике не задыхаться от духоты. Ставьте!»

Но до того неохота нам, уставшим, возиться с её установкой, что мы с удовольствием внимаем экспромту поэта:

– Палатка – это не яранга, нам души горечью свело, но мы вернёмся бумерангом сюда, в Горохово село. Раскинем мы свои постели под крик всё той же коростели. И будет пухом нам земля под крик того коростеля, – и подкалывает бригадира: – Мятёжный дух у нас не помер: бежит за птичкой первый номер.

Тут и Лёша воспрянул:

– Вот номер первый сгоряча швыряет дротики с плеча. И племя зрит ему во след: добыча будет или нет?

– Ой, ребёнки, – привычно смеётся бригадир. – На следующий год привезу фузею двенадцатого калибра. Убивать не буду, поверх головы ему шарахну, он от страха голос потеряет. Но жить будет. Я в детстве взял у отчима двустволку, он из Германии привёз, зарядил. Нарисовал на бане утку, прицелился и... больше ничего не помню. Очнулся в крапиве, ружьё разорвано, утка наповал. Даже не крякнула.

Про царя Гороха

Но сегодня назревает нечто. Толя просит внимания:

– Нет ни еврея, ни арапа, ни грома с молнией, дождя, страшнее нет, ребята, храпа вчера поддавшего вождя. Пока он всю округу мает таким звучанием своим, всё племя грозно понимает: переворот неотвратим. И будет новая эпоха, другой устав, другой закон и что уже царём Горохом в Горохове не будет он.

– А кто вождь? – спрашиваем все мы. – Бригадир? Или он царь?

– Пока не знаю, – отвечает Толя, – но излагаю точку зрения: – Что такое бригадир? Говоря по-рабоче-крестьянски, бугор, шишка на ровном месте, говоря по-уголовному, пахан, говоря по-демократически, авторитет. Есть и жаргонное – бобёр. Приходит мужик к начальнику, в приёмной секретарше: «Привет, киска, бобёр у себя?» Начальник его спрашивает: «Что ты можешь?» – «Могу копать». – «А ещё что?» – «Могу не копать». Но и бобёр, и пахан, и остальное – всё хило, не мило, уныло. Нужна яркость в названии. Кто он, наш любимый, всё понимающий, во всё вникающий, единственный, безальтернативный, ведущий за собой? Как, как его назвать? Главарь, атаман, закопёрщик, вдохновитель и организатор всех наших побед? Как? – Толя

делает мхатовскую паузу. Мы молчим. – Имя ему я уже провозгласил в стихах. Цитирую из себя: «вчера поддавшего вождя». Имя ему... как? Вождь!

– Мы и так давно считаем его вождём, но не было же общих демократических выборов. Пока он нелегитимен.

– Ну, ребёнки, – стесняется бригадир.

– А ты решил, что ты уже вождь? – вопрошает Толя. – По менталитету ты тянешь, а по харизме? Выбирать надо вождя, выбирать, а ты самопровозглашаешься. Самоидентифицируешься. Рановато презентуешься. Преждевременно себя вождём позиционируешь. Учи, Ванечка, иностранные слова, столь обожаемые либералами.

Бородастый Саша рассуждает:

– У нас бригадир больше как вроде завхоз. А вождь понятие ранне- и средневековое плюс Ленин-Сталин. И как совместить?

– Сейчас надо не умничать, а раздеваться и осматриваться от клещей, – сурово говорит бригадир. – Клещ ползает два часа перед тем, как впиться. Два часа дано на его обнаружение. Надо слушать зуд.

– Племя в груди, слушай зуду, – тут же возглашает Толя. – Главный труд – слушать зуд. О, дождь, на плешь нам не плечи, по нам скитаются клещи.

И в самом деле накрапывает дождик. Дождинки, падая на костёр, как бы вспыхивают, вздыхают коротко.

Клещей на телах не обнаружено. Идём в храм на вечернее Правило. Ваня не хочет идти спать, тоже идёт с нами. Лёша доволен сыном, сообщает:

– И души и тела чисты, шагаем в церковь я и ты.

Толя:

– Я плакал около берёзы, и гас костёр, приемля слёзы.

Володя подсобляет свергать бригадира:

– Кто первым был, тот стал последним, но сохраняет нервы средний. – Да, наши здесь ряды редки, остолбенеет, мужики!

В церкви ещё настолько много трудов, но таких, что нашей бригаде не по силам. Не возвести же нам сорванный купол, не выложить уничтоженный алтарь. Это уже для профессионалов-реставраторов. Пока нам достаётся заслуженный нами дождь сверху и ветер отовсюду. Неуютно, но всё равно – мы в церкви. Стоит над нами Ангел-хранитель. Когда-то же здесь освящался престол, и молитвы, «яко дым кадильный» восходили к престолу Царя Небесного.

Зажигаем свечки. Кажется, только что читали это вечернее Правило, а сутки пролетели. Они были длинными, но не как в городе, здесь время протяжнее. А всё равно летящее. Ещё три дня, и пойдём со всеми дальше, в Велюкорецкое. Завтра они выходят из Вятки. Представляем, сколько сейчас во многих семьях сборов-соборов, волнений. Ещё поезда с востока и с запада, юга и севера в пути, везут в Вятку паломников. Они, конечно, выделяются среди других пассажиров. Но и другие тоже люди. Сегодня он глядит, как паломники читают перед сном молитвы, завтра и сам пойдёт. Ибо тянутся души к светлым людям, которые добровольно идут на лишения и трудности.

Перед сном ходил за водой для утреннего чая. В лесу, наедине с собой, громко, не стесняясь своего плохого голоса, запел. Птицы смолкли. То ли испугались, то ли заслушались. «Настало время моё».

А у источника застал Анатолия. Вместе помолились около креста. Вспомнили, как его устанавливали. Постояли, слушая тишину, которую усиливало тонкое пение комаров.

Скоро снова в дорогу

Когда заканчивается Крестный ход, то уже думаешь о следующем. Прикидываешь, чего надо взять, а что нынче не пригодилось, зря носил, то не надо. Становишься потихоньку опытным, незаметно меняешься. Но не меняется тяга к собратьям, к нашей бригаде.

Год на год не походит, так же и Крестный ход. Каждый раз разный.

– А помните, составляли инструкцию для крестоходцев, но не записали, жаль, – говорит Саша. – Меня спрашивают, что взять, во что одеться.

– Тут главное – во что обуться. Пластыря взять против мозолей. И зелёнки, она сушит. Носки запасные, шерстяные. И чтоб синтетики ноль целых ноль десятых. Свитер. Голову чем прикрыть, – перечисляет бригадир. – Из еды, что полегче, меньше всяких банок. Изюм, он лёгкий и питательный. Горький шоколад. Сухари! Обязательно ржаные. Мелкие. Идешь, сухарик во рту как конфетка.

– Какие там инструкции – раз пройти и всему сам научишься, – заявляет Толя. – Главное – взять благословение. Взял и иди, иди, иди.

Нас всегда веселит воспоминание, как на одном из наших первых ходов пошла женщина в годах, а её батюшка не благословлял. И она сильно занемогла. Упала. Что делать? Тогда никаких врачей с нами не шло. Бросать нельзя. Надо тащить. Сделали носилки. А чтоб её нести, нужно восемь мужчин. Несут по четверо, меняются. И вот её уложили на носилки, пошагали. Она кричала на весь лес: «Ой, простите меня, дуру старую! Ой, бросьте меня! Ой, закопайте!».

– Кайся, кайся, – говорил батюшка. – Не ухаживали за тобой враз восемь кавалеров, вот на старости лет порадуйся. Им-то во спасение, тебе за непослушание во грех.

И когда мы вспоминаем этот случай, то вспоминаем и то, что на Великой она исповедалась, причастилась, и обратно шла со всеми своими ногами. Но уже, взяв благословение.

В распутицу

Под холодным дождём пришлось идти и в этот раз. Думали, машина доведёт. И опять же, забуксовала. Вытаскивали. Ещё попытались ехать, вообще сели. Снова вытаскивали. Все в глине. Дождь хлещет. Вещи разобрали, надо идти.

– Господь труды любит, – говорит вождь. – А вы комфорта хотели. Как Маргаритушка говорила: грешить-то погоду не выбирали.

Никто иначе и не думает. Не идём, а ползём. Не до разговоров. Усталость полезна. Молитва усиливается. Отдых под деревом. Знаем, в вещах не только продовольствие, топоры, лопаты, пила и гвозди, но и лекарство от простуды. Молчим. А как вождь? Молчит. Спасает поэт: «Глас вопиющих из-под ели вождь слышал. Только еле-еле».

Вождь, выдержав мхатовскую паузу, отмеряет по полпорции. Читает «Отче наш». Малостью подношения не оскорбляемся. Это только начать. И поэт вскоре: «Таким людям нельзя не восхищаться, когда с имен я вынужден общаться». Вождь ценит поэзию, наливает. Да и нести будет полегче, груз уменьшается.

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – сообщает он. – Это научно доказано, потому что процесс гидролиза начинается в организме в первые минуты принятия дозы, и надо ему помогать.

– А чтоб между второй и третьей пуля не пролетела, – это, конечно, поэт.

Как в дом родной пришли

В Горохово, как всегда, доползли измученные. Сразу видно, что после и этой зимы снова всё заилилось, ступени к источникам размыты, подходы к купели заросли. И это за один год. А когда пятнадцать лет назад, после пятидесятилетнего запустения, тут прорубались, пропиливались, каково было? Нет, нынче всё фруктово. Хотя пришли, конечно, уставшие. Может, ради первого дня посидим у костра? Да где там с нашим вождем.

Костёр, конечно, запылал – моя работа, они пошли, начинать что-то делать, к источнику. Праздничный обед – салат, картофель с тушёной гречка, чай-чай-чай с мёдом – обеспечу за два часа. Тушёнку надо съесть сегодня, так как завтра начинаем поститься перед причастием.

Завтра вдобавок будет парадная гороховица в Горохове. Лёня каждый год приносит мешочек отборного крупного гороха. Замачиваю в котелке.

Всё! Кастрюли, большая и маленькая, в горячей золе, огромный чайник закипел, и чай заварен, тарелки, ложки, вилки разложены, кружки расставлены, где народ? Иду за народом. А народ разработался. Включаюсь и я. Но мне же хочется, чтобы братья горяченького поели. «Отец Анатолий, благослови на сегодня шабашить».

Разгибается: «Запиши: тот зря прожил жизнь, кто не был на Великорецком Крестном ходе».

Идём к костру. Радуга над храмом, он под ней как картина на выставке в полукруглой раме. И вдруг – глаголы небесные – долгий тихий гром.

Да, все мы, все будем с тоской и радостью вспоминать праздник Великорецкого Крестного хода. Да, праздник. Он, как и Пасхальная Светлая Седмица, недельный.

– Братья! Мы знаем, что такое рай: мы каждый год неделю живём в раю.

Передай по цепи кирпич

Каждый год много надо делать. Особенно нынче: перетаскать штабеля старых кирпичей. Мы же в прошлые годы их выкапывали из фундаментов бывших зданий, село же было. Сложили, погордились, а вот, оказывается, штабеля не на том месте. Записка от реставратора Андрея: «Перетаскать ближе к колокольне». Кирпичи старинные, большие, сырые. Друг друга осаживаем: «Не бери враз больше четырёх». Идешь – руки оттягивает. Тогда умная чья-то голова: «Давайте в цепочку встанем». Встали. Передаём из рук в руки. Дело пошло! Да ещё молитвы запели. И ожили. И когда меня стали гнать, чтоб я шёл, еду готовил, мне из цепочки уходить не хотелось.

Камо грядеши?

— Мы идём! Куда идём? Как куда? Вы не поняли, что ли? Идём в Царство Небесное, в Русь Святую! — это возглашает вождь.

Лежим на берегу Грядовицы. Привал перед большим переходом. Силы в организмах осталось только у языков. Лёня встаёт, перешагивает через нас. Лёша тут же: «Гениальная нога: три поэта — три шага». Толя сразу: «Любая рифма просто гнида пред совершенством Леонида». Боря: «Перешагнуть поэтов просто, когда лежат они по росту». Коля: «Труп комара застрял над бровью. Он сдох, моей упившись кровью». Толя: «Скажу вам покамест, пока я не стар: хороший комар — убитый комар». Повар: «Я не мечтаю ни о ком, когда иду я босиком». Коля: «Ботинки выбросил писатель, он был стопей своих спасатель». Лёша вернулся: «Впереди Медянский бор, — раздаётся грустный хор». — «А который сейчас час?» — «Двадцать пять минут доходит двенадцатого».

Встаём. Чуть ли не хором, сокрушённо: «Много болтаем, каемся, братцы. Очень пора нам уже исправляться».

Нельзя думать, что мы такие разговорчивые во время хода. Нет, идём, молимся. Есть за кого молиться, есть. За родных, за Вятку, за матушку Русь.

Впереди поднимают иконы, хоругви. Встаём. Краткий молебен. Пошли.

Критика вождя

— С народом будто бы братаясь, наш трезвый вождь ходил шатаясь, — поддевает Толя.

Вождь первый смеётся. Сел на чурбак. Толя: «О, мы испытываем дрожь при виде царственного трона. Внемли — сидит вчерашний вождь. И где теперь его корона?» Вождь пересел на доску. Толя тут же: «Во взгляде мудрых глаз тоска, опять творим себе кумира. Сиденье — жёсткая доска. Вот так проходит слава мира». Повар добавляет: «Сик транзит gloria мунди», что значит: слава позади! О, нет! Нас, слава, не покинь: уже поёт вождя латынь.

Коля накрывает чурбак лопухом:

— Не садиться! Для таблички пригодится: «Седалище вождя не боится дождя».

Толя:

— И на её открытии выпьем, а всё, что мешает, выпнем.

— А ч-чего жд-дать от-крытия? — заикается Леонид.

Коля элегически:

— Собьёт росу идущий впереди. У лидеров особая порода. Но даже и великие вожди мельчают без великого народа.

Толя гнёт своё:

— Спивался быстро коллектив, он требовал аперитив. Вы поняли? Спивался это как спевался. Не выпивка, а спевка.

То есть надежда по полпорции ещё до ужина. Имеем право — день пахали под дождём, не разгибаясь. Вождь, якобы не слыша Толю, поёт: «Климат, мама, северный, холодный, а я хожу в дырявых сапогах». И в самом деле снимает сапог, переворачивает, выливает жёлтую воду. Работали в низине у родника. Сушим мокрые рубахи.

Лёша: «И я демонстрирую!» — показывает совершенно измочаленные кроссовки.

— Братья, не занимайтесь бытом, — пресекает их жалобы Толя. — Наш вождь не тот, кто пляшет польку, а тот, кто сбежал в монопольку. А? Легче стало деду — реже стал дышать. Где тут кафедра еды? Как бы мне попасть туды. А где кафедра питья, там завкафедрю я.

Саша рассказывает, как выносили спирт, как прятали в плафонах-светильниках.

— Вынести трудно, тогда в конце смены хлесь стаканище и бегом на проходную, пока не распянул, успеть пройти. На одного собака кинулась, он её сапогом в челюсть. Завизжала. Увидели, что пьяный, стали таскать в милицию. Таскали-то зачем? Всё же ясно. И дотаскали. Он взял две бутылки красного, выпил полбутылки, пошёл на яму за гаражи и повесился.

— Самоубийство — тяжкий грех, — говорит вождь. — На завтра... — он начинает долго и занудно говорить о работе на завтра. Мы и так знаем: копать, таскать, пилить, прибывать, делать, переделывать...

Толя терпеливо слушает:

— Ты меня этой разрядкой довёл до того, что я опускаюсь до глагольных рифм: «Копать, катать, колоть, таскать. С плотиной, глиной, млатом знаться? Когда же стопку воспевать, когда же ею заниматься?»

— А знаешь, Толя, — спрашивает Саша, — как геологи в тундре выпивку ищут? Спрашивают пастуха оленей, где взять? Он спрашивает, какой сегодня день недели? Среда? Вот так пойдёте всё прямо и прямо, а в субботу свернёте налево.

— И так! — переждав вставку в свою речь, продолжает Толя. — Свергаем вождя! Нам же не нужен вождь в виде бесконечности, умноженной на ноль. Я буду вождём для народа. Никакой обязаловки! Хочешь — иди копай, тюкай топориком. Для аппетита. А лучше — без передышки отдыхать. Я так вижу: мой народ лежит на пригорке среди цветов. Солнце, обильная еда. Повар! Начинай генеральную репетицию! Никаких муляжей, фанеры, всё подлинное: обильная еда, питьё. Кстати, где питьё? Питьё рекой! Пусть наши танки идут на банки, а нам полбанки да плюс вакханки...

— Стоп! — сурово обрывает вождь. — Ты где находишься? Эпитимьи захотел? Женатому человеку стыдно произносить такие слова.

— Оставь ему хотя бы вакхические песни, — просит Коля. — Толь, ещё вспомни гурий и валькирий.

— А это ещё грешней, — упрямо говорит вождь. — Нам должно быть дорого другое.

— Всё, что нам дорого, припоминается и пропивается, песня звучит веселей, — Толя продолжает саморекламу. — Не уходите от выборов вождя, то есть меня. Моя система в системе законов, не имеющих обратного хода, одобряющих самовыражение. Хочешь выпить — вот оно — на столе. Хочешь спать — вот нары. Хочешь поработать — вот топор и лопата, и гвозди, и молоток. Мы — русские. Русский попьёт-попьёт, поспит-поспит, да как работнёт! И Транссиб готов.

— Это точно, это да, — опять перебивает Саша. — Русскому что надо? Пила, топор и лес. И всё! Дом готов!

— Дом готов! — хохмит Лёша.

— И так, — гнёт своё Толя, — приготовили верхние конечности. Голосуем за меня! Моя совесть чиста как перчатки хирурга...

— Залитые кровью демиурга, — поддевает Лёша.

— Мне хватит туманов Петербурга, — отбивается Толя. — Но об этом в другой раз, об этом чуть ниже. А пока выборы. Меня! Чур, не Меня.

– Подожди, Толя, тут нужен консенсус, – Лёша останавливает порывы Толи во власть. – И не только, ещё нужно промониторить прения сторон. А, кстати, какой у тебя рейтинг?

– Это как кворум решит, – отвечает Толя.

– А по какой квоте?

– Ну, демагоги! – восхищаются Александры.

– Нет, не демагоги, это была сценка-пародия на язык демократов, – отвечают кандидаты в вожди.

– Если на кого за час не сядет ни один комар, того и выберем, – решает пока ещё действующий вождь.

– Лёнь, ты у нас народ. Как трактуешь? – спрашивает Толя.

– Б-безразлично, – заикается Лёня.

– Наломай черёмухи, отгоняй комаров от меня лично. Заметь, я при наличии. Час потрудишься. Всего. Зато море счастья впереди.

– Еще не п-проголосовали.

Вождь ехидно:

– Тебя ещё до голого сованья сожрут.

Лёша ласково и задушевно вождю:

– Сердце моё разрывается, вождь, видеть не могу, как ты надрываешься, чувствуешь однокоренные слова: разрыв и надрыв? Это я взвалю на себя твоё тяжкое бремя. Ты будешь, по твоему выбору, референтом по культуре или консультантом по строительству...

– С-с-советником п-по т-телесным н-наказаниям, – рекомендует Лёня.

– А посуду кто будет мыть? – спрашивает повар. – Вы же знаете мой девиз: «У меня не хudeют». Вождь, мы тебя не обсуждаем, тебя не осуждаем, мы рассуждаем: у тебя место выборное или наследственное?

Вождь кряхтит и идёт к своему рюкзаку.

Да, о рюкзаках

Самый устрашающий по размерам и по весу рюкзак у Володи. Рюкзак он называет «смерть туриста» и «счастье паломника». Спросите, чего у него нет, если даже есть походная складная плита, пассатижи (?), набор приправ, всякие тяжеленные банки консервов. Мы свои банки стараемся поскорее выложить на общий стол при каждом привале, а Володя не успевает освободиться от тяжестей, ему же надо распрячься от своей поклажи, расстегнуть всякие пряжки на всяких ремнях. Так что тащит бедняга свой груз дальше. Прямо как добровольные вериги. Жалея его, забираем у него по паре банок. Но на следующем привале я стараюсь их поскорее высунуть на общий стол. И свои прибавляю. Вроде того, что я очень такой добрый и хороший. Но на самом деле это эгоизм: без груза легче идти.

Конечно, было эффектно, когда Володя в первый раз на привале в пять минут на своей плите согрел чай в литровой кружке. Кружка из тонкой стали с припаянной ручкой, которая совсем не греется. Это же такая роскошь – сидеть на поляне среди леса, и подставить под струйку кипятка свою кружку, и сыпануть в неё щепотку опять же володиного целебного чая.

Ой, чего только не было

У костра часто вспоминаем начальные наши хождения на Великую и труды в Горохово.

– А Крест поднимали, помните?

– О-о-о! – произносят все. И все крестятся.

Да, это незабываемо. Крест устанавливал Борис. Он и верхолаз, и альпинист, и опять же, как без этого, поэт. В епархии он знаменит тем, что ремонтирует, красит купола, стены. Полжизни между небом и землёй.

С утра он всё готовил к подъёму креста. Поднялся на купол, установил блок, перекинул через него тонкую прочную верёвку, сбросил её концы к нам. Мы привязали к одному концу крест и взялись за другой. Погода была спокойная. Но что такое сатанинская злоба к орудию нашего спасения: как только Борис сверху дал команду и мы стали поднимать крест, рванул ветер. Крест мотало в воздухе.

– Молимся, братья, молимся!

Запели: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». И много-много раз пели. Крест достиг вершины. Его принял Борис. Теперь уже вся надежда была на Бориса. Надо было укрепить крест в приготовленной для него гнездовине. Ветер превратился в штормовой. Мы кричали:

– Может, в другой раз?

– Молитесь! – кричал Борис.

И снова и снова: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», и Борю снизу вверх крестили. Вот-вот уже вроде вставил крест, а ударом ветра его сшибает. И опять молимся, и опять Борис старается укрепить крест.

– А не помните, за сколько установили?

Кто говорит: час, кто: полтора, кто: два. Не помним. А сколько раз молитву спели? Сто, двести, триста? Тоже не помним. Но вот он, крест, плывёт в облаках. А когда долго глядишь, то и сам начинаешь плыть как на плоту.

Сами виноваты

Мы виноваты сами, что захотели вождя. Мы заметили, что он, в общем-то, и сам был не прочь побыть вождём. А нам что, пожалуйста. Но вождь так просто не хотел трона, он, это ему было на будущее важно, сказал, что надо выдвинуть две-три альтернативные фигуры. И что каждая фигура в одной фразе выскажет свою программу. «Пожалуйста, – сказал Толя, – я – самовыдвиженец, как и все мы. Вот фраза: Со мною будет интересно, пусть и недолго». – «Почему недолго?» – «Так мы же всё быстро пропьём». – «Так. Теперь ты, Лёша». – «Труд и молитва!» – «Лёня!» – «Я н-нн-арод, – заикается Лёня, – меня в-в-выберут. Н-но я не п-пойду!» – «Почему?» – «Р-р-работать люблю». – «Повар, ты?» – спрашивает вождь. – «У меня будете сыты». – «А если продуктов не выдам?» – «Так ты уже чувствуешь себя вождём? Будь!» – «Нет, я не хотел быть вождём». – «А чего ж не говорил, что не хочешь?» – «Я молча не хотел».

– А почему же ты говоришь о пользе спанья на жёстком, а сам спал на двух матрасах?

– Чтоб они оба не простаивали. А вы спали, а я земные поклоны делал. Кто видел? Господь видел. Меня посетили мысли о своей греховности и своём самочинии, и я встал.

– А потом опять спать? И почему ты всегда недоволен нами, особенно с утра?

– Потому что я встал, а чай не готов. А вчерашний чай – это змеиный яд.

– А сам чего не заваришь?

– Кто же за вас будет молиться?

– А почему же ты видишь только недостатки?

– А кто тогда их увидит? Ну, ребёнки, поиграли в демократию, а работать кто будет?

Встаём. Разбираем инструменты.

Приснилась Маруся

Приснилась Маруся Распутина. Весёлая, красивая: «Говорю папе: я стихи сочинила, вот какие, – и читает: – Мы вышли из леса на поле пшеницы».

Вспомнил, так как идём Крестным ходом, и как раз вышли из леса на бывшее поле, но не только пшеницы, ни ржи, ни гречихи, ни овса. Сурепка. Оно вроде и красиво, так ведь и татарник красив.

Да, ведь ещё же и сам Распутин приснился. Сидит вполоборота. Его кто-то спрашивает: «Валентин Григорьевич, а вы причащались?» Он не отвечает, но понятно, что причащался.

А ещё при его жизни был сон, который ему рассказал: будто мы встречаемся с царём Николаем, будущим страстотерпцем, и с наследником престола отроком Алексеем. Валентин идёт впереди с царём, я с царевичем. Рассказал, спросил: «И о чём ты с императором говорил?» – «Пусть он тебе ещё приснится и сам расскажет».

Женщина идёт рядом: «В городе живёшь, в городе воздух в горле стоит, а здесь так вольно, так грудь наполнена. Но так тяжело: идёшь – идёшь, так грустно, так пусто, нет деревень, а раньше-то как! Столы выносили, ведёрные самовары, квасу наварят, плюшки-ватрушки. И их отсюда выжимали, налогами душили, сажали, на целину угоняли со своей целины».

Поле кончается, снова входим в лес.

Изгнание беса

– **В**ылечил я своего соседа от беса, – говорит на привале во время Крестного хода Анатолий. – Как? Он мне всё время: бесы, бесы, всё они ему карзились, казались. Видимо, пьянка догоняла, пил раньше крепко. А когда отстал от пьянки, то бесам-то, конечно, в досаду. Опять тянут. Везде у него бесы. И жена уже не смогла с ним жить, ушла к матери. Звал его в церковь, ни за что не идёт, не затащишь. Оделся я тогда, прости, Господи, самочиние, в беса. Вечером, попоздней. Вывернул шубу, лицо сажей вымазал. К нему. В коридоре грозно зарычал, потопал сапогами, дверь рванул, вламываюсь. Боже мой! Он в окно выпрыгнул. Я скорей домой, умылся. Рубашка, курточка. К нему. Он во дворе, еле жив, в дом идти боится. И мне, главное, ничего не рассказывает. В дом зашли вместе. Я у него в первую ночь ночевал. А потом в церкви батюшке повинился. «Ну, Анатолий, – батюшка говорит, – ну, Анатолий! А если б он умер от страха?» – Говорю: «От страха бес из него выскочил». – «Мог вместе с ним выскочить». А я каюсь и скорей голову под

епитрахиль сую. И что? И не являлись ему больше никакие бесы. Я к жене его сходил, уговорил вернуться.

Разговоры разговариваем

Когда на Крестном ходе идёшь, то надо одно – молиться. Зачем же и шёл, если не молиться? Молишься и идти легче. А увлёкся каким разговором или пристал кто, уже ноги тяжелеют, плечи от лямок рюкзака немеют. Опомнись: «Прости, Господи», опять за молитву. И, глядишь, вскоре пошагал, и дышится легко, и люди все какие хорошие, и природа вокруг какая свежая, и комары вроде не жрут.

Но на привале почему не поговорить. Тем более обязательно разговоры как обмен опытом.

– Меня, – рассказывает Саша, – поставили прямить гвозди. Их много надёрпали из старых досок, когда разбирали пристрой к церкви. Гвозди большие, прямятся плохо. Я день промучился, а на завтра пошёл в хозяйственный магазин, купил на свои деньги новых гвоздей, принёс настоятелю. Думал, похвалит. А настоятель вздохнул и говорит: «Саша, конечно, и эти гвозди понадобятся. Спасибо. Но дороже мне старые гвозди, которые ещё послужат. Ты не гвозди прямил, ты себя выпрямлял».

– А хоть и ругают батюшки за праздные разговоры, да только и сам много не поболтаешь, всё равно пешие труды прошибают. Не зря же говорят про Крестные ходы: молитва ногами. Солдаты на марше. Идёшь когда каждый день часов по шестнадцать, то усталость очень полезна.

– А вот, братья, я ходил на Царский Крестный ход в Екатеринбурге, так то совсем иначе, чем на Великорецком. У нас неделя, там один день. Как и Курский Коренной. А на Урале, никогда не забыть – пошёл первый раз, говорят, что идти около двадцати километров. Ну, я опытный крестоходец, так считаю, думаю: значит, это три привала, дойдём часов за пять. С вечера служба, потом Литургия, причастились, чаш, наверное, десять выносили, море же людей. Пошли. Идём. Владыка Викентий впереди. Идём, идём. А там же не как в Вятке, там вся дорога – это асфальт. А я ещё именно в тот год шёл, когда огромная эстакада над железной дорогой, железобетонная, зашаталась. В резонанс вошла. Это да. Под ногами ходят тысячи тонн бетона. Страшно. Если б не Крестный ход, что бы тут было? Крики, визги, истерики, паника. А тут молитвы зазвучали, и всё громче и громче. Все были уверены, что Господь и Царственные страстотерпцы беды не попустят. И успокоилась эстакада. А она метров пятьсот. Да, но что надо сказать. По сравнению с нашими там женщины идут нарядные, они же свои сарафаны в болоте, в луже не запачкают, в лесу не изорвут. Модницы там прямо исключительные. Но наши лучше. Да, так я же о чём. Идём и идём. Ну, думаю, наверное, только две остановки. Опять идём и идём. Иисусову молитву поочерёдно поём. Вначале братья, потом сёстры. И опять братья, и опять сёстры. Идти легко. Архиерей впереди. Думаю: ну, уральцы! Значит, только один привал. И вот, когда уже вышли к железной дороге, увидел указатель «К Ганиной яме, к монастырю Царственных страстотерпцев», понял, что вообще не будет отдыха. Вот Владыка!

– Так многие с того хода и на наш приезжают.

– Да. Стальными становятся. Это гвардия Православная куётся в таких походах.

«Мне голос был»

Как-то мелькнул в Горохово, но запомнился такой Виктор. Капитально бородатый, идёт один. Вождь сурово допрашивает:

- Ты взял благословение идти одному?
  - Мне так Бог сказал: иди один.
  - А еда есть у тебя?
  - Я Святым Духом питаюсь. Главное у меня борьба с плотью, с самим собой. Есть надо то, что не разжигает плоть.
  - А семья у тебя есть?
  - Семья мне мешала спасаться.
  - И ты решил её загубить?
  - Как?
  - Кормить же детей надо.
  - Большие уже.
  - То есть, как у цыгана, маленькие были, грудь сосали, подросли, воровать научились? Садись давай с нами, окрошкой плоть не разожжёшь.
- Виктор садится к столу, перекрестясь перед тем на храм. Сел на пенёк.
- Я из смирения на скамью не сяду.
- Поел окрошки.
- Вот тебе ещё каша овсянка. Тоже не разжигает.
- Поели, попили, прочитали молитвы. После вечернего Правила вождь называет Виктору:
- С утра вымоешь хотя бы один котёл. Вон крайний.
- Размеры котла, видимо, ужаснули Виктора.
- Я на северах на океанских судах ходил. Там движки в пятьдесят тысяч лошадок. В цилиндр как в этот котёл можно было залезть.
  - Вот и залезай.
- Но утром, ещё до нашего пробуждения, Виктор ушёл. Спасаться пошёл, бороться с плотью, или не захотел котёл мыть, не знаем.

Мальчик Володя

В конце первого дня Крестного хода подошёл ко мне мальчик, сказал, что он Володя, и попросился идти вместе со мной. Он остался один. Они шли с товарищем, а родители товарища догнали их и увезли сына обратно. А Володя с ними не поехал. «Я дальше пойду, я хочу весь ход пройти».

Да, нагрузочка, думал я, намучаюсь. А оказался Володя таким славным, был он не только не в тягость, а в радость. Всегда молчал, шёл рядом, на остановках приносил или травы кисленки, или травы, корни которой мы называли репой и ели. Также ели мы с ним сосновую и еловую кашку, молодые побеги, будущие шишечки.

Никогда Володя не заговаривал первым. Только всего и было, когда открылся с горы далёкий зелёный горизонт: «Лес-то какой большой. – Потом, подумав: – На запад идём. Ой, нет! На юг: солнце недавно взошло». И ещё: «Чайкам-то, видно, негде на реке жить, обмелела, сюда прилетели. Будут как вороны».

Володя всегда шёл рядышком. Прямо как любимый внучек шёл. Никогда ничего не просил, не жаловался, всегда старался в чём-то услужить. Ноги

натёр в резиновых сапогах, даже не сказал. «А тебя не будут искать?» – «Нет, я с бабушкой живу, она отпустила. Она раньше и сама на Великую ходила. Говорит: принеси мне травы батюшки Серафима». – «Сныти?» – «Да. Сейчас не буду собирать, завянет. Уж ближе к концу».

Именно к Володе привязался большой рыжий пёс. Бежал с нами от Велико-корецкого. Его любили, и он не голодал. Но всегда возвращался к Володе. Володя ему очень радовался, дал имя Пират, и считал своим. «Бабушка ругать не будет, он хороший».

Но покинул нас Пират. Видно, не хотелось ему возвращаться, но что делать – служба. Подпрыгнул перед Володей, положил лапы на плечи и помчался обратно. Ночевали в Мурыгино. Постелили нам на полу. Я лёг с краю, быстро уснул. Сплю я спокойно, одеяло всегда сползает, и я слышал, как Володя всё время поправляет его.

А назавтра Володечка ушёл. Уже начались окраины Вятки. Он увидел автобус: «Ой, мой номер, – и жалобно добавил: – Я ведь поехал, дядя Вова». – И убежал.

Очень мне стало без него грустно. Ничего не знаю о нём, неловко было спрашивать. С бабушкой живёт, траву-сныть батюшки Серафима ей понёс. Рада будет.

Резиновый сапог

Резиновый сапог на что годится? Недалеко от переправы через Грядовицу есть родник. Старухам к нему не подобраться. Молодой парень говорит: «Сейчас Медянский бор, большой будет переход, пить захочется, пойду, воды наберу. Кому принести?» Старухи обрадовались, тянут ему бутылочки. По литру, по полтора. Он покрутил головой: «Ладно, чего-нибудь придумаем». Ушёл с другом. Минут через двадцать возвращаются, тащат в руках каждый по резиновому сапогу. Видно, что тащат с усилием, ещё бы, в каждом сапоге литров по десять родниковой воды. «С песком промыли, ополоснули пять раз. Подходи, получай фронтные сто грамм».

Разливают воду в бутылочки. К каждому очередь.

Снова привал, снова разговоры

Женщина показывает фотографии: «Вот с какими бесами работаю, специально взяла показать». – «Дальше не неси, закопай. Или сожги, или утопи. Конечно, и за них молись».

Другая: «А у меня! Соседка читает мне про секту, специально приходит. От церкви отговаривает. Мол, у них лучше. Лечат болезни. Делают испускание ключей на восток. Я прямо плюнула: всегда на запад надо делать испускание».

Старик: «На фронте, на марше, сколь пить захотел, увидел огромную лужу, выскочил из строя, упал к краю лужи и внападку стал пить. Вдруг на меня гуси. Испугался сколь. А как пить не захочешь, когда на голове рама пулемёта, на плечах колёса. Да я ещё катки потерял, пришлось вернуться. Нашёл. Присел, лучше б не сидеть, а то сразу кинуло в сон. Очнулся от пальбы. Догонять! Догнал. Там не поймёшь, чего было, кто стрелял. Темно уже.

Окопались, пристреливаемся. Они кричат: «Не стреляйте сдаёмся!» – Выходят, сдаются. Я так курить хотел – уши пухнут. – «Раухен», – немцу говорю. Он угощает. И сам курит. Я и автомат забыл – курю... Да-а. Меня два раза в звании повышали, два раза разжаловали. Раз опять послали с термосом за ужином. Навьючился на кухне, возвращаюсь – заблудился. Пришёл... к немцам. Слышу: гыр-гыр-гыр. Под самый нос пришёл. Потихоньку, потихоньку в сторону. Тут наши как хватили по этому месту, ударили. Думаю – всё! Сел на землю, достал ложку из сапога, хоть перед смертью поем. Каша не больно горяча, съел с котелок. Поел, и обстрел перестал. Пришёл. – «Так это мы по тебе стреляли? Дак как ты жив?» – Мне бы признаться, что кашу ел, а стыдно, вроде как украдкой поел. Говорю: «В воронке пролежал». Тут возчик капусту гнилую везёт, вся расплзается, а пленные у него хватают с воза и в штаны прячут, штаны мокрые. Их кормили. Один дорвался, ведро киселя выпил, живот схватило. После ранений я фронты менял: Третий Белорусский, Первый Прибалтийский, Второй Прибалтийский. В хуторах подземелья, из домов подземные ходы. Когда успели нарыть? Значит, знали, что придёт Красная армия».

С нами идёт бледная, красивая Катя. Не ест ничего совершенно. И ни с кем ни слова. Зоя ей говорит: «У тебя сапожки рваные, а у меня запасные есть, возьми, пожалуйста». – Катя надменно: – «Вы всё сказали? Я могу уйти?». И ушла. – «Да она блаженная». – «Не блаженная, блажная. Если даже батюшку не слушает. Она же “святая”, где нам до неё». – «Ой не осуждай». – «Прости, не буду».

– Летом с ребятишками одни тревоги. Иду на работу, знаю, что всё равно на речку убегут. Прошу: вернитесь хоть пораньше, чтоб я видела, что вы не утонули. На работе всё сердце изорвётся.

– А вот, вроде как шутят, когда наказывают: утонешь – домой не приходи. А ведь утопленники чаще всех других покойников приходят. И у Пушкина то же, у Гоголя.

– Старик плёл лапти. Да какие! Воду не пропускали. Двадцать шесть пар наплёл, конфисковали, увезли в передовой колхоз «Красный Октябрь». А старик какой был знаменитый: и гончар, и печник. Горшки у него были, сейчас они вообще на вес золота. А печи клал! Уже изба вся разрушилась, сгнила, а его печь стоит под всеми дождями-снегами, подходи, затапливай! Когда лапти отобрали, он сказал: «Всё, больше на дядю не работаю». И слёг. И не встал.

– А я ещё ходила, когда нас гоняли. Уже у Великорецкого сцапали и в машину покидали, в кузов. У меня сумочку из рук вырвали. Там туфлешки да кофточка. И ведь отобрали. Завезли в лес: «Вылезайте». Мы вылезли, уже темно. «А куда идти, где дорога?» – «Пусть вам Бог дорогу укажет». – И уехали. А так и вышло: мы нисколько не заблудились, а у них машина заглохла. Их комары всю ночь шпиговали, они ж городские, непривычные.

Нам же и жаловались. Говорят: нас заставляли. А сами? Да. Вот я заметила по жизни: кто строил дома на месте кладбищ, в тюрьмы пошли, а кто безвинных сажал, те спивались и с ума сходили. На хлыновском кладбище постройки. Посадили. Татьяну, дочь его, я старухой помню, рассказывала мне, что её носили на руках на свидание. Он ей все пальчики перецеловал. Больше не видела.

– Ой, для смеху расскажу. Одного запугали, что в Медянском бору медведи, да они и были раньше, он поверил, взял с собой, ведь всю дорогу с собой

тащил, какой-то шокер, им, говорит, демонстрации разгоняют. И ещё газовый пистолет. Тяжело же. А не выбросишь.

– Какие там пистолеты, одну молитву надо с собой брать.

– А вот расскажу: у мамы был сарафан из ненашего шёлка, подарил уха-жёр. А её-то мать, моя бабушка, спряла сама и выткала льняное полотно и из него сарафан сшила. И по нему вышила розы, голубые и алые. Все ахнули, вот какой сарафан. «Носи, дочка». Так мама больше разу не надела тот, иностранный.

– Ухажёру вернула?

– Не знаю, врать не хочу.

– Ты говоришь, милиция гоняла. Так она какая ни есть, а своя. А вот иностранные фотографии – эти страшней. Чем? Идём через лес, много валежника было, тогда ещё не расчищали. Еле прокарабкаемся. И вот эти бесы, прости, Господи, с фотоаппаратами заходят вперёд и подстерегают, когда женщина или там девушка будет через дерево перешагивать. Когда ногу поднимет, тут старается щёлкнуть. До какого сраму эта Европа дошла! Или вот идём через кочки. Какая старуха и упадёт. Другой бы мужчина подбежал поднять, а этим одно надо: кадр.

– Ну да – русские в болоте. Им только это и интересно. Или вот в Горохово погружались, они снимали, в кустах прятались. Хорошо теперь, сделали ограждения.

– Да и архиерей распорядился: без разрешения не фотографировать.

– Они русских как туземцев снимают. У них и Пасхи-то нет, что с них взять, несчастные. Надо читать за них акафист «Умягчение злых сердец».

– Жадных.

– Новый акафист написать: «О просвещении глупых европейских умов».

– Да и свой-то просветить не худо.

– Неверующему говорит батюшка: – «У тебя пять детей, один слепой. Кого больше всего жалко? Слепого? Конечно! Так и тебя больше всего жалко. Скажи, как без Бога жить, как тыкаться в потёмках и умереть в обидах? Говоришь – пробовала молиться, и ничего в жизни лучше не становится? Да ты молись, чтоб хотя бы хуже не было!»

– Осипов, знаете? Алексей Ильич говорит, что жизнь земная не курорт, а больница. Я вот тоже думаю, что грехи надо не грехами называть, а болезнями. Только вот он зря вроде как успокаивает, что ада нет. Есть. Я за одно объединение попаду. Удержаться не могу, ем многовато. Вроде и постное, а всё же еда. Конечно, болезнь. Думаю, какие бы таблетки.

– Голод придёт, быстро вылечишься.

– Без храма не спасишь. Тело моют в бане, душу моют в храме. И молиться всегда. Стол без молитвы – это стойло для скота. И работать без молитвы – это в работа превращаться.

За столом с батюшкой

В Медянах позвали за стол. С нам батюшка отец Анатолий. Торопится поесть и встать. Зоя:

– Ты чего, батюшка, из-за стола рвёшься? Ты сиди, разъедайся, солидность нарачивай. С нами поговори. Вот почему свечки такие дорогие?

Батюшка отвечает:

– Может, это восковые. Конечно, они дороже. Горят аккуратно, неслышно, тихо, запах медовый, а химические трещат, воздух травят. Свиной жир в них добавляют. Нет, я поросятину в церкви жечь не дам.

– А вот, батюшка, у нас отец благочинный, прости, Господи, всё всем разрешает: и самоубийцу отпевать разрешает, и давленных, и травленных, и топлёных.

– Этого я не знаю, не видел, не слышал и обсуждать это не буду, и вам не советую. Нравится священник – молись за него, не нравится – тем более молись.

– Эдак, эдак, – поддерживают старухи.

– А вот, батюшка, говорят: для глаз очень полезно при вставании солнца на него смотреть.

– Пойдём завтра до солнышка и проверим, – подходит к окну: – Луна ещё, видите? В ореоле. Жарища будет, а если зимой так – к морозу. На природу мы обращаем внимание, и от этого к Богу приближаемся, мы же ею, Божиим творением, дивимся.

– Да, да, идём по природе, молимся, а от этого и в церквях легче молиться.

– А вот чего это, батюшка, нынче чересчур очень много говорят о деньгах. Нам-то что говорить, при наших-то капиталах.

– Чего вы бедности стесняетесь? – говорит отец Анатолий. – Всё вашими жертвами только и держится. Какой богатый для показухи отстегнёт и чванится. Так это разово. А прихожане – копеечки, пусть маленькие, но на каждой службе. Это надёжнее.

– А вот, батюшка, скажу: хорошо, что вы по улице в облачении ходите. А то встретила отца, имя не буду говорить, встретила, а как благословение просить, он в пиджаке, вроде чиновник.

– Не осуждать! – сурово говорит отец Анатолий. – Идешь в рясе – больше искушений. Ко мне тут парень подскочил: «А у вас борода не бутафорская? Можно подёргать?» – Дёргай, – говорю. Всё-таки постеснялся.

Мужчина (до того молчавший):

– Менты гонят на «Вольво», прут на красный. Гляжу – ни за кем не гонятся, а прут. Я их машину перекрестил, и машина у них заглохла.

Опять идём

Обгоняет машина, свирепо газует, прямо напирает. От неё шарахаются. Шофёр ещё и резко сигналил. «Ну, этот прямо в ад поехал». – «Этот-то ещё, может, очнётся, а вот новые эти, говорят: новые русские, эти в огонь, в огонь! И никакие это не русские. На какие это деньги они новыми стали? Как в новых перекрестились, кто крестил? Эти – в ад! Никуда не денутся. Каждого барана повесят за свои рога».

– Да пожалей ты их!

Андрей это нечто

Дождь, утро, у нас новый начальник, который сверг и вождя нашего, и нас ни во что не ставит – Андрей. Имеет право: мы-то раз в году приходим в

Горохово, а он ещё тут будет и лето, и всю осень. Но очень, к сожалению, груб. И – что очень досадно – не любит, когда мы становимся на молитвы. Время теем, по его мнению. «Трудом молитесь, трудом!» Зовёт нас рахитами. Володя сочинил: «У нас инфаркты и бронхиты, туберкулёз и простатит. А он кричит: “Вперёд, рахиты! Вперёд! И пусть вас Бог простит!”»

Андрей ещё и начётчик: «Безплатно работаете, значит, надо работать в полную силу». – «Не бесплатно, – поправляет вождь, а безденежно. Мы денег не получим, а плату от Бога получим».

Дожди. Обедаем стоя, из одного котелка. Надо штабель досок перетаскать. Штабель такой огромный, что лучше на него не смотреть.

Таскаем. Саша облегчает усилия рассказами о медведях и кабанах: «Медведи умные, не тронут, лишь бы не медведица с медвежатами, а кабаны – это безпредельщики, прут и прут. От медведицы не скрыться, а от кабана только на дереве».

Баный час

Спасибо Андрею: нынче уже и баня. Сан Саныч натопил. Радуемся, ибо намёрзлись, да и ночь впереди трудная: матрасы после холодной весны влажные. Негде было просушить. Хвалим Сан Саныча. Он: «Я люблю, когда меня хвалят». Плохо видит. Толя подковыривает: «А как же ты женщин различаешь?» – «Я наощупь» – отшучивается Сан Саныч. – «Это что такое, такие разговорчики!» – кричит вождь.

Баня крохотная, но троих вмещает. Первая партия пошла. Толя садится на чурбак: «Я в кресле, даже под дождём, себя восчувствовал вождём».

Оба они, Толя и Саша прыгали с парашютом, есть что вспомнить. Саша:

– Не спал я всю ночь, перенервничал. Прыгнул. Вслед кричат: «Красная строка!». Я всё забыл. Учили говорить: «Пятьсот один – два – пятьсот три». Дёргать кольцо. А страшно: вдруг не раскроется. А земля на меня несётся, дёрнул от страха – парашют раскрылся. До этого прыгали на пятки. Со стола. Стол на стол и ещё стул.

– Парашют сам собираешь, – рассказывает Толя. – Пишешь расписку: за мою безопасность никто не отвечает. Ничего себе думаю – неминуемая приходит. Расписку написал, насторожился. И всё кажется, что парашют не так собрал. Нам говорят: бросят против ветра, это красиво. А прыжки уже идут, одного уже закрутило, хлопнуло. И уже кричат нас. Говорю другу: «Юр, мы же неправильно собрали». Кричат ещё раз: «Гребнев, Сафронов!». Пошли. А Сафронов тяжелее меня на пятнадцать килограмм, первый должен прыгать, чтоб меня потом не погасил. Самолёт АН-2. Лётчица – баба, курит «беломор», глядит презрительно. Мгновенно заволокла в высоту. Юра сел у люка, спустил ноги, глядит жалобно. Баба папиросу сплёвывает, кричит: «Прыгай!». Он молчит. А самолёт крохотный, люк рядом с лётчицей. Она Юрку ногой выпихивает. Рассердилась на него, надо же делать ещё круг, керосин тратить. Юра нырнул. Теперь я. Ноги свесил, их ветром так сгибает, кажется, что в колене сломит. Боюсь. Но ведь всё равно выпинает. Полетел, стропы дёргаю, ничего не запомнил, велели ноги вытягивать, я вроде вытянул, но сел не на две точки, а на одну, сидячую. Язык до крови прокусил. Подбегают: как? Мычу, встать не могу, кровью плююсь.

Пора и нашей смене в баню. Толя в предбаннике:

– И при дожде и без дождя спешит помыться друг вождя, – лезет на полк. – Сашка, «друг елецкий иль смоленский, дай гвардейскую!» Ещё! Не жалей, вода не куплена! «Отдыхай, теперь оно!» Эх, жить хочется, забодай тебя кальмар!

Баня ах как хороша! Вот это русское «оно», оно из «Василия Тёркина» не по зубам для переводчиков. То есть достигнуто искомое температурное состояние, когда тело в истоме, когда кожа стонет от счастья и просит веника. А веники у нас двухсоставные: пихта и берёза.

Одеваемся. Саша: «Меня бабушка учила: “Ходи баско, говори бастенько, не омыляйся”». Другой Саша: «А у меня бабушка ни копейки за так не давала. Прошу пять копеек на кино. Она: вот возьми поленья в сенах и принеси к печке. И пятак даёт уже как заработанный».

Как хорошо после бани в мокром лесу. У избушки разводим костёр. Вождь у нас Анатолий, несмотря на Андрея, по-прежнему зовём вождём Анатолия.

– Дуйте, дуйте! – кричит вождь, падая на колени перед костром.

– Уроды, – кричит, пробегая, Андрей-диктатор. – До сих пор котлы не вымыты! Рахиты!

– Ад себе готовит, – говорит вождь. – Молитесь за него. Нельзя же, грех, называть человека уродом. Слабо знает Писание. Не знает, что ему грозит.

Лёня, прямо залюбуешься, сколачивает полочку для икон.

– Я хочу походить на Лёню, – говорит Толя. – Смотри, Ваня, топор какой: он и молоток, и рубанок, им у дяди Лёни и бриться можно. Вырастешь, обрастёшь щетиной, проверишь. Любой инструмент просто гнида пред топором Леонида.

– Мы не имеем права походить друг на друга, только на вождя, – говорит Коля.

– Так трактуешь? – спрашивает Толя. – То есть вождь может походить только на себя?

– И никак иначе, – хладнокровно кивает вождь. – Меня Господь сотворил по Своему подобию, как я могу ещё на кого-то походить?

– Но другие тоже сотворены по подобию!

– А другие как хотят, – ещё хладнокровнее отвечает вождь.

Готовим еду

В четырёх огромных, литров по пятьсот, котлах варим гречневую кашу, кисель. В один из котлов натаскиваем воды для кипятка, для чая. Но Андрею всё кажется, что мы мало задействованы.

– Главное, – учит повар, – увидев Андрея, хватайте лопату или топор, или изображайте, что куда-то торопитесь. А то запряжёт.

Ночь прошла почти бессонная. И почему бы не поспать, есть же дежурные. Но Андрею надо всех взбулгачить. Спать не давал, гонял. То надо палатки для торговли свечами оборудовать, то ещё и ещё дров подколоть. Темноты в природе не было совсем – июнь. «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

Мы всё приготовили, вымыли, крупу засыпали, костры под котлами горят. Но Андрей всегда будет всем недоволен. Бежит, орёт: «Мешайте, мешайте!». Пробежал. Толя подхватывает: «А кто мешает, того бьют». Андрей бежит обратнo: «Двое в Уазик»!

Уазик Андрея Володя назвал «рахитовоз» и к нему присочинил: «У нас инфаркты и бронхиты, туберкулёз, эндокардит. А он кричит: “Вперёд, рахиты! Вперёд, пусть Бог вас наградит”». Уазик без глушителей, чтобы усилить его проходимость. Он так ревёт, что здешняя благодатная тишина в испуге спряталась на кладбище.

Сан Саныч с Володей уезжают встречать колокола. Усиливаем обкладку котлов поленьями, вчера кололи весь день. Мешаем кашу огромными деревянными лопатками. Лём, не жалеем, растительное масло. Вроде, соли мало. А мне кажется, в самый раз. А Лёня говорит, что даже и многовато соли.

Рассуждения у котла

– **В**от вам наглядная иллюстрация к теории Джона Локка о чувствах. Они обманчивы, – это повар философствует. – Лёне кажется – много соли, мне вроде в самый раз, Лёше соли не хватает. А кто управляет чувствами? Разум? Это Кант. Да и разум может врать. А им кто управляет? Правильно, дети, воля, тут Ницше и Шопенгауэр. А рядом уже фашизм. Ибо появился племянник английской королевы Дарвин. Он спрыгнул с дерева, он развился от инфузории-туфельки, встал на ноги, изобрёл станок Гуттенберга, и что? Надо же дальше, надо же от человека идти к сверхчеловеку. А это, дети, как мог бы сказать Заратустра, фашизм.

– И как это женщины всю жизнь у плиты, с ума сойти, я бы повесился, – рассуждает Саша. – А вообще вот что скажу: всё говорят: жёны декабристов, жёны декабристов. Да любая русская женщина, которая с алкоголиком живёт и не бросает и вытягивает его, выше любой декабристки. Если б не русская женщина, полстраны бы умерло под забором.

– А как эта пословица: какие девушки хорошие, откуда же злые жёны? – спрашивает Лёша.

Толя прекращает разговоры частушками:

– Ой, подружка дорогая, до чего ты хороша: ведь природные румяна и открытая душа. И – хором! Наша Вятка серебриста, на песочке камешки. Наши девушки гуляют, не ругайте, мамушки. И – вполголоса, от имени противоположного пола: – Хороши, хороши в нашей реченьке ерши. Парни любят понарошку, ну и мы не от души.

– Вот ещё, пока не начали работать, случай расскажу, – говорит Саша. – Едут русский, чукча, грузин, хохол. Скучно ехать. Давай играть. А как? Карт нет. «Давай так, – говорит грузин и ставит бутылку коньяку: – Дама». Хохол шлёпает шмат сала: «Король!» Чукча хлопает балык: «Туз!». Русский говорит: «Мне крыть нечем. Снимаю». И всё сгрёб.

– Что это? – вопрошает Лёша. – Москальская шутка или великодержавный шовинизм?

– Какой там шовинизм, – возмущается повар. – Вспомни пословицу: не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь. «Москаль зьил твоё сало». Много ты его у них съел? Мне вообще больше белорусское нравится. А лучше всего вятское.

– А на Крестный ход много приезжает из Украины и Беларуси, – говорит Саша. – Из Риги целый вагон.

Скоро придут. Пришли!

Много уже прибежало помощников из Крестного хода. Вряд ли их благовословили обгонять Крестный ход. Покаются. Говорят, что нынче идти тяжело. Ещё бы – глина, грязь внизу, дождь сверху. Но это всегда так. Испытывает Господь. Не бывает Крестных ходов курортных. Дождь, град, снег бывал в эти годы. А уж дожди всегда. А то и жара-жарища. Холод, кстати, лучше, чем жара: комаров меньше. И вообще, Крестный ход – это трудности. А мы всё удобства всякие изобретаем. Помним, Маргаритушка назидала: «Санаторию захотели? Грешить-то погоду не выбирали!»

Пришли! Колокола! Море людей, море дождя. Море горящих свечей. Акафист в храме. Люди радостные, хотя и приморённые, шатаются даже от усталости, мокрые.

Горы записок на столах, которые мы утром поставили, протёрли. Толя знакомой женщине, Наташе: «Услышав колокола звуки и не во сне, а наяву, я вытер трудовые руки о восходящую траву». Её, что совершенно понятно ценителям поэзии, восхищают слова «о восходящую траву», тут и рост травы, и весна, и стремление ввысь, и чистота: трава мокрая, моет руки.

У источника полчища людей. Нашей бригаде немного грустно – уходим отсюда. Выслушиваем слова благодарности за оборудованные купели, за ступени к источнику. Вождь вещает:

– Нам благодарность в погибель. Вся слава Богу. Мы много живой природы загубили, проход прорубали.

– Зато как стало хорошо-то проходить, – благодарят те, кто помнит прежние годы. Ведь с чего начинали!

Жизнь учит

От комаров не спастись, лучше смириться. Просыпаемся – брезентовые стенки и потолок палатки в россыпях красных ягод, это капельки нашей крови просвечивают сквозь брюшки комаров.

Холодно. Вылезает Толя:

– Ой, у меня родовые схватки, ой, слово рожая. Глагол рожая. «Треморить». Тремор – это психиатрический термин, трясучка. Меня это утро треморит.

– Я тоже слово рожая, – говорит от костра повар. – Я обезсучиваю осину, сучки обрубаю. Да, Толя, весь ты в своей крови.

Толя тут же:

– Приглядиись к человеческой драме: слёз кровавых река пролилась. Всюто ночь война с комарами с переменным успехом велась.

Мы поминаем, нас помнят

Пригодились наши длинные столы для молебна, они завалены записками-памятками. Прочитанные батюшками паломники опять берут себе, чтобы и на следующем молебне положить для нового прочтения. Поминание родных и близких – это одно из главных на Крестном ходу. О, сколько же имён! Если идёт пятьдесят тысяч и хотя бы половина пишет памятки, то ведь пишет не по два-три имени, десятки родных поминает, это сколько?

И нами расставленные тяжёлые железные корыта на ножках, заполненные песком, тоже всюю работают. Это подсвечники. Расставлены вдоль стен. Пылающая дорога от паперти к алтарю. Свечи всё добавляются.

И мы уверены, и это много раз подтверждалось, что, когда мы кого поминаем в молитвах, то те, кого поминаем, вспоминают нас.

Задуманное коллективное погружение не состоится: много работы. Ещё приготовить место для стоянки знакомых паломников, натаскать дров для костра и, опять же, побольше воды. Бегу к источнику, придумав уважительную причину – набрать воды для последнего здесь в этом году чаепития. И торопливо ахаю в купель. Троекратно. Чувствительно. Освежающе. Укрепляюще. Ободряюще. Заряжающе. Воскрешающее!

А вот староверы уже прошли. Никак не хотят ходить с нами.

Разговор о них. Выстоят, если в Православие обратятся. А они считают, что мы должны вернуться в их веру. Но какая вера – считают, что только они правы. Но так и любые сектанты считают. Поговори поди с баптистами, адвентистами, всяким свидетелями Иеговы, – так только они и правы. Но староверы – наши! Наши братья.

Разговоры на привале. Арсенька и другие

Вождь учит:

– Ловить рыбу надо на нитьё. Как? Червяка насадить на крючок, закинуть и начинать нить: «Вчера ты, рыба, не клевала, с утра не клевала, скоро обед, а ты всё не клюёшь». И всё равно клонет. – Разговор на привале.

– У нас Арсенька так-то ловит на нитьё, – замечает паломница.

Да, уж этот Арсенька. Видно, и он послан нам для терпения. Он именно ноет: как ему тяжело жить, как на работе над ним издеваются, не платят, нечем за свет заплатить, еды нет, только картошку ест, да кильку. Конечно, куда денешься от русской жалости, подают ему. Всё равно ноет. Когда кто-то не выдерживает, особенно мужчины, бывшие военные, и внушают ему, что недостойно для мужчины побираться, Арсенька тут же обороняется: «Все вы тут Чапаевы да Будённые, один я рядовой. Не учите жить, помогите деньгами».

– У матери деточки ушли за ягодами. День прошёл – нет и нет. И вечер уже. Побежала в церковь – закрыто. Тогда и на паперти и у алтаря молилась. Пришли, рассказывают, что заблудились, а встретили старичка, дедушка такой седенький, он им дорогу показал. Святитель Николай, некому больше.

– Град-то в прошлом годе был, помните, конечно? Перед Великорецким. Как лупило, о-о! И целлофан на всех теплицах изорвало. А мы шли с соседкой Наташей. Идём мокрые, голову прикрываем. Ну, думаем, пропали наши теплицы. Вернулись. Так – поверите – наши только теплицы и уцелели. А Дуся, тоже участок рядом, говорит: да как же это, этакое чудо – будто кто заморозил ваши участки, у всех все грядки выбило, у вас уже у огурцов по два цветка. Пойду, говорит, с вами на будущий год. Дак чего-то не вижу, пошла или нет.

– Из Макарья женщина пошла, забыла дом закрыть. Спихватилась к концу дня. А, не буду возвращаться, как Бог даст. Вернулась, в доме парень небритый, кидается к ней в ноги: Всё верну, что поел из холодильника, только выпусти. «Иди, кто тебя держит?» – «Старичок держит. Я иду к дверям, он встанет на пороге, я боюсь». Всё батюшка наш!

– Самоубийцы прямой наводкой идут в ад. А солдаты убитые в рай. Идут в рай без мытарств.

– А вот, женщины, как рассудить? Сменщик у меня был. В церковь ходил. Нечасто, но ходил. Правда, пил. А как началась эта горбачёвщина, стало всё горбатиться, как стали народ спаивать, убивать этими спиртами, «рояли» всякие, мужиков ещё «роялистами» обзывали. И я ему говорю: не бери в киске, это гибель. А он взял, налил сто, выпил и сидит с открытыми глазами. Я чего-то говорю, он молчит. «Ты что молчишь?» Взял за плечо, он и повалился. Готов. Так это самоубийство или его убили?

– Европа убила. Её и судить.

– А вот я бы американского президента спросила: «Зачем тебе везде надо свою власть? Деточка, ты же лопнешь».

– Все обвалы, хоть у отдельного человека, хоть у народа начинаются с гордыни. Заносишься? Значит, мордой в грязь всё равно сунешься.

– Говорят, трудно ли рыбачить? А что там трудного? Наливай да пей. И трудно ли в Крестный ход идти? А чего там трудного – бери с собой ложку и иди, и ешь. Кормят же везде. И в Великорецком, и в Медянах, и в Мурыгино, и в Гирсово.

– Шутка шуткой, а сколько идёт очень бедных людей, они рады хотя бы неделю поесть.

Победила комаров

«Марьяна – юбка портяна». Так в шутку называли совсем юную студентку Марию. Красавица. Тряслась над своей красотой, боялась комаров до смешного. Тащила полсумки всяких препаратов от кровососущих насекомых. На привалах намазывалась. Но ведь жарница, от этих мазей тем более лицо потеет. Становилась некрасивой, страдала. На привале салфетками снимала остатки препаратов, заново оштукатуривалась. Клавдия всё подшучивала. «Ох, Марьяна – юбка портяна». И вот – исцеление. Сама, сама! Мария вышвырнула всю косметику в кусты и сообщила, что дарит её лисе-моднице. И пошагала! Да ещё так похорошела. И никакие комары не смели к такой красоте подступиться.

Рифмы – это болезнь

Толя заражает рифмами:

– Мы любим вятскую природу. В ней от сумы и до тюрьмы вождь соответствует народу. Свергать вождя не будем мы.

После затаскивания строительного материала для лесов внутрь храма, мы сели передохнуть. Умаялись все, но только не талант поэта. Толя заиклился на теме вождя. Переходит на элегические размеры:

– Вождь много не говорит. На полях, в лесах или в поле ты. Слово его огнём горит, оно равнозначимо золоту! – Как?

– А какое именно слово равнозначимо золоту? – спрашиваем мы.

– Вождь, на подвиги нас возбуждая, но о нас не заботясь нимало, утомлённая сила вождя нас на подвиги поднимала.

– Это на троечку, – честно оцениваем мы.

Поэт вздыхает:

– Мне хорошо, ребята, с вами поговорить и помолчать. Такой сегодня вышел саммит: и вам и мне неплохо, чать.

Кто-то рифмует: администратор и дозатор. Толя тут же:

– У пирса ты стоял, у мола я. Твоя поэзия комолая. – Он не терпит конкурентов. – Повар, помнишь крестоходца – китайца, скажи, на ужин будут яйца? Не будь к страданиям жесток, белок нам нужен и желток.

Да, помним, был такой китаец. Пока вспоминаем, вождь выдаёт совершенно неожиданно для всех:

– Какой тебе ещё белок: сегодня пятница, милоч. Поешь картошечки с елеем: святые наши это ели.

Да, это очень не комоло. Толя сражён, мы восхищены. Вождь командует идти к источнику, выкладывая дёрном топкие места.

– Отцы, у леса вырубаем куски дёрна и несём. Не халявничать! Не халтурить! Примерно пятьдесят на пятьдесят.

– Халтуру я не потерплю, поскольку я труды люблю, – уныло, от имени вождя сочиняет Толя. Видно, он переживает рифму вождя «елеем – ели».

– Делать капитально и красиво! – командует вождь.

Толя тут же:

– Он ехал на кобыле сивой, но делал он всегда красиво, – да, Толя первенство не упустит. Вскоре он сидит на скамье у источника и вещает: – Когда скамью соделал вождь, то сей сидень всегда хорош. Мои крестьянские привычки: чтоб надо мною пели птички.

Вождь гонит «шалунью рифму», переходит на суровую прозу, вразумляет:

– «Всякое дыхание да хвалит Господа». Всякое. Но не ваше. А ваше не хвалит, поняли? Выпили вчера?

– К-к-каплю, – заикается Лёня.

– Каплю! Капля океан освящает и капля душу может загубить.

Ещё и ещё вырубаем квадраты дёрна. Поднатужась, таскаем. У источника зеленеет, хорошеет. Все довольны.

– Обедать!

Идём. Вождь нагибается по дороге и поднимает тяжёлую доску.

– Оставь. Крестоходцы сядут.

– И на земле посидят, – учит вождь, – земля силы даёт. А доска пригодится. Вот я поднял доску, а все вы делаете холостые пробеги.

– Мы все с тоской, а ты с доской, – это, конечно, Толя.

Вождя уже не остановить:

– Богу нужны не ваши молитвы, рассеянные они у вас, а добрые дела. Все ваши свечи – всё зря. Как вы могли пройти мимо хорошей доски? Для храма Господня, как?

– Воздаст тебе Господь по делам твоим, – желает Лёша.

– Мне-то воздастся, а вам? Никто доску не взял, а? Только я. Пример давал. Пример надо было подхватить.

Видно, что вождю нелегко: доска немаленькая. Но мы, наверное, из вредности, её не подхватываем.

У костра обед и опять же рифмовка, которой неизлечимо болен Толя. Он и нас вовлекает:

– Хоть во пшенице, хоть в овсе, рифмуйте все, рифмуйте все! Хоть в васильках, хоть в ячмене, пускайте рифмы вы в мене, – и, беря реванш за сочинённый вождем стих о пятнице: – Привык наш вождь тогда блистать, когда

заставил нас устать. Повар! – стучит ложкой по пустой чашке, прося добавки. – От кисленки и щавеля, едва ногами шевеля, народ терпел свою нужду, когда вождь лопал лебеду.

– Да, – подтверждает вождь, – не лопал, а ею питался. И от того мы непобедимы! Санкции – это такая мелочь.

– Да, скажу вам, ребята, я: санкции – мелочь пузатая. Поскольку суровые зимы, постольку мы Богом хранимы.

– Толя, это ж такая зараза – рифмование, – замечает повар. – Есть же уровень повыше – проза.

– Приведи пример. Из нашей жизни.

– Пожалуйста: «Иногда вождь выходил на природу, внимательно её озирал, но не всегда бывал доволен ею». Плохо, что ли?

Художественный свист

Саша делает знак: внимание.

– Иволга! – оказывается, Саша может подражать голосам птиц. А мы и не знали. Саша проводит мастер-класс. Подражает пению птиц, свистит на все лады. И птицы, то слушают, замирая, то подчирикивают. – Соловей. – Объясняет колена, свистит разнообразно. – Кряковая утка. Коростель. – Ну, его-то мы знаем. – Сорока! – Стрекошет. – Ворона.

– Не надо.

– Ворон?

– Давай.

И как только Саша смог воспроизвести этот пугающий, даже какой-то деревянный, звук карканья, непонятно. Даже жутко.

– По триста лет живут.

– Шёл я бором, коркал ворон на кудрявой, на сосне. Кудреватая милёночка приснилася во сне.

– Что такое? – обрывает вождь. Встаёт, читает благодарственную молитву и, не давая передышки, гонит на труды.

Всё-таки Толя на десерт читает стихи, привязанные к географическим точкам остановок Крестного хода:

– Не по Корану, не по Торе учились мы с тобою жить. И дай нам, Боже, «Сальваторе» в Медянах ещё раз испить. Это вино такое. Можете себе представить – испанцы в Медянах. И: «Хорошо тебе было в Мурыгино, ну а мне не совсем хорошо: там поклонницы нас замурыжили, и мурыжить нас будут ишшо».

– Толя, – сурово говорит вождь, указуя путь к источнику.

– Иду, – соглашается Толя. – А знаешь, как народ обзывает начальство: шишкарня, шишка, значит, бугор. Дожил я до послепенсионности, а для тебя всё как школьник. «Мы идём, мы поём, мы проходим по лесам и по полям. И Москва улыбается нам».

Вятские улыбаются

– А как же вятским не улыбаться. Обязаны москвичи, – поддерживает повар. – Спасские ворота Кремля названы по обретенной в Вятке иконе Всемилостивого Спаса. До того они были Константино-Еленинскими. А в соборе

Василия Блаженного есть церковь Святителя нашего Николая Великорецкого. И вообще собор восемьдесят лет назывался Никольским.

– И вообще Москва стоит на земле вятичей. Однозначно! То есть, если кто её начинает наводнять без приглашения, то вятичи имеют право сказать ему: «Куда прёшь, холоп?»

– Ну-ну-ну! – осаживает вождь.

– А что ну-ну? Вот ты нукаешь, вот все мы такие скромняшки, а часовня деревянная в Слободском на сто лет старше знаменитых Кижей, и она же самое древнее русское крепостное сооружение. Вот и ну-ну. «Гордиться славой предков не только нужно, но и должно», товарищ вождь!

Бояться только Бога

– Бояться ничего не надо, даже Страшного Суда, – заявляет повар. – Как? Конечно, он Страшный, но можно обезопасить себя от страха, воздвигнуть вокруг себя «стены иерусалимские». Страшный Суд – это же встреча с Господом. Мы же всю жизнь чаем встречи с Ним. Пусть страшатся те, кто вносил в мир мерзость грехов: насильники, педерасты, лесбиянки, развратники, обжоры, процентчики, лгуны массовой информации, убийцы стариков и детей, пьяницы, завистники, матершинники, ворюги, лентяи, непочётники родителей, все, кто знал, что Бог есть, но не верил в Него и от этого жил, не боясь Страшного, неизбежного Суда. Вот они-то будут «издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славой многою». Это у апостола Матфея. Так что увидим Господа, для встречи с которым единственно живём.

– Может, курящих пожалеет, – мечтает Толя.

Погружение

Женщин тут нет в округе самое малое двенадцати километров, так что самый подходящий костюм для омовения – костюм Адамов. Даже забыли, что тащили жребий очередности погружения. Прочли «Символ веры», «Отче наш», «Богородице Дево», тропарь святителю Николаю, и с Богом! Троекратно, паки и паки заново крестясь, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Совсем не зябко, а радостно ощутить светлую холодную воду.

Прощай, милый источник, прощай, животворящая купель, прощай, по крайней мере, на год. А уж потом, как Бог даст.

Тихонько идём обратно. Конечно, все наши разговоры о единственной нашей, любимой России. Опять повар:

– Когда на Литургии слышу Блаженства, особенно вот это: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как безчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах», то я всегда не только себя к этим словам примеряю, а вообще Россию. Смотрите, сколько злобы, напраслины льётся на нашу Родину. Великая награда ждёт нас. Есть и ещё одно изречение: «Не оклеветанные не спасутся», а уж кого более оклеветали, чем Россию? Так что спасёмся.

– Да, братья, быть русским сейчас самое трудное. Но ничего. У всех менталитет, у русских душа.

– А ещё мне нравится о русских: русские умные, а их считают за дураков, а остальные дураки, а притворяются умными.

– Один такой умный, когда мы уходили, говорит: зачем же пешком почти двести километров? Ведь можно же на машине. Говорю ему: на машине едешь – грехи с собой везёшь, а идёшь пешком, они от тебя отцепляются.

Они идут, а я тут, в Москве

Нынче не пошёл на Великорецкий Крестный ход. Отходили мои ноженки, отпел мой голосок, а теперь тёмной ночью не сплю на волосок. Да, в общем-то и прошёл был. Но больны мои родные, а дети в отъезде. Но ещё причина в людях, в тех, что идут впервые или недавно. Им надо со мной поговорить. Отошёл один, подошёл другой, стережёт третий. Когда молиться? И уклониться нехорошо. «А помните, мы с вами?..» Но неужели я вспомню сотни и сотни встреч. Хорошо бы, но голова не держит уже. Неужели, это такая искомая многими известность? Я знаю сто человек, а меня знает тысяча. Вот и всё измерение известности. А как в детстве, отрочестве, юности мечтал, о! «Желаю славы я, чтоб именем моим...». Но это всё жалобы турка. Лекарство – молитва и уединение.

Не пошёл, но всю неделю «шёл» с ними. Знаю же каждый поворот, все дороги, изучил за двадцать лет. Особенно Горохово и Великорецкое. Без конца то им звонил, то они мне, братья во Христе, наша славная бригада: Саша Чирков, Саша Блинов, Лёня Ермолин, это костяк, гвардия, а уже как много было за эти годы новых крестоходцев в нашей бригаде. Николай Пересторонин, Александр Громов, Алексей Смоленцев, Борис Борисов, Роман, фамилию не знаю. А и что знать, мы же по именам поминаем друг друга... А вот вождь наш Анатолий, уже не вождь, диакон, и вот что-то приболел.

И всегда в Москве, молясь за них, обращаюсь к востоку. С востока свет!

Был на каком-то выступлении. Выступил, побежал домой. На улице ливень. Московские улицы, машины как торпедные катера. Ещё и они окатывали. Всего исхлестало, даже майка мокрая. Но радовался: хоть немного получил ощущения Крестного хода, особенно третьего дня, когда перед Великорецким омывает водичкой с небес. Потом всегда бывает радуга.

Последний день. Сейчас они подходят к церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

У меня питание в телефоне ослабло, и зарядника нет. Но всё ясно так вижу, знаю, как дальше пойдут, как будут в последний раз читать Акафист святителю Николаю.

И как будут жалеть, что Крестный ход закончился. Да, все искусанные, измученные, ноги в мозолях, а такие счастливые!

И вся дальнейшая жизнь наша – ожидание следующего Великорецкого Крестного хода.

Настоящее и будущее, они как коромысло на плечах. Несём. Не сами торопимся, будто кто подталкивает. И дорога – настоящее – из-под ног уходит. Какое настоящее: чай пил пять минут назад, и чай в прошлом уже.

Шагаем.левой! – в прошлое. Правой! – в будущее. То в одном застрянешь, то в другом. То прошлое перевесит, то будущее. В детстве мы рвались в будущее, в старости греемся прошлым. А будет ли будущее после конца света? Конечно, да для кого только? Ощущение конца света есть уничтожение прошлого. Листья желтеют, умирают, осыпаются. Но они же остаются листьями.

Надо просто жить. Уравновесить в себе два времени. И всё.

А Крестный ход этому учит, в нём соединение времён.

– Солдаты в походе – вот что такое Крестный ход. А молитвы в церкви – солдаты в казарме, готовящиеся к боям за свою душу, за Отечество. Мы идём – ад трепещет, – в который раз говорит отец Матфей. – И никаких таких знаков не надо искать. Мироточения эти. Да, знак. Но знак чего? Почему вы думаете, что к радости? Может, это предупреждение об испытаниях. Или: пришли женщины: «Батюшка, мы на горелой сосне видели образ Божией Матери». На горелой! Да, если взглядеться, то везде можно любое увидеть. Образ им явился! Да кто мы такие, чтоб нам Образ явился?

Солнце встало – вот нам образ! Скворцы прилетели! Картошка взошла, что ещё? Дождя долго нет – наказание, дождь пошёл – награда за молитвы, за добрые дела. В детстве в мороз увидел кольцо вокруг солнца, прибежал в избу: мама, мама, мама, посмотри. Она: «Сыночек, солнышку сегодня тоже холодно, и ему Боженька рукавичку послал». И всю жизнь помню. Вот какое чудо мама открыла. Чудес хотят. Вот чудо – черёмуха цветёт! Благодарить надо за всё это, благодарить! А мы просим и просим, кланчим и кланчим. А благодарить – один из десяти. Своими ногами идёшь – слава Богу! С костылями идёшь – слава Богу! На четвереньках ползёшь – лишь бы к Богу ползти. И не думать, что Бог не простит, не примет. Разбойнику на Кресте, а он за дело был приговорён, два часа хватило первому в рай войти. Но это же надо великую глубину покаяния и сокрушения. Учитесь сейчас и каждый день – жить в мире и умирать для мира. Всё время себя проверять: как жил, как живу, как надо жить.

Жить, как жили до нас крестоходцы. Помните же старух, которые уже не ходят. Упали как солдаты в бою. Нам эстафету передали. Никто за нас не пойдёт, надо самим. Идти и за собой тащить. Сим победиши!

ПОЭЗИЯ

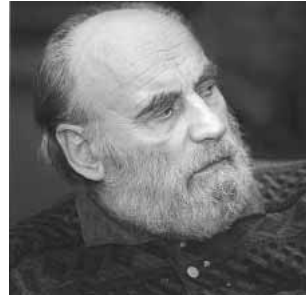
Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевишней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джюльетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Святой венец Руси

VII

Святитель Пётр Московский (2-я половина XII в.–1326)
Святитель Алексей митрополит Московский (1292–1378)

1

Истинно каждым Отчизна любима!
Ей Пётр во Боге желал послужить,
Чтобы вовеки жила неделима,
Дабы «свои» не смогли разорить.

Юным проникся мудростью истинной,
Шёл в монастырь сквозь бесовскую тьму,
Чудны иконы здесь им написаны:
Был я курантом для красок ему.

Построил обитель у заводи Рати –
Стало стекаться множество братии:
К ним незлобив был и сердцем открыт,

Их причащал он с душевною радостью.
Все удивлялись божественной святости –
Будь то простец или митрополит.

2

Будь то простец или митрополит,
Игумена видеть хотели весьма.
Предстоятель Максим монастырь посетит:
В дар примет икону петрова письма.

Благословил предстоятель Петра –
Это предвиденье знаменовало:
Святому пришла возвышенья пора,
Монашеским подвигам время настало.

Максим отдал душу Господу Богу.
Патриарх византийский вызвался сам
Петра посвятить во святительский сан.

Вернулся на Русь за паству в тревоге.
Но станет для знати и люда любимым!
Пётр у завистников будет хулимым.

3

Пётр у завистников будет хулимым:
Так, князя Брянского увещевал,
Чтоб с близким делился – не воевал...
Ханом Узбеком был очень ценимым:

За оскорбление русских святынь
Казнь угрожала любому ордынцу!
Князь Калита всей душою был с ним,
И эта дружба до смерти продлится.

Святитель любил несказанно Москву –
Предвидел величье её наяву.
Не захотел в кафедральный Владимир,

Где суетой обустроенный быт.
Пётр осуждений злословных не принял –
Знал: для России Москву отстоит.

4

Знал: для России Москву отстоит –
Решил сюда кафедру перенести!
Духовного сына благословит
Пресвятой Богородице храм возвести.

Предрёк Калите: «... если сделаешь то –
Прославишься больше князей других,
Град прославишь, Спаситель прославит его,
Здесь будут положены кости мои...»

Святитель далёк от ничтожной молвы:
Предвидел святой возвышение Москвы –
Как солнечный луч, пробивался во мгле.

Богу любезный Иван Калита
Сердцем воспринял святого Петра –
Успенский собор заложили в Кремле.

5

Успенский собор заложили в Кремле,
Основал на Неглинной обитель –
Первый святитель в Московской земле
Видел великой Москву по наитию.

Станет духовным центром Державы,
И для всего православного люда:
Заслужит святой всенародную славу.
По воле Бога свершается чудо –

Пётр почитал Ивана без меры:
В нём укреплял православную веру.
И Калита возлюбил литургию.

Он духа распри в душе не имел –
Стал собирателем русских земель!
В помощь Руси Бог послал Алексия.

6

В помощь Руси Бог послал Алексия:
Кротким с младенчества был среди детей.
Голос во сне прилетел, как на крыльях:
«Будешь ловцом ты не птиц, а людей...»

Чудился отроку Божеским зовом –
С этой поры в монастырь он ушёл.
С молитвою жизнь не казалась суровой:
До сорока лет в служенье провёл.

Кротость и мудрость людей привлекали,
Больных исцелял – об этом все знали,
Видели святость его на челе.

Святитель возвёл в епископский сан,
Инокю дар миротворческий дан,
Чтоб не погибла Держава во зле.

7

Чтоб не погибла Держава во зле,
Приемником видел его Феогност:
В борьбе против Запада твёрд и не прост,
И в княжеских распрях он уцелел.

После почившего митрополита
Первосвятителем стал Алексий.
Дел не вершил без поста и молитвы,
Помощи Господа слёзно просил.

Польша с Литвой насаждали папизм,
Нам предрекали короткую жизнь.
Но паства отвергла моления чужие.

Веру в народе желал утвердить,
Чтоб в православии вечно нам жить.
И отошли времена роковые.

8

И отошли времена роковые:
Сдружились князь Гордый и хан Джанибек.
На Русь прекратились набеги шальные –
Приязнь задушевная, как оберег.

Хан помогал становленью Москвы –
Объединявшую юную Русь!
И полюбил её, как свой улус,
Но не склонял горделивой главы.

Переживал о болящей жене,
Грозил: «Алексия пришлите ко мне –
Иначе с войной в вашу землю приду...».

Беда диктовала строки письма.
Ждала Алексия ханша сама...
Просил Джанибек исцелить Тайдулу.

9

Просил Джанибек исцелить Тайдулу.
Приехать в Орду Алексей обещал.
Во время молебна, у всех на виду
При раке Петра возгорелась свеча.

Случилось знаменье: судьбе не свернуть.
Благословением Божьим считал –
Свечу раздробил и народу раздал,
С собой взял остаток и двинулся в путь...

Жизнь положить за Отечество – счастье:
Сделать не может народ свой несчастным,
Молитвой на Русь не накличет беду.

Твёрдостью веры дух его дышит,
Знал, что Господь молитвы услышит –
Любовью смирит Золотую Орду.

10

Любовью смирит Золотую Орду:
С вельможами вместе властительный хан
Навстречу святому выехал сам –
Вырвал из сердца сомненья стрелу.

Святитель молился с пламенной верой,
У одра болящей свечу возжёт он.
(Был от огня я прозрачным дымком) –
И Тайдула в одночасье прозрела.

Ордынцам казался Ангелом Божьим,
Хану святитель стал сына дороже
И близким сердцу, как названный брат.

Да не предвидел святитель иного:
Не было страха и зла у святого.
... Бранные замыслы ханы таят.

11

Бранные замыслы ханы таят!
Дарами осыпал его Джанибек.
Не долгим у хана был жизненный век:
Снова улус тёмной смутой объят.

Божий угодник вернулся на Русь
Вестником мира во славе людской.
Встретил его, переполненный чувств,
Княжич Димитрий – совсем молодой.

Власть же в Орде захватил Бердибек,
Мирных времён на Руси возмутитель.
Время набега ускорило бег.

Снова святителю ехать в Орду,
Чтоб отвести от народа беду!
... Пётр с Алексием – наши святители.

12

Пётр с Алексием – наши святители –
Жизни спокойной в Руси устроители!
Жестокий правитель Орды Бердибек
На Русь учинить решил новый набег.

... С тяжкими мыслями прибыл в Орду:
Как умягчить словом жёсткое сердце,
Не перейти дозволенья черту –
Хан непокорных карал дикой смертью.

Но Алексей кротким словом любви
Хана воинственного умолил
Не воевать православного жителя.

В нас веру в Бога никто не убьёт –
Спасли от духовного рабства народ:
Жили с великою верой в Спасителя.

13

Жили с великою верой в Спасителя –
Пращуров веру святую блюли.
Вместе с князьями – объединители
Под православием русской земли.

Не покорялись натиску времени,
А создавали власть освящённую.
Людом деяния не оценённые
На души пали бронзовым бременем.

Крестным отцом был Иван Калита –
Междоусобным князьям не чета!
Познал Алексей с детства строгий уклад.

В жизни обрёл он духовную нишу –
Хранить православную Церковь, чтоб слышать:
Чу! Небеси во вселенной звонят.

14

Чу! Небеси во вселенной звонят:
Там крестный ход, планетарный парад
Во славу подвигов русских святых.
В них – вера и правда, – надежда на них.

Светочи Церкви вздымали свой глас
И отстояли, восславили Русь!
Просим молиться пред Богом за нас,
Я – за Россию пред Вами молюсь.

Кафедра будет отныне в Москве –
Так Вседержитель святым повелел.
Русь для них стала обителью Божию:

Нет ничего для нас в жизни дороже!
Память о вас будет вечно хранима –
Истинно каждым Отчизна любима.

15

Истинно каждым Отчизна любима –
Будь то протест или митрополит.
Пётр у завистников будет хулимым,
Знал: для России Москву отстоит.

Успенский собор заложили в Кремле.
В помощь Руси Бог послал Алексея,
Чтоб не погибла Держава во зле.
...И отошли времена роковые.

Просил Джанибек исцелить Тайдулу:
Любовью смирил Золотую Орду.
... Бранные замыслы ханы таят!

Пётр с Алексием – наши святители –
Жили с великой верой в Спасителя.
Чу! Небеси во вселенной звонят.

Святой венец Руси

VIII

Святой благоверный великий князь Димитрий Донской (1350-1389)

1

Чу! Небеси во вселенной звонят:
Отроку слышится стон панихиды –
Умер отец! Свечи тускло горят,
В горле застыли слёзы обиды.

Отца заменил ему старец святой:
Взрачивал в нём дух державный и разум,
Не преклоняться пред лютой Ордой,
Не подчиняться бездумным приказам,

Отчизну родную, как мать, возлюбить,
С младенческих лет в благочестии жить –
Спаситель молитвенников привечает.

Видел святитель, что наставленьям,
Пришедшим ему по Божью велению,
Княжич Димитрий сердцем внимает.

2

Княжич Димитрий сердцем внимает
Слову святого о сильной Руси:
«Москва земли княжеств объединяет,
Всевышнего помощи надо просить».

Выстоял против гордыни, измены,
Непониманья удельных князей,
Ждал терпеливо в них перемены –
Врагов перековывал на друзей.

Суздальский князь дочь свою Евдокию
В жёны отдал в знак единства и лада...
Жить друг для друга – это отрада.

И небеса их союз величают!
Ради Отчизны, семей и святые
Жён в помощь воинам благословляют.

3

Жён в помощь воинам благословляют
В храмах, обителях все иереи.
Московские люди сей брак принимают,
Как богоизбранных, преданных вере.

В доме своём с благоверной женой
Находил князь в душе утешенье.
В бесконечной любви обретал он покой,
Черпал силы для новых свершений.

Домашнюю создали церковь-семью
И люду простому духовный приют.
Димитрий с молитвою миловать рад

Искренне кающихся, без ложных слов,
Отечество любящих, а не врагов...
Но злобные недруги скверны чинят.

4

Но злобные недруги скверны чинят:
Язычники чуяли слабость Руси –
Ольгерд на Москву двинул мощный отряд.
Димитрию биться с ним не было сил.

Литовцы придвинулись к стенам Москвы,
Но взять столицу Ольгерд не сумел:
Вернулся домой без жестокой борьбы –
С радостью, что не увечен и цел.

К новым набегам литовцев Димитрий
Сплотил вокруг себя верных русских князей,
Сородичей, близких по духу людей.

Ольгерд встретил в будущем жёсткий отпор,
И закопал в землю ратный топор...
Карал князь изменников лютых и хитрых.

5

Карал князь изменников лютых и хитрых:
Бунт в Нижнем Новгороде подавил.
Выпросил в ханстве – один из притихших –
Ярлык на княженье – Тверской Михаил.

Казалось, Руси предначертан раскол!
Димитрий с дружиною Тверь осадил:
В страхе за жизнь с покаяньем пришёл
К Великому князю Тверской Михаил.

Поклялся, что будет покорен и тих,
Не учинит в Руси новых интриг.
На верность Москве он крест целовал.

Князь не давал мятежникам воли,
Силой карал «ковавших крамолу»,
Но Русь вокруг столицы объединял.

6

Но Русь вокруг столицы объединял!
Победы Димитрия всех восхищали:
«Высокопарным орлом» называл
Его русский люд в блеске воинской славы.

Державы спасителя видели в нём
От монголо-татарского гнёта:
Половину Руси попалили огнём –
В духе народа исчезла дремота.

Мать-Церковь была за единство Руси:
Благословила народ наш спасти
Великого князя – в том счастье познал!

Сам Алексей с ним в походы ходил!
Кровопролитье, где мог – упредил,
Где было возможно – брань предотвращал.

7

Где было возможно – брань предотвращал,
Но вновь поменялась власть в дикой Орде:
Об этом Димитрий нежданно узнал –
Почувствовал: быть неизбежной беде.

Мамай себя ханом провозгласил –
Полчищу клялся, что вытопчет Русь:
«Князей перебью, чтобы русский улус
Веру монгольскую искренне чтит.

Против мощной Орды малочисленна рать:
Силы россос всем вместе ещё собирать –
Призадумался княже Димитрий.

И призвал он князей за Отечество в бой:
Примириться для этого между собой –
Орду разгромить желал в битве открытой.

8

Орду разгромить желал в битвах открытых,
Дружинников с ханским числом не сравнить!
Мамай проявил в том бесовскую прыть,
Собрав триста тысяч моголов и пришлых.

Черкесы и ясы, армяне и таты,
Пехота из Генуи в тяжких доспехах
Пошли по Руси с неприкрытой бравадой
И жаждали в сечи кровавых успехов.

Но Русь поднялась не на битву земную –
На Божие дело за землю родную:
С Ордой расквитаться настала пора!

Князь понял: пришли времена непростые –
«Бог нам защитник» – сказал Евдокие,
И слёзно молился у раки Петра.

9

Он слёзно молился у раки Петра.
Благословил войско Сергей на битву:
Предрёк преподобный победу с молитвой –
Не ждать побеждённым от хана добра.

Знамена дивны явились пред боем:
Узрел у гробницы в ночи пономарь –
Из алтаря вышли медленно двое –
Пётр с Алексием – рассеялась марь.

И ясно сказали: «Восстань Александре
Димитрию правнуку помочь ускори...»
Встал Невский и в руку меч огненный дали.

И сразу исчезли, как тени, все трое
С молитвой к Спасителю в призрачной мари,
Чтобы победу в бою одержали.

10

Чтобы победу в бою одержали,
Послал преподобный двух иноков светлых:
Андрея Ослябю и Пересвета...
На битву князья дружины собрали.

Русские ратники шли через лес:
На древе для взоров открылась икона –
Благословлял их Никола-Угодник!
Теперь православным не страшен сам бес.

Исчез в душах воинов будничный страх.
Димитрий в своих вдохновенных речах
К служенью Всевышнему всех призывал:

«...Братья мои, Господа ради сражайтесь,
Ради церквей святых, веры христианской...».
Божия вера без дела мертва.

11

Божия вера без дела мертва:
Решение принято – насмерть стоять!
Димитрий во сне внял совету Петра –
«Дон перейди, чтобы не отступать...».

Под образом Спаса вступили войска
На поле, что люд называл Куликово.
Двигались тучей монголы сурово:
Назад хода нет – вода глубока.

В железной броне богатырь Челубей
И схимонах Александр Пересвет
В поле сошлись, словно темень и свет.

Трава почернела и солнце над ней –
В Лавре дрожали зажжённые свечи:
И началась Куликовская сеча.

12

И началась Куликовская сеча:
В первых рядах князь, как ратник простой!
В яростной схватке зело покалечен –
(Я в кольчуге его был пластиной стальной).

В скрежете, криках видели в небе
Русские воины ангельский полк
С Архистратигом, Борисом и Глебом –
Бог победить православным помог.

Под тяжестью тел прогибалась земля...
Когда Мамай понял, что бой проиграл,
Он двадцать вёрст с поля брани бежал.

Для нас эта битва была скоротечной:
Победу Московии рать добыла –
Снискал князь народную славу навечно.

13

Снискал князь народную славу навечно:
Такого сраженья не ведала Русь –
Победа была справедливой и честной:
Я пращуром дерзким доселе горжусь.

Отечество наше спасли от разрухи,
От разорения – Церковь Руси.
К междоусобьям князья стали глухи –
Можно лишь вместе Отчизну спасти,

И к православию истой любовью!
Победа досталась великою кровью –
Храм возвели – долг погибшим отдали!

Церковь о павших явила заботу –
Димитриевскую учредила субботу.
...Утрени солнышком Русь освещали.

14

Утрени солнышком Русь освещали –
Славили Бога, Димитрову рать!
Отечество отроком стал собирать –
В битве единым народом мы стали.

Донским величал князя русский народ:
Дон перешёл, устремляясь на брань...
Не знал, что тяжёлое время грядёт –
Жизнью придётся отдать ему дань.

За дерзость Димитрия злобно крушат,
За искушение, гордость – чернят...
Великого князя смирилась душа.

Пред смертью заветы святой семье дал –
С чистейшей душой перед Богом предстал.
Чу! Небеси во вселенной звонят.

15

Чу! Небеси во вселенной звонят:
Княжич Димитрий сердцем внимает.
Жён в помощь воинам благословляют.
...Но злобные недруги скверны чинят.

Карал князь изменников лютых и хитрых,
Но Русь вокруг столицы объединял,
Где было возможно – брань предотвращал.
Орду разгромить желал в битвах открытых.

Он слёзно молился у раки Петра,
Чтобы победу в бою одержали.
Божия вера без дела мертва.

И началась Куликовская сеча –
Снискал князь народную славу навечно.
...Утрени солнышком Русь освещали.

Юрий
МИЛОСЛАВСКИЙ

Паралитературный процесс

Календарный отрезок времени, объявленный «годом литературы», ещё не истёк. Прежде чем попытаться подвести какие-либо итоги этой затеи, нам непременно следует сообразить: в каком положении находилась/находится сейчас наша словесность, — и, попутно: что же должно было бы произойти, дабы итоги «года» могли бы почесть успешными а) его организаторы; б) русские писатели; в) русские читатели. Для этого нам предстоит обратиться к некоторым любопытным особенностям новой и новейшей истории культуры.

Напомним: со второй половины 60-х — и до конца 70-х годов прошлого столетия в условных границах того, что зовётся «западным миром», под воздействием различных факторов, на характеристике которых мы здесь останавливаться не станем, поэтапно стартовал всё ускоряющийся процесс (здесь, пожалуй, лучше подойдёт множественное число — процессы) отказа от самопроизвольного, или как иногда говорят, «качественного» движения направлений и, соответственно, вкусов в области изящных искусств и литературы. Помимо множества иных причин, возникшая к тому времени разветвлённая профессиональная art-индустрия по самой своей природе не могла бы действовать успешно в условиях переменчивости, непредсказуемости и произвола индивидуальных творческих достижений, действительной борьбы творческих групп и т. п. — Таким образом была постепенно достигнута полная и абсолютная рукотворность (в значении корректного англо-американского man-made, т.е., эрзац, имитация) художественного и/или литературного успеха, могущего быть выраженным в положительных величинах, поддающихся «измерению»/изучению. Этому способствовало массированное участие в art-индустриальном деле специалистов в области лоббирующих технологий, — т.е., целевого воздействия и персонального сопровождения (PR). В Отечестве эта ситуация в целом покрывается

Юрий Георгиевич Милославский — родился в 1948 г. в Харькове. Учился в Харьковском и Мичиганском (Энн-Арбор, США) университетах, где в 1994 г. защитил докторскую диссертацию «Лексико-стилистические и культурные характеристики частной переписки А.С. Пушкина». В эмиграции — с 1973 г. Почётный член Айовского Университета (США) по разряду изящной словесности, член American PEN Center, член исполнительного комитета Русского ПЕН-центра. Автор романов «Укрепленные города», «Приглашенная», повести «Лифт», нескольких циклов рассказов. Книги рассказов Ю.Г. Милославского были опубликованы во французском (1990) и английском (1994, 1997 с предисловием И.А. Бродского) переводах, вызвав многочисленные отклики. Живёт в Нью-Йорке (США).

оттенками значений собирательного существительного «раскрутка» и производных от него слов-понятий.

Как следствие этого, уже к середине-концу 80-х годов во всей сфере творческого наступило абсолютное господство неразличения этой будто бы условной, относительной, договорной, но зато истинной, сравнительной/сравнимой ценности явлений искусства относительно друг друга. Искусство как часть бытия — по природе своей во всех проявлениях иерархично. Оно мыслимо лишь как «гармоническая правильность распределения предметов» (гр. Л.Н. Толстой), — точнее, предметы искусства существуют исключительно в пределах этой «гармонической правильности распределения». Но эта-то вмещающая категория была изъята. Провозглашён был «эстетический экуменизм»: всё равнозначно, ничто не «лучше», потому что в безнадежных попытках определить, что же на самом-то деле «то», а что — «не то», в войне мнений экспертов захлебнулось бы налаженное торгово-промышленное предприятие, которое, не забудем, к тому же действует в области военно-идеологической/геополитической, где ошибаться не рекомендуется. Это означает, что лучшим, наиболее качественным будет объявлено в данный момент то, что art-индустрия по чьим-то заказам, стратегическим или тактическим выкладкам, и согласно сформированным на основании этих выкладок собственным расчётам произвела, приобрела и назначила для последующего внедрения. — Сегодня этим «лучшим» может быть назначено всё, что угодно. Абсолютно всё.

Так в области изящных искусств и литературы возник, утвердился и, — до поры, до времени, — победил искусственный культурный контекст (икк). А в границах икк, в свою очередь, был запущен паралитературный процесс, что крайне существенно именно для Русской Цивилизации, где словесность занимает совершенно особое место, являясь, — как некогда выражались структурные аналитики, — «несущим элементом» русского культурного кода.

В самых общих чертах, светская русская словесность характеризуется:

— не имеющей себе равных стремительностью развития, отчего её базовое составляющее разместилось на исторически ничтожном временном участке: не более одного столетия (1799 — г/р Пушкина, 1899 — г/р Платонова; 1803 — г/р Тютчева, 1903 — г/р Заболоцкого). Все это, разумеется, знают, но обыкновенно не учитывают «энергетической мощи» подобного феномена;

— эта невероятная крутизна взлёта, породила взрывной эффект «литературной энергии», что, с учётом традиционно высокой значимости начертанного и явленного слова/Слова буквально для всякого русского человека, превратило изящную словесность и её творцов — в некую культурную сверхценность, обладающую, т.о., сверхзначимостью. Отсюда необыкновенно ревностное восприятие/понимание русским писателем своей роли, своей задачи — и столь же необыкновенно пристальное, внимательное и требовательное отношение русского читателя («человеческой души») — к своему писателю («инженеру»). «Нищепочти потому, что он был немец, и притом — страдающий (болезнь). Но если бы русский и от себя заговорил в духе: “Падающего ещё толкни”, — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать», — писал В.В. Розанов. Главное здесь, что — «не стали бы читать». По воле Божией, русская словесность изначально явилась Православной Христианкой, — пускай то и дело бунтующей, обращающейся к Создателю с горькими укоризнами да сарказмами, с угрозами «вернуть билет», и с криками «...а раз так, то и знать Тебя не хочу!».

Столь же внимательно и требовательно относились к отечественной словесности читатели, имеющие земную власть (правлящее сословие).

Император Николай I Павлович, – его рабочий день длился не менее шестнадцати часов, – по ночам штудирующий в рукописи «Графа Нулина», вычёркивающий из поэмки слово «урьльник», а взамен – вписывающий «будильник»; И.В. Сталин, чей рабочий день бывал и подлиннее, занятый чтением Платонова, собственноручным исправлением исторических неточностей у А.Н. Толстого, устройством на работу Булгакова, – и бросающий трубку в ответ на пастернаковское «...что мы всё о Мандельштаме! Я давно хотел поговорить с Вами о жизни и смерти»; даже Н.С. Хрущёв, которого восхитил «Один день Ивана Денисовича», – никто из них не вызывает у русского читателя скабрёзной усмешки. Ведь и они – читатели. Как мы все.

Так продолжалось относительно долго. Ситуация стала решительно меняться к середине 80-х годов прошлого века. Но истоки этих перемен следует искать в «шестидесятых».

«С 60-х годов складывается целостный проект ликвидации советского строя. Основания для этого проекта имелись в русской культуре с середины XIX века – как в течении либералов-западников, так и марксистов. Эти основания были обновлены и развиты “шестидесятниками”, а затем и тремя течениями диссидентов – социалистами-западниками (Сахаров), консервативными “почвенниками” (Солженицын) и патриотами-националистами (Шафаревич)», – сказано в недавней работе С.Г. Кара-Мурзы. «Советский строй» мы решились бы заменить на «любую самодостаточную русскую государственность», основания проекта – сдвинули бы от середины к самому началу XIX века, т.е. ко времени убийства Государя Павла I Петровича, а к «либералам-западникам» прибавили бы всех без изъятия «прогрессистов». Но в своём главном положении С.Г. Кара-Мурзы представляются нам безспорными: усовершенствованный с учётом ошибок, допущенных в XIX – первой половине XX вв., целостный проект разрушения упорядоченной русской жизни начал у нас формироваться в «шестидесятые».

Известный под этим названием период российской истории на самом деле длился, приблизительно, от 1955/56 до 1971/72 гг. Становится внятным и относительно общепринятым, что всё в дальнейшем произошедшее (и происходящее поныне) на всём пространстве Исторической России – есть, если угодно, жатва посеянного именно в эпоху «шестидесятых». Для России эпоха «шестидесятых» стала окончательным торжеством совокупных умонастроений, вообще свойственных российскому нижнему господскому слою, обыкновенно именуемому интеллигенцией. Честь создания этой историко-культурной формулы принадлежит великому русскому педагогу С.А. Рачинскому; и в наших заметках мы пользуемся исключительно ею, позволив, ради экономии времени и места, применять сокращение: н.г.с. Именно н.г.с. по стечению исторических обстоятельств была вручена роль «могильщика» Русской Цивилизации.

Как обычно происходит при сходных обстоятельствах в истории культуры, российский нижний господский слой сам сформировал и миф о своём происхождении. В частности, в последние десятилетия в обиход было введено понятие т. н. «образованщины», или «советской интеллигенции», которая, будто бы, разительно отличается в своих культурно-поведенческих стандартах от «настоящей», истинной русской интеллигенции, в её «веховской» модификации. Но при ближайшем рассмотрении этого допущения можно заметить, что

речь идёт о подмене понятий: действительно, в различные исторические моменты в различных группах в пределах н. г. с. доминировали различные «системы взглядов», «убеждения», различные сознательные и бессознательные, «роевые» тактики во взаимодействиях с высшими господскими слоями как в самой России-СССР, так и за её пределами, – слоями, всегда являющимися для н. г. с. работодателями/спонсорами. Между коллективными носителями этих противоположных «убеждений и взглядов» велась и ведётся дискуссия, конкурентная борьба за внимание работодателей, иногда доходящая, как известно, до взаимоистребления. Но все эти различия, даже относясь к явлениям и предметам действительно важным, всегда были, по сути, второстепенными, ибо не касались главной характеристики (основного свойства) н. г. с. В своей целокупности н. г. с. осознавал и осознаёт себя сословием глобальных экспертов-контролёров по всем вопросам мироздания.

Чаяния сословия экспертов-контролёров состоят не только в одном признании за ним одним безусловного права на таковую экспертизу. Проведение ими экспертизы должно быть неременным условием всякого и всяческого начинания, предприняемого на любом уровне человеческой деятельности; при этом мнение экспертов является решающим. Как видим, «сословие экспертов», н. г. с. – претендует, таким образом, на власть (прежде всего, государственную и идейную), но с одним существенным изъятием: хотя она настаивает на том, чтобы её экспертные рекомендации принимались безоговорочно и выполнение рекомендаций проводилось под полным контролем указанного сословия, при этом, однако, ответственность за результаты претворения этих рекомендаций на практике, н. г. с. возлагает на «не-экспертные» группы, чаще всего, на государственную систему, которая будто бы не смогла или не захотела этими рекомендациями разумно воспользоваться. Таким образом, становится понятным, почему политические, условно говоря, симпатии н.г.с. всегда и во всех случаях на стороне представительного правления, т.е. того, что сегодня принято называть демократией. Н.г.с. полагает себя властью верховной – законодательной, властью, наделённой неотъемлемым правом на обладание контрольно-ревизионными функциями по отношению к власти второстепенной, подчинённой – исполнительной, то бишь, собственно государственной власти. А как говаривал отец одного из любимейших писателей н.г.с., Владимир Дмитриевич Набоков: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной!» Чтобы добиться от государственной власти – искомой покорности, н.г.с. настойчиво делегирует в среду исполнительскую своих представителей, можно сказать – «агентов н.г.с.». Именно такое положение сложилось в Императорской России к марту 1917 г. Дальнейшее всем достаточно хорошо известно.

Особо стоит вопрос о вознаграждении н. г. с. за его труды. По мнению н. г. с., это вознаграждение должно начисляться его членам автоматически, – вне зависимости от результатов экспертизы. Поскольку деятельность н. г. с., или, как прежде говаривали, способ его существования, состоит именно в непрерывной экспертизе Всего/контроле над Всем, для поддержания непрерывности этого процесса н. г. с. естественно нуждается в средствах: экспертам должно выплачиваться достаточное жалованье, должны функционировать соответствующие институты, где работают эксперты, строиться жильё, где они проживают, поддерживаться рекреационные учреждения (курорты, санатории, отели и проч.) где они отдыхают между экспертизами. Этот процесс поддержания и поощрения своего существования н. г. с. рассматривает как

природный, лучше даже сказать – присносуший. Поэтому ничто и не при каких обстоятельствах не может воздействовать на готовность н. г. с. принять вознаграждение за свои труды из любого внешнего (по отношению к н. г. с.) источника.

Среди прочего, нижний господский слой на территориях Исторической России не только определил собственный «круг чтения», но и постепенно сформировал собственную словесность, как некий особый подвид российской словесности. Этот подвид мы намерены называть «литературой н. г. с.», что позволит нам избежать постоянной полемической путаницы между а)русскою; б)советскою; в)русскоязычною и Бог весть ещё какими литературами.

Литература н. г. с. по преимуществу занимается прямым и косвенным истолкованием и пояснением сущности неотъемлемого права «сословия экспертов» на экспертизу, апологией этого права, иллюстрациями его успешного применения, критическим отображением случаев, когда права н. г. с. так или иначе попирались или попираются, описанием страданий тех представителей сословия, которые насильственно лишены возможности осуществления своих прав, и/или вознаграждения за само обладание этими правами. Кроме того, литература н. г. с. в обличительных, иронических и сожальительных тонах описывает жалкое состояние прочих сословий, насильно лишённых экспертно-контрольных трудов н. г. с. (или по самоубийственному недоумию своему – эти труды отвергнувших).

Здесь должно обратиться к изучению классических образцов зрелой литературы н. г. с.: напр., к «Доктору Живаго» Б.Л. Пастернака и романам «В Круге Первом» и «Раковый Корпус» А.И. Солженицына. В этих произведениях апология н. г. с. получила наиболее полное и развёрнутое выражение, – как в плане лиро-эпическом, так и в плане, если допустимо так выразиться, приточном, – т. е. являющем читателю образцы «правильных» ответов/реакций на те или иные вопросы/раздражители, с которыми приходится сталкиваться героям этих романов из числа «экспертов». При этом следует учесть, что главным героем произведений литературы н. г. с. так или иначе, но всегда является автор-повествователь, носитель функции верховного эксперта. Из более поздних типичных произведений литературы н. г. с. следует назвать лиро-сатирическую повесть Ф. Искандера «Созвездие Козлотура». Затем, в середине 80-х годов XX в. вперёд вышла так называемая «перестроечная» литература н. г. с., с её основным посылом «так жить нельзя». Было объявлено, что буквально все уровни отечественной жизни исполнены системных, неустраняемых пороков: от армейской повседневности – и до предоставления населению ритуальных услуг.

Далее российская литература н. г. с., приобретая характер «отстранённый», с элементами «чёрной» фантастики и «нового реализма», антиутопии («антисовкового нуара»), саркастического философствования, политической басни-иносказания, либо пастиша, с элементами пародии на «неэкспертную» словесность (в этом смысле показательны работы прямых предшественников новейшего извода литературы н. г. с.: В.Н. Войновича, В.П. Аксёнова, начатые «Затоваренной бочкотарой», основной свод повестей братьев Стругацких и пр.), обрела новый бурный расцвет в самом конце 80-х–90-х годах прошлого века. Это положение, с некоторыми поправками, сохраняется и поныне.

Практически тогда же, с середины 80-х, начался лавинный процесс массового внедрения представителей н. г. с. в состав российской «элиты» – высшего и среднего слоя управляющих. «Экспертное» сословие стало «сословием

управляющих». Разумеется, в этой – важнейшей, – области действуют ограничения: подлинные работодатели строго контролируют ситуацию. Но во второстепенном н. г. с. допускается действовать по собственному усмотрению. Именно так произошло с литературой в Отечестве. Её административно-хозяйственное существование практически во всех составляющих перешло под контроль н. г. с. Оттого и административно-хозяйственное главенство литературы н. г. с. в пределах искусственного культурного контекста к началу-середине 90-х годов стало неизбежным. В этом-то положении мы и встретили «Год литературы».

Все, до сих пор едва упомянутые в этом очерке вопросы, требуют тщательного изучения. К примеру, предстоит всерьёз заняться созданной н. г. с. моделью истории русской словесности (шире – русской культуры). Именно в согласии с этой моделью ведётся преподавание в школах и университетах, пишутся диссертации, учёные исследования, именно она упорно внедряется в читательское сознание, – впрочем, как мы скоро увидим, без желаемого успеха. Но здесь не обойтись статьями и заметками; надобны комплексные исследования и монографии. Сегодня мы позволим себе обратить внимание лишь на одну, зато существенную составляющую: это категория читателя. В сущности, позволительно сказать, что литература как действующий/длящийся культурный феномен возникает «на стыке» писатель-читатель. Даже, если это читатель «воображаемый».

В последние годы нам настойчиво внушают, что русские, мол, перестали быть (самой?) читающей человеческой общностью, что русские-де читать более не желают, – и не читают.

Для возбуждения угасшего интереса к чтению, пропаганде писательского труда в народной среде – и потребовался Год Литературы. Не так ли?

Важно учесть, что упомянутое целевое воздействие и лоббирующее персональное сопровождение (PR), сколь бы ни была высока его мощность и всеохватность, имеет свои ограничения. Главное среди них – это кратковременность результатов любой определённой PR-акции. Человека можно заставить забыть всё, что угодно; купить всё, что угодно; заставить поверить во всё, что угодно; наконец, заставить сделать всё, что угодно. Но только в том случае, если целевое воздействие PR будет непрерывным. Такое воздействие требует чрезвычайных усилий огромного числа профессионалов, а, значит, значительных финансовых затрат. Особенно в тех случаях, когда целевая группа обладает достаточно давно сложившимися и укоренёнными в культурной памяти принципами подхода к явлению, на которое «целевики» намерены воздействовать. Применительно к обсуждаемой нами теме, переориентация русского читательского сознания на продукт паралитературного процесса потребовала бы нескольких дополнительных десятилетий, а стоимость этой переориентации – многократно превысила бы нынешние совокупные затраты на премии авторам н. г. с., издательское дело, поддержание высокого индекса упоминания/цитирования, сдерживание и отталкивание непригодных или опасных для искусственного культурного процесса явлений/персоналий и т.п. Превращение паралитературного процесса в единственно возможный в пределах русского культурного пространства – задача дорогостоящая и непростая. Поэтому было решено, что на данном этапе достаточно будет «маргинализировать» русского читателя, объявив его исчезающим в связи со всеобщей утратой интереса к чтению. Мы полагаем, что это решение было вполне резонным: ведь под воздействием «целевиков», занятых не

собственно литературой, но, так сказать, глобальными русскими делами, русский читатель действительно пребывает «в упадке».

Но – что же именно не читает русский читатель? Что он продолжает читать?

Понять положение нам поможет любопытнейший опрос (собственно – цельный культурно-статистический обзор-анализ), проведённый проектом «Мегапинион» (на Мейл.Ру) с 2008-го по 2013-й год включительно. Создателем проекта явился Иван Григорьевич Сильвестров («Иван Мегапинион»), которому мы, пользуясь случаем, выражаем живейшую нашу благодарность. На протяжении пяти лет было получено 20278 голосов-ответов на вопрос: «Кого из этих писателей вы читали?» На рассмотрение читателей было предложено более 900 писательских имён. Таковые имена «выбрасывались» в алфавитном порядке, сериями по 14 особ/строк (как пояснил нам И.Г. Сильвестров, это диктовалось особенностями «движка»). Пятнадцатой же строкой было: «Ни одного из перечисленных; или другое». Забегая вперёд, скажем, что во всех тех случаях, когда в серии не оказывалось ни одного классика хоть взрослой, хоть детской словесности, или хотя бы популярного автора книг для занимательно-лёгкого чтения (детективы и проч.) – победителем всегда оказывался «отсутствующий автор» на пятнадцатой строке.

Проект И.Г. Сильвестрова «Мегапинион» был практически завершён ещё в прошлом году, и с тех пор опросы его стали малодоступными; теперь их приходится искать, что, пожалуй, даже к лучшему: повлиять задним числом на исходы этого убедительного читательского голосования, конечно, возможно, да только с приложением некоторых усилий. К исследованиям «Мегапинион» мы намерены ещё вернуться, а покамест предлагаем лишь малые выдержки, дабы увидеть, – каков уровень читательского интереса к наиболее значимым современным авторам литературы н.г.с., – к авторам, на которых по преимуществу сосредоточены усилия специалистов лоббируемого целевого сопровождения.

По правилам опроса, голосовать можно было за любое количество авторов. Процентные же соотношения подсчитывались в каждой серии отдельно. Разумеется, желающие без труда смогут вычислить общие проценты, но мы рекомендуем сперва обратить внимание на абсолютные числа: при таком охвате участников (более 20000 голосов), это весьма показательно. Ещё раз напоминаем, что здесь приводятся лишь те серии, в которых участвуют абсолютные лидеры паралитературного процесса. Это, кстати, вовсе не означает, что мы подвергаем сомнению их писательские дарования: подобный ценностный подход представляется в данном случае совершенно неприменимым.

Итак.

Сергей Алексеевич Булыга	4 (0.56%)
Кир Булычёв	171 (23.92%)
Иван Алексеевич Бунин	245 (34.27%)
Анна Петровна Бунина	13 (1.82%)
Дмитрий Львович Быков	41 (5.73%)
Василий Романович Ваврик	2 (0.28%)
Константин Константинович Вагинов	5 (0.70%)
Бертиль Бертильевич Вагнер	18 (2.52%)

Николай Петрович Вагнер	18 (2.52%)
Пётр Львович Вайль	7 (0.98%)
Наум Исаакович Вайман	7 (0.98%)
Аркадий Александрович Вайнер	72 (10.07%)
Георгий Александрович Вайнер	65 (9.09%)
Лев Маркович Вайсенберг	7 (0.98%)
Ни одного; и всё остальное	40 (5.59%)
Андрей Игоревич Егоров	6 (1.32%)
Андрей Николаевич Егунов	2 (0.44%)
Милий Викентьевич Езерский	3 (0.66%)
Юрий Анатольевич Екишев	1 (0.22%)
Николай Васильевич Елагин	10 (2.21%)
Михаил Елизаров	10 (2.21%)
Николай Львович Елинсон	0 (0.00%)
Венедикт Васильевич Ерофеев	47 (10.38%)
Виктор Владимирович Ерофеев	31 (6.84%)
Пётр Павлович Ершов	130 (28.70%)
Сергей Николаевич Есин	17 (3.75%)
Марк Симович Ефетов	6 (1.32%)
Игорь Маркович Ефимов	8 (1.77%)
Ни одного; и всё остальное	181 (39.96%)
Еремей Иудович Парнов	21 (3.42%)
Эльрад Яковлевич Пархомовский	1 (0.16%)
Борис Леонидович Пастернак	181 (29.48%)
Константин Георгиевич Паустовский	178 (28.99%)
Виктор Давыдович Пекелис	2 (0.33%)
Виктор Олегович Пелевин	89 (14.50%)
Антон Иванович Первушин	9 (1.47%)
Владимир Владимирович Петренко	4 (0.65%)
Александр Андреевич Петров	2 (0.33%)
Евгений Петрович Петров	21 (3.42%)
Михаил Григорьевич Петров	2 (0.33%)
Сергей Владимирович Петров	4 (0.65%)
Людмила Стефановна Петрушевская	40 (6.51%)
Борис Андреевич Пильняк	26 (4.23%)
Ни одного; и всё остальное	34 (5.54%)
Александр Николаевич Попадин	2 (0.43%)
Валерий Георгиевич Попов	6 (1.29%)
Владимир Ильич Порудоминский	1 (0.22%)
Игнатий Николаевич Потапенко	3 (0.65%)
Вильям Васильевич Похлёбкин	14 (3.01%)
Захар Прилепин	7 (1.51%)
Анатолий Игнатьевич Приставкин	42 (9.03%)

Михаил Михайлович Пришвин	169 (36.34%)
Ирина Николаевна Прокопенко	6 (1.29%)
Пётр Лукич Проскурин	33 (7.10%)
Александр Андреевич Проханов	24 (5.16%)
Козьма Прутков	94 (20.22%)
Владимир Григорьевич Прутцков	5 (1.08%)
Дмитрий Юрьевич Пучков	4 (0.86%)
Ни одного; и всё остальное	55 (11.83%)
Пантелеймон Сергеевич Романов	4 (1.31%)
Борис Владимирович Романовский	7 (2.29%)
Мария Сергеевна Романушко	1 (0.33%)
Фёдор Эмилиевич Ромер	3 (0.98%)
Василий Алексеевич Роткирх	2 (0.65%)
Дина Ильинична Рубина	24 (7.84%)
Анатолий Захарович Рубинов	6 (1.96%)
Владислав Адольфович Русанов	4 (1.31%)
Анатолий Наумович Рыбаков	59 (19.28%)
Вячеслав Михайлович Рыбаков	10 (3.27%)
Мария Рыбакова	2 (0.65%)
Юрий Сергеевич Рытхэу	28 (9.15%)
Борис Викторович Савинков	12 (3.92%)
Дмитрий Петрович Савицкий	11 (3.59%)
Ни одного; и всё остальное	133 (43.46%)
Василий Фёдорович Соколов	2 (0.57%)
Николай Семёнович Соколов	2 (0.57%)
Марина Николаевна Соколова	0 (0.00%)
Александр Исаевич Солженицын	117 (33.14%)
Владимир Александрович Соллогуб	48 (13.60%)
Симон Львович Соловейчик	9 (2.55%)
Всеволод Сергеевич Соловьёв	11 (3.12%)
Сергей Владимирович Соловьёв	18 (5.10%)
Борис Лукьянович Солоневич	2 (0.57%)
Иван Лукьянович Солоневич	5 (1.42%)
Владимир Алексеевич Солоухин	31 (8.78%)
Орест Михайлович Сомов	4 (1.13%)
Владимир Георгиевич Сорокин	25 (7.08%)
Игорь Павлович Сохань	1 (0.28%)
Ни одного; и всё остальное	78 (22.10%)
Тэффи	38 (9.03%)
Анатолий Александрович Тюменев	3 (0.71%)
Александр Владимирович Тюрин	9 (2.14%)
Павел Павлович Улитин	3 (0.71%)
Людмила Евгеньевна Улицкая	38 (9.03%)

Антон Григорьевич Ульяновский	3 (0.71%)
Владимир Дмитриевич Успенский	23 (5.46%)
Глеб Иванович Успенский	19 (4.51%)
Эдуард Николаевич Успенский	121 (28.74%)
Александр Александрович Фадеев	92 (21.85%)
Владимир Львович Файнберг	5 (1.19%)
Илья Зиновьевич Фаликов	3 (0.71%)
Борис Викторович Фальков	4 (0.95%)
Фёдор Николаевич Фальковский	8 (1.90%)
Ни одного; и всё остальное	52 (12.35%)
Аскольд Львович Шейкин	2 (0.58%)
Борис Викторович Шергин	12 (3.46%)
Игорь Генрихович Шестков	3 (0.86%)
Вадим Сергеевич Шефнер	19 (5.48%)
Северин Шехович	2 (0.58%)
Яков Шехтер	0 (0.00%)
Эдуард Юрьевич Шим	6 (1.73%)
Борис Николаевич Ширяев	5 (1.44%)
Ефим Залманович Шифрин	25 (7.20%)
Михаил Павлович Шишкин	14 (4.03%)
Виктор Борисович Шкловский	13 (3.75%)
Иван Сергеевич Шмелёв	29 (8.36%)
Владимир Григорьевич Шмерлинг	3 (0.86%)
Михаил Александрович Шолохов	166 (47.84%)
Ни одного; и всё остальное	48 (13.83%)

Как видим, русский читатель в своих предпочтениях остаётся неизменным. Он, в подавляющем большинстве своём, привержен классике; он отдаёт должное издавна знакомым ему именам (в том числе и тем, кого нижнегоподская история литературы объявляет «своими», что отчасти позволительно признать справедливым); в изобилии читается детективное и фантазийное. Но, несмотря на четвертьвековые усилия «целевиков», работающих на нужды паралитературного процесса, русский читатель упорно отворачивается от новейшей премированной литературы н.г.с.: именно её-то он и не читает. В этом смысле деньги, отпущенные на её содержание, до сих пор не окупаются, и навряд ли когда-нибудь окупятся.

От редакции: все статьи этого цикла были опубликованы в сетевом литературном журнале «Камертон», после чего, исправленные и дополненные, вошли в книгу «Что мы с ней сделали», Bookscriptor, М. 2016.

К 75-летию начала Великой Отечественной войны

«Будет война, как Страшный Суд...»

Эссе

Ифлийцы

В 1941-м отец, студент московского Института Философии Литературы и Истории (ИФЛИ), досрочно получает диплом. Все старшекурсники тогда получили дипломы досрочно. Было не до учёбы ...

Вспоминают ифлийцы:

«...все в едином порыве поехали в ИФЛИ. Мы все там съехались, и стояла наша латинистка Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек – она была человеком строгим, сухим, очень деловым, – она стояла на лестничной площадке и плакала навзрыд, у неё градом по лицу текли слёзы. Мы все в недоумении:

– Почему вы плачете?

– Дети мои, – она говорила нам «дети», – вы не знаете, что такое война. А я пережила Первую мировую войну. Это ужас. Это начинается страшнейшая эпоха.

А мы, конечно, все думали: ну что война, мы так сильны, через неделю-две, через месяц всё будет кончено. Но этот образ рыдающей на лестничной клетке Грабарь-Пассек – вот это для меня первый образ войны» (Лилия Лунгина – она станет известной переводчицей).

«22 июня мы готовились к последнему экзамену и часов около двенадцати услышали во дворе необычный шум. Мой товарищ, увидев, что двор общежития забит студентами, как-то удивительно спокойно сказал: “Ну, значит, война”. Он включил радио – и мы услышали выступление председателя Совнаркома В.М. Молотова. Мы, конечно, направились в институт. Там уже вовсю шёл митинг. Никогда в жизни не приходилось мне слышать более мощного и проникновенного звучания “Интернационала” и широко известной в те годы песни Ганса Эйслера “Заводы,

Николай Алексеевич Головкин – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Родился 4 ноября 1954 г. в Ашхабаде (Туркмения) в семье потомственных москвичей. В 1977 г. окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета им. А.М. Горького. Литературной деятельностью занимается с 1968 г. Автор восьми книг стихов и прозы. Книга «Птица-память. Стихи и эссе к 70-летию Великой Победы» награждена Золотым дипломом VI Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2015).

Живёт в Москве.

вставайте!». Помню, как Павел Коган, автор знаменитой “Бригантины”, провозгласил: “Да здравствует Советская Германия!”».

«После митинга стали составлять списки добровольцев и затем толпой двинулись к райвоенкомату. Подходим: у подъезда земля усеяна вырванными из военных билетов листками. Это постарались студенты, не хотевшие воспользоваться правом на отсрочку от призыва» (Леонид Гарева).

***

Поэт-ифлиец Семён Гудзенко, доживший до Победы, посвятил Великой Отечественной такие трагические строки:

<...> Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв –
и умирает друг.
И значит – смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черёд,
За мной одним
Идёт охота.
Будь проклят
сорок первый год –
ты, вмёрзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв –
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо <...>.
(«Перед атакой», 1942)

Его однокашник по ИФЛИ, поэт Давид Самойлов с печалью писал об их товарищах, не вернувшихся с войны:

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.
А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.
Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.
Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повзбило железом,
И леса нет – одни деревья.

*И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Серёжей,
Но леса нет, и эха нету.*

*А я всё слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.*

(«Перебирая наши даты»)

***

Из рассказов папы:

«Когда началась война, нас записали в комсомольский истребительный батальон, который должен был вылавливать диверсантов в Москве. Мы также помогали отправлять в эвакуацию женщин и детей, готовить к отправке разные грузы».

По состоянию здоровья (бронхиальная астма) папа на фронт не попал, хотя неоднократно обращался в военкомат с просьбой о направлении добровольцем в действующую армию. Некоторое время он оставался в Москве, позднее – получил направление и уехал преподавать новую историю стран зарубежного Востока в Сталинабад, где год проработал в местном педагогическом институте.

Семья их тогда разделилась: мать Анна Васильевна, больной брат Владимир и сестра Елизавета (она окончила первый курс искусствоведческого отделения ИФЛИ) уехали в эвакуацию в Уфу, а отец Владимир Алексеевич приехал туда позже.

В мае 1942 года Елизавета Головкина в Уфе была призвана в ряды Красной Армии. Тётя воевала на Сталинградском фронте в зенитной артиллерии. Потом – на Белорусском и Прибалтийском фронтах.

После Великой Отечественной тётя Лиза вернулась в родную Москву, окончила искусствоведческое отделение МГУ, много лет проработала в журнале «Художник».

В апреле 1943 года в Уфе после тяжёлой болезни умер Владимир Алексеевич, мой дед. Кладбище то после войны срыли. Могила деда не сохранилась.

В 1944-м бабушка, папа и дядя Володя вернулись из эвакуации в Москву.

Из воспоминаний мамы:

«Переболев в Сталинабаде брюшным тифом, в конце 1942 года Алексей Владимирович попадает в Башкирию. Будучи ограниченно годным, в качестве запасного стрелковой роты он работает с военными документами. С 1944-го года А.В. Головкин в Москве, где ведёт работу в архивах и, прежде всего, в Военно-историческом архиве МВД СССР»

«Будет война, как Страшный Суд...»

Из жития преподобного Феодосия Кавказского (1841-1948)

В 1931 году в Минводах появился странный старик. Ему уже было за девяносто лет, а он ходил круглый год босиком, в цветной крестьянской рубахе

и с деревянным иерейским крестом на груди. Под насмешливые взгляды прохожих играл с детьми, откликаясь на прозвище «дедушка Кузюка».

По слухам, старик этот вернулся из тюрьмы. Почти все считали его сумасшедшим.

Но мало кто знал, что под обличьем юродивого скрывался знаменитый старец иеросхимонах Феодосий (Кашин), бывший настоятель монастыря Положения пояса Богоматери на Афоне, учёный монах, свободно говоривший на четырнадцати языках.

Дети любили доброго старичка, у которого всегда были припрятаны для них леденцы. Он шутил и балагурил, рассказывал им загадочные притчи, часто говорил с самим собою.

На милостыню, которую ему подавали, юродивый покупал не только конфеты ребятишкам. Он кормил хлебом птиц, строго приговаривая:

– Пойте, только Бога знайте!

Мог и кошкам насыпать крошек:

– Ешьте, только с молитвой!

Глядя на это, окружающие качали головой:

– Совсем из ума выжил старик...

А старец Феодосий, принявший подвиг юродства, между тем проповедовал, назидал, необычными речами приоткрывал завесу будущего, творил чудеса. Он ведь понимал, что теперь ему уж не дадут нигде построить храм.

Ночами в домике своём перед святыми иконами старец часами молился о спасении Отечества и народа русского, так же, как прежде, принимал страждущих, исповедовал, причащал.

В доме старца одна комната была жилая. В другой – помещалась домашняя церковь, где дедушка Кузюка превращался в строгого старца.

***

Он предсказал Великую Отечественную войну, сказав своим духовным детям:

– Будет война, такая же страшная, как Страшный Суд. Великое множество людей погибнет – такие недорогие они стали для Бога, совсем про Него забыли... Молитесь же Богу и просите у Него смерти с покаянием, ибо ужасы неизбежны...

Есть свидетельство, что накануне войны старец освятил землю и велел своим послушникам разбросать её под Новороссийском в тех местах, где впоследствии шли наиболее ожесточённые бои.

***

Во время Великой Отечественной войны чудеса он являл особенно часто. Однажды юродивый подбежал к детскому саду, закричал:

– Гули-гули, за мной, деточки, бегите за мной!

Он побежал в сторону, высоко задирая ноги. Дети со смехом бросились за ним; чтобы вернуть их, выбежали воспитатели.

Когда все они отделились от здания на изрядное расстояние, раздался ужасный взрыв: это в детский сад попал немецкий снаряд. По милости Божией никто не погиб.

***

Множество подвигов и чудес, совершённых старцем, скрыто от нас. Но об одном из них люди до сих пор хорошо помнят.

Это произошло в первые годы войны. В Минеральных Водах больница тогда находилась рядом с железной дорогой.

Из воспоминаний железнодорожника:

– На рельсах стояли три вагона со снарядами. Идёт дедушка Кузюка, одной рукой сжимает крест, другой толкает вагоны.

Железнодорожник подумал:

– Ну, дед чудной, сдвинуть ли ему такую махину?!

И вдруг глазам своим не поверил: вагоны, как игрушечные, сдвинулись с места.

Чуть позже на то место, где они раньше стояли, упала бомба, не причинив больнице вреда...

***

Во время Великой Отечественной войны старец Феодосий был одним из самых ревностных молитвенников о победе нашей страны над фашизмом, постоянно молясь о здравии защитников Отечества и об упокоении погибших воинов, тем более что Господь открывал ему имена некоторых из них.

«Вот что такое искусство!»

На здании Малого театра есть мемориальная доска, посвящённая лётчицам эскадрильи, которая была построена в годы Великой Отечественной на личные средства прославленного коллектива.

В рабочем кабинете художественного руководителя театра, народного артиста СССР Юрия Мефодьевича Соломина висят портреты В.Н. Пашенной и её учителя А.П. Ленского.

Юрий Мефодьевич любит вспоминать один из рассказов Веры Николаевны. В годы Великой Отечественной войны их фронтовая бригада ездила на Север, на нашу военно-морскую базу. Спектакль «На бойком месте» Островского они сыграли специально для трёх лётчиков, которые готовились лететь бомбить Берлин.

«Вот что такое искусство!» – с гордостью восклицает Юрий Мефодьевич. – И ещё Вера Николаевна всегда повторяла: «Ты должен оставить кусочек своего сердца на сцене. Именно ради этого и стоит работать».

А первый «гонорар» – кусочек сахара, что получил за выступление в госпитале в своей родной Чите в годы Великой Отечественной войны, Юрий Соломин запомнил на всю жизнь.

Сердце хирурга

День памяти и скорби 22 июня 2008 года стал последним в земной жизни легендарного русского хирурга-долгожителя, академика РАМН Фёдора Григорьевича Углова, большая часть жизни которого прошла в городе на Неве. В октябре ему должно было бы исполниться 104 года.

Фёдор Григорьевич пользовался словом так же легко, как скальпелем: первая его книга «Сердце хирурга», где он вспоминает и Великую Отечественную войну, вышла в 1974 году. Книга эта разошлась по стране полумиллионным тиражом.

Потом появились: «Живём ли мы свой век», «Человек среди людей», «В плену иллюзий», «Самоубийцы», «Человеку мало века»....

– Я никогда никому не завидовал, не сплетничал, не злословил, — говорил академик.

Он любил повторять:

– Врач послан больному от Бога и должен лечить его с Божией помощью.

***

Именно с Божией помощью во время Великой Отечественной войны, как потом в мирное время, Углов спас сотни человеческих жизней – и жителей блокадного Ленинграда, и бойцов, раненных на фронте.

Фёдор Григорьевич все 900 дней Ленинградской блокады был начальником хирургического отделения госпиталя.

Он оперировал в тяжелейших условиях – во время налётов, при недостаточном освещении, на пронизывающем холоде ...

Подвиг, равный ратному!

Зёрнышки блокады

Летом 1941 года часть сотрудников Ботанического института имени Комарова Академии наук СССР в Ленинграде эвакуировали в Казань. Но многие предпочли остаться и под разными предлогами избегали эвакуации.

Ныне в Ботаническом музее РАН в героическом городе на Неве представлены архивные документы и уникальные экспонаты, свидетельствующие о мужестве учёных.

Так, в дневнике медпункта института имени Комарова значатся списки доноров. И за тот же период в справках о дистрофии мы встречаем те же фамилии.

***

Каждое утро в Ботаническом институте собиралось много народу. Жители города приходили сюда, чтобы послушать лекцию о том, из каких растений можно сварить суп или сделать салат, какие растения обладают целебными свойствами.

А в Ботаническом музее постоянно работала выставка съедобных растений.

В стенах института защищались кандидатские и докторские диссертации по фундаментальным научным темам.

***

Поздно вечером 15 ноября 1942 года на территории Ботанического сада взорвалась мощная фугасная бомба. Лишь одна оранжерея чудом уцелела.

Всю ночь учёные спасали растения, перенося их в оставшуюся оранжерею и разбирая по квартирам. А всего за время войны на Ботанический сад упало свыше 100 бомб и снарядов.

***

Замёрзая в лютые военные морозы, учёные не сожгли ни одного образца хранящейся в музее древесины! Ни одно зёрнышко из огромной коллекции семян не было съедено.

А если в какое-то дерево на территории Ботанического сада попадал осколок снаряда, ему тут же, как раненому, делали перевязку, замазывали трещину варом.

...Вспоминается и история с вавиловской коллекцией пшеницы. Многие из тех, кто охранял её во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР) в блокадном Ленинграде, умерли от голода, но не взяли из неё ни одного зёрнышка.

Благодаря их подвигу эти спасённые сорта пшеницы накормили после войны миллионы людей.

Низкий поклон учёным военной поры!

На берёзах кровь алеет...

Мы едем на Ржевский полигон, что в Ленинградской области, где в декабре 1937-го, возможно, оборвалась земная жизнь «Русского Леонардо» – священника Павла Флоренского и других Соловецких узников.

День зимний короток, а я вместе с тремя родственниками «врагов народа», среди которых внук отца Павла – профессор Павел Васильевич Флоренский, всего-то на один день и приехал из Москвы, чтобы почтить память погибших семь десятилетий назад.

Поэтому наш автобус, который любезно предоставила нам школа народного искусства святой царственной мученицы Александры Фёдоровны, где сегодня изучается духовное наследие отца Павла Флоренского, едет без остановок.

***

Но так уж, видно, было угодно судьбе, что мы почтили в этот день и память жертв Ленинградской блокады.

Слева от шоссе, неожиданно для нас, вдруг возникла в окнах автобуса, словно до боли знакомые кадры документального кино, – легендарная Дорога Жизни.

На возвышенности, вопреки суровой зиме, тянулся к солнцу «Цветок жизни», оправдывая изображённые на его каменных лепестках и лицо улыбающегося мальчика, и слова знаменитой песни: «Пусть всегда будет солнце...».

Рядом с этим памятником – плита с надписью: «Во имя жизни и против войны. Детям – юным героям Ленинграда 1941-1944 годов».

***

В нашем автобусе – минута молчания, во время которой словно истончается грань между прошлым и настоящим.

...Скорбно склонились в почётном карауле у мемориала белоствольные берёзы. На их голых стволах алеют капельки крови.

Неужели лучи неяркого солнца в этот декабрьский день в самом деле проникли из настоящего в прошлое, высветив на берёзах страшные зарубки от мин и снарядов – и по сей день живые, кровоточащие раны?!

Приглядываюсь...

Да это же пионерские галстуки!

Символизируя связь поколений, они повязаны на голых стволах берёз, словно на худющих ребячьих шейках.

Повязаны их нынешними ровесниками из питерских патриотических клубов в память о недетском мужестве, стойкости юных ленинградцев.

Повязаны в благодарность взрослым, до конца боровшимся за жизнь каждого ребёнка блокадного Ленинграда...

***

А, одни дети, которых, спасая, вывозили по Дороге жизни на Большую землю, стали взрослыми, спустя годы приезжают сюда сами. Или, выполняя родительский наказ, побывали здесь хоть раз в жизни их дети и внуки.

Другие так и остались маленькими, беззащитными в том роковом минувшем.

...В состав знаменитого мемориального комплекса, сооружённого в 1968-1975 годах Ленинградским Пионерстроем совместно со строителями Главленинградстроя здесь, на третьем километре, Дороги Жизни, входят также аллея Дружбы и траурный курган «Дневник Тани Савичевой», состоящий из восьми стел – страниц её блокадного дневника.

– Здравствуй, Таня! – мысленно обращаюсь к ставшей бессмертной благодаря советскому патриотическому воспитанию девочке из вечности. – Мы ведь писали о тебе и твоих сверстниках сочинения в школе, говорили на классных часах...

Вот и встретились!

ИНТЕРВЬЮ

Борис ДОЛИНГО

Зачем нам нужна фантастика?

Диалоги

Борис Долинго – Елена Гнитеева

Борис Анатольевич Долинго – писатель, член правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России. Редактор раздела фантастики журнала «Уральский следопыт». Родился в Коканде, Узбекской ССР. Школьные годы прошли в Ашхабаде (Туркменская ССР). С 1975 г. живёт в Свердловске (ныне Екатеринбург), где в 1979 г. окончил Уральский государственный университет по специальности «физика». В 1985 г. окончил факультет журналистики Общественного Университета Печати при газете «Вечерний Свердловск». Автор восьми изданных романов и многих рассказов в жанре фантастики. С 2002 г. председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Аэлита», проходящего в Екатеринбурге (Свердловске) с 1981 г. Основатель и главный редактор электронного издательства «Аэлита». Лауреат нескольких литературных премий, имеет благодарственные письма Администрации Екатеринбурга и грамоты Министерства культуры и Законодательного собрания Свердловской области за активную деятельность по формированию литературного процесса на Урале.

В мае 2016 года в Екатеринбурге прошёл XXXIII Международный фестиваль фантастики «Аэлита». Это старейшее подобное мероприятие в стране. Начиная с 1981 года и до наших дней фестиваль неизменно собирает на одной площадке писателей-фантастов, редакторов, издателей, критиков и любителей фантастики разных поколений. За это время лауреатами главной премии становились Стругацкие, Александр Казанцев, Владислав Крапивин, Кир Булычёв, Сергей Лукьяненко, Геннадий Прашкевич, Сергей Павлов, Василий Звягинцев, Андрей Лазарчук, космонавт Георгий Гречко, художник Евгения Стерлигова и многие другие. Это знаковое событие не только для поклонников фантастики, но и для всего литературного мира.

Программа XXXIII фестиваля была интересная и насыщенная: пресс-конференции, встречи с авторами, круглые столы, мастер-классы и многое другое. Для всех участников это долгожданная возможность увидеть своих кумиров, для начинающих писателей – обмен опытом, новые знакомства, мнения профессионалов.

Мне удалось пообщаться с председателем оргкомитета фестиваля, главным редактором сборника «Аэлита» и одноимённого электронного издательства, писателем Борисом Долинго и поговорить о том, как появился фестиваль, порассуждать о фантастике в целом и о роли этого жанра в формировании личности.

– Борис, расскажите с чего всё начиналось? Как возникла сама идея создания фестиваля фантастики «Аэлита»?

– История фестиваля «Аэлита» началась в 1980 году. Тогда в редакции журнала «Уральский следопыт» возникла идея учредить первую премию для писателей-фантастов. У истоков этой идеи стояли такие люди, как Станислав Мешавкин, главный редактор журнала, писатель Владислав Крапивин, Виталий Бугров, один из редакторов журнала «Уральский следопыт», и писатель Юрий Яровой. И, естественно, возник вопрос: «А кому вручать премию?» Писателями номер один, конечно, были Стругацкие. Но в те времена считалось, что Стругацких не любит власть. Позже звучали мнения, что это, якобы, тонкая «маркетинговая» работа самих Стругацких: ведь у гонимых писателей не выходило бы столько книг. Ну да ладно. В общем, так считалось. И организаторы премии, естественно, опасались неприятностей со стороны властей. Поэтому решили вручить новую премию ещё и Александру Казанцеву – абсолютно «советскому» фантасту, который с коммунистической позиции разрабатывал свои идеи и сюжеты. Премию учредили. Соучредителями премии выступило Свердловское отделение Союза писателей РСФСР.

Было решено провести церемонию награждения в следующем году, и приурочили её ко Дню космонавтики. И как народ узнал, что в «Уральский следопыт» приедут Аркадий Стругацкий и Александр Казанцев, все любители фантастики страны ринулись в Екатеринбург. Возникло столпотворение – такой своеобразный стихийный фестиваль. Люди селились где угодно: у знакомых и родственников, ночевали на вокзале и в редакции «Уральского следопыта» на стульях и на полу. То есть получается, что народ своим интересом и создал основу для зарождения фестиваля. А на следующий год уже целенаправленно возникло вот то понятие, которое мы используем до сих пор, – фестиваль фантастики «Аэлита». И поскольку учредителем и главным организатором всего была редакция «Уральского следопыта» – люди, безусловно, творческие, профессионалы своего дела, редакторы и литераторы, – естественно, в рамках фестиваля стали регулярно проводиться встречи с писателями. Это и не называли тогда мастер-классом, тогда ещё и термина такого не было, но любая встреча с большим писателем для писателя начинающего – уже своего рода мастер-класс. Это всегда интересно и познавательно для молодых людей.

Вот такой процесс пошёл вокруг редакции «Уральского следопыта». Спустя какое-то время появился семинар молодых авторов, где разбирались произведения, шла работа с текстом. Авторы могли поучиться не абстрактно, а конкретно на своих ошибках. В 2005 году, когда уже фестивалем занимался я, был учреждён конкурс короткого рассказа (ККР). Это своего рода логическое продолжение семинара молодых авторов, потому что на семинаре подробно разбирают рассказы как раз из ККР. А с этого года у нас начал работу романский семинар, где разбирают романы. Цель этого семинара – продвижение молодых авторов. Ведь лучшие романы и повести мы будем рекомендовать в издательства. С этой же целью в 2007 году я взял на себя ведение раздела фантастики в журнале «Уральский следопыт», которым к тому моменту уже долгое время занимались люди, мягко говоря, мало что в фантастике понимающие. Задача очень неблагодарная материально (сейчас в журнале нет зарплат у редакторов), но фестивалю была необходима своя печатная площадка. Это не только поддерживает интерес к фестивалю, но и даёт авторам реальную возможность быть напечатанными.

– Екатеринбург вот уже больше 30 лет притягивает не только читателей фантастики, но и писателей-фантастов. Можно ли говорить, что вокруг «Аэлиты» формируется своя школа современной фантастики?

– Хотелось бы так сказать. Для меня как для редактора нескольких проектов важно, что мне удалось впитать всё то лучшее, что было в советской фантастике, но я человек своего времени в том смысле, что я не застрял, как нередко бывает, в том советском прошлом. Ведь всё хорошо в своё время. Есть заметный процент людей, которые в детстве зачитывались фантастикой, хорошей, качественной фантастикой. Но теперь, когда им по 50–60 лет, они решают, что могут тоже писать фантастику. И делают кальку с той, что читали в детстве и юности. А сейчас уже так не пишут. И, главное, не читают – те тексты устарели концептуально. Вот такую «вторичную» фантастику я никогда не беру ни в журнал, ни в сборник «Аэлита», ни, естественно, в наше издательство. Сборник «Аэлита» – это ещё одна печатная площадка фестиваля, и каждый год мы проводим огромную работу по отбору текстов.

– Чем вы руководствуетесь при отборе работ? Существует определённый алгоритм, или только нравится – не нравится?

– Я не буду лукавить и говорить: да, существует чёткий алгоритм. Но, конечно, есть какие-то показатели. Во-первых, это должен быть хороший русский язык. Во-вторых, безусловно, увлекательный сюжет. Логически выверенный, непротиворечивый. Мне лично нравится, когда автор умеет создать в произведении убедительный мир не за счёт постоянных описаний, а как раз наоборот. Когда описаний мало, но мир осязаем, его чувствуешь через ситуации, через действия героев. Не будучи любителем фэнтези, но поскольку фэнтези существует, я всегда считал, что она должна быть представлена в сборнике. Поэтому с первых выпусков существует раздел научной фантастики и раздел фэнтези. Помимо этого есть ещё раздел юмористической фантастики. Правда, к сожалению, хороших образцов «юмора» в фантастике очень мало – найти удачные перлы – работа тяжёлая. Но, когда удаётся, это очень приятно. В последнем сборнике мы ввели ещё и раздел «Конкурсы», где собраны рассказы победителей разных конкурсов.

– Вы выступаете сразу во всех ипостасях: вы читаете, вы пишете, вы редактируете фантастику. Через вас проходит колоссальное количество текстов каждый год. Расскажите, с высоты своего опыта, как формировалась и развивалась фантастика?

– Я считаю, фантастика как конкретный жанр сформировалась не ранее XIX века. Кстати сказать, сегодня в мире всего лишь три большие фантастические державы: мы, США и Великобритания. Даже Франция, которая, казалось бы, имеет такие корни, как Жюль Верн, Жозеф Рони, Франсис Карсак, утратила свои позиции. Видимо, во многом из-за того, что англоязычная индустрия подавила всё остальное. Они самодостаточны. Даже переводами суперов себя не утруждают. Мы в советское время тоже были самодостаточны, но переводы лучших мировых образцов у нас всегда были. В какой-то степени то, что мы в своё время находились за «железным занавесом», спасло нашу фантастику от такого «англосаксонского» подавления. Хотя это имело и свои недостатки.

Знаете, есть очень хорошая работа Кира Булычёва «Падчерица эпохи» о нашей русской и советской фантастике. Для меня самого стало открытием,

что в 20-е годы, когда Россия находилась, казалось бы, в полной разрухе, писали и печатали уйму фантастических произведений. Авторам даже платили гонорары! И это была качественная, интересная фантастика. Далее Булычёв очень тонко говорит о торможении нашей фантастики, когда в руководстве страны победила линия Иосифа Виссарионовича. Булычёв связывает это с тем, что жёсткая партийная линия не могла позволить писателям писать о том, чего Компартия не знает. А ведь Компартия должна была знать всё. Но мы не найдём нигде рассуждений партийных идеологов той поры о том, что будет через 100 лет. Они кричали, что марксизм-ленинизм вечно живое развивающееся учение, и тем самым превратили его в тупую догму. А учение Маркса, как мы сегодня убеждаемся, действительно великое. В середине XIX века человек написал всё, что происходит сейчас. Невероятное предвиденье, что нельзя строить жизнь на основе базовых ценностей капитализма. Это неправильная жизнь. Просто неправильная.

Я сам когда-то в студенческие времена считал советский период жуткой эпохой. Но когда сейчас думаешь о том времени, понимаешь, что по-другому нельзя было. Иначе за 15 лет не подняли бы индустрию страны настолько, что СССР смог противостоять самым мощным армиям мира. И, к сожалению, если сравнить развитие индустрии того периода с сегодняшними темпами подъёма собственной промышленности, то сравнение и близко не в пользу нынешней системы. Но это уже лирика. В общем, примерно с 30-х годов XX века до смерти Сталина у нас существовала только фантастика ближнего прицела. Классический пример – роман Григория Адамова «Тайна двух океанов», ну и тому подобные произведения (они хороши сами по себе, и тоже нужны, но плохо, когда допускается только такой близкий и сугубо «идеологизированный» предел для фантастики).

Когда отпустили идеологические вожжи, сразу появилась другая фантастика, так называемые отложенные утопии. В 50-е годы было много романов про то, как к нам прилетают инопланетяне с планет с построенным коммунизмом и забирают наших соотечественников к себе. Далее следуют описания той жизни в коммунистическом раю. В принципе, это ничем не отличалось от «Утопии» Томаса Мора или «Города Солнца» Кампанеллы. Так было во времена «хрущёвской оттепели». Дальше идеологи КПСС поняли, что нельзя настолько давать свободу, а то так совсем под Запад можно лечь. Спыхватились, а что делать – не знают. Мозгов-то таких, как у Иосифа Виссарионовича, нет. Тот, наверное, понял бы, что надо делать. Я вообще считаю, что если бы некое существо с интеллектом Сталина могло жить вечно, то это был бы идеальный правитель. Сталин бы вовремя перестроился, он умел перестраиваться. Например, году в 1930 он явно слышать не мог про «святую Русь», но во время войны учреждает ордена Кутузова, Суворова, Нахимова, вспомнил понятие Отечества. Потому что понял, что национальный патриотизм, а не только красная книжка члена ВКП(б) – это то, что поможет выиграть войну.

Ну так вот, на смену морю романов 50-х приходят сборники 60-х и 70-х. Кроме, конечно, «не любимых» властью Стругацких, у которых стабильно выходят романы. Кир Булычёв выдвигает версию причины этой тенденции на сборники. Он считает, что авторов в сборниках легче контролировать, чем авторов сольных книг. Дело в том, что писатель, у которого вышла «сольная» книга, в те времена сразу как бы приобретал заметный «общественный вес». А в сборниках так, шушера разная печатается. Плюс ко всему Леонид Ильич Брежнев фантастику не уважал. Думаю, по этой же причине отсутствовали

советские фантазийные романы, а западные не переводили. За исключением Урсулы Ле Гуин в «Науке и Жизнь», и то, по-моему, это уже был где-то год 1981. Беда в том, что когда что-то запрещают, а потом вдруг разрешают, этого сразу становится чрезмерно много. Так и получилось. Хлынули потоки романов – и никаких сборников. Сейчас уже выросло целое поколение, которое не любит сборники. Спрашиваю, почему? Ответ: надо чаще внимание переключать. Так что, наверное, новое время для сборников ещё не пришло. Всё развивается циклично.

– А читательский интерес к фантастике, если взять 90-е, нулевые и последние годы, возрастает или идёт на спад?

– Ну, если по количеству читателей, то, безусловно, на спад. Во-первых, появилась масса заменителей книг. Во-вторых, у людей стало меньше времени. Появилось больше возможностей заработать. Философия общества внушает, что ты должен жить, чтобы постоянно покупать новые вещи. Но сейчас этот процесс приходит в динамическое равновесие: процентное соотношение читающих, количество играющих, количество смотрящих фильмы стабилизируется. Всегда останется какая-то часть людей, которые испытывают наслаждение от самого процесса чтения. Ведь читатель – во многом соавтор, потому что он додумывает мир книги, который, как ни старайся, описать полностью невозможно. Это не видеоряд.

– Можно ли говорить о тенденциях в фантастике хотя бы на ближайшие 10 лет?

– Этим манипулируют те, кто управляет рынком. А за них это предугадать сложно. Но я думаю, что в целом всё будет зависеть от того, как пойдёт развитие человечества в целом, и с какими проблемами оно столкнётся на этом пути. Назревающая проблема с перенаселением заставит фантастов искать выходы, а значит, опять вернуться к теме космической одиссеи. Сейчас для Земли, конечно же, было бы благом отправлять миллионы особо «пассионарно» настроенного населения к другим солнечным системам. Здесь есть где разгуляться фантазии. А если говорить о более «сиюминутных решениях», то, безусловно, надо подумать о механизмах регулирования прироста населения – ведь посмотрите: прирост этот идёт в странах наиболее отсталых во всех отношениях и, прежде всего, в культурном. А это огромная проблема для цивилизации в целом. Вот о чём стоит писать уже давно! Но пока этому мешает «демократическая толерантность» западного общества. У них там, на Западе, всё строго: о чём можно писать, а о чём нет.

– То есть существуют различия между российской фантастикой и зарубежной?

– Отличия, конечно, есть. У них очень много либеральной фантастики со всякими нетрадиционными отклонениями – и не только у людей, но и у роботов. У нас это, слава богу, не сильно развито. И у нас, особенно в последнее время, всё чаще присутствует патриотическая составляющая. Даже люди, которые не росли в Советском Союзе, замечены в патриотических настроениях. Это, наверное, естественно, потому что на уровне социальной генетики мы всё равно дети великой страны. Страны, которую в 90-е годы абсолютно незаслуженно, бездарно унизили. И заслуга сегодняшней власти в том, что нам опять дали возможность почувствовать себя гражданами великой страны.

– Читать фантастику начинают в детстве, раньше чем что-либо ещё. Как вы считаете, фантастика должна влиять на формирование моральных качеств и нравственных принципов? Например, на воспитание патриотизма.

– Это зависит не от жанра, в котором работает автор, а от личности самого автора. Если автор искренне стремится писать о патриотизме, то, конечно, надо писать. Если ему это не близко, то лучше не надо. Пусть пишет о чём-нибудь другом. Книга даже когда не воспитывает, всё равно развивает. Не так давно я прочитал статью Нила Геймана «Почему наше будущее зависит от библиотек». В ней он вспоминает, как в 2007-м посетил первый разрешённый властями конвент в Китае. И он спросил у китайцев, почему разрешили, ведь столько лет запрещали. И Гейману китайцы ответили, что они обратили внимание, что у них великолепные инженеры и рабочие, они прекрасно работают по готовым схемам, но практически ничего не создали сами. Тогда они отправили делегацию в Microsoft, Google, Apple и в другие высокотехнологичные американские компании. Они там беседовали с передовыми сотрудниками и выяснили, что все эти люди читали в детстве и юности научную фантастику. После этого в Китае разрешили проводить конвент. Вот Нил Гейман и говорит, что книга вообще, а фантастика особенно – мощнейший инструмент для развития воображения. И это, наверное, её главная функция.

Беседу вела Елена ГНИТЕЕВА

Елена Валерьевна Гнитеева – родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет Геодезии и Картографии и Московский Областной Педагогический Институт им. Крупской, лингвист. Пишет большую и малую прозу. Печатается в журналах. Автор книг прозы «Выбор» (сборник рассказов), «Девять жизней» (повести и рассказы). Член союза писателей России.

Живёт в Москве.

ПОЭЗИЯ

**Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Петра Гулдедаву
с юбилеем!**

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, член Союза писателей России. Дипломант и лауреат конкурсов Московской городской организации Союза писателей России с 2011 по 2015 гг. Награждён орденами имени В.В. Маяковского и С.А. Есенина, медалью им. А.С. Грибоедова, нагрудным знаком «Серебряный крест». Живёт в Москве.

Пётр ГУЛДЕДАВА

Когда с печалью вспоминаешь...

Судьба

Судьбою, как душу ни горби,
И лёгкий успех ни лови,
Ничто не даётся без скорби
И сродницы скорби – любви.

И судеб стеклянные чаши,
Сколь жизни бы в них ни текло,
Коренья не выпустят наши,
Пока не разбито стекло.

Но, ежели корень прорвётся
Обнять родовые гробы,
Тогда и ростку удаётся
Раздвинуть пределы судьбы.

***

Возникая на уровне духа,
Как привычный обыденный фон,
Льётся где-то по доньшку слуха
Родниковый серебряный звон.

Не убитая тягостной новью,
Память детства пожизненно в нас
Озаряется отчей любовью
И сиянием маминых глаз.

Словно отклики дальнего эха
Раздаются в закатной тиши
Колокольчики детского смеха
Над заснеженным полем души.

Вещество поэзии

Не только пеплом и золою
Покрыта жизни колея:
Мы все уходим, но бывшее
Живёт в анналах бытия.

А мы всё машем кулаками
И лжём до третьих петухов,
И без конца бросаем камни,
Как будто сами – без грехов.

Под звуки плача и стонаний
Уйдём из временных квартир
Туда, где дым воспоминаний
Милее, чем постылый мир.

И тени тьмы на мягких лапах
Проникнут в магию стиха
Из пустоты, таящей запах
Увядших прелестей греха.

Юбилей

Сияют праздничные свечи,
Как угасания пролог,
Когда возвышенные речи
Напоминают некролог.

И, словно клювик воробьиный,
Все перспективы впереди,
А сзади – хвост ошибок длинный
И пепел прошлого в груди.

Когда с печалью вспоминаешь,
Чему был рад, о чём тужил,
Когда подспудно понимаешь,
Что ты похвал не заслужил...

Ушли в золу былые страсти,
Но в глубине души ты рад,
Что всё же был, хотя б отчасти,
Таким, как люди говорят.

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член Союза писателей России и Академии российской литературы. Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

Берёзовый туман в лесах...

***

Потерял все зубы,
Верно, по грехам.
Мнил себя негрубым,
Да, похоже, – хам,
Если, помню, взора
Не сводил с «наяд»,
Не стыдясь позора
Снявших свой наряд.

Думал, что неробкий,
А выходит – трус:
Променял на сопки
Право брать Эльбрус.

Врал, как очевидцы,
Лишь не докучал
Площадям столицы,
Полюбив причал.

Вёл с судьбой неглупый,
Вроде, диалог.
Разве вот что зубы
Уберечь не смог.

***

Опять сирень не распустилась.
И небо серого сукна.
Черёмуха лишь проявилась
Напротив твоего окна.

Не удивить холодным маем
Визитов стужи, что сейчас
Мы этим летом принимаем,
Не опалившим зноем нас.

А вот и осень. Парк, качели,
Пруд в Лианозове, закат,
Запекшийся на пиках елей,
И здешней звонницы набат.

Мы с осенью недавно дружим,
Я колдовству её румян
Предпочитал апреля лужи
И плен ромашковых полян,

Пока не разглядел за домом
Берёзовый туман в лесах
И солнца лик в венце терновом
На раскалённых небесах.

***

Мой, скажем, гардероб не очень,
И холодильник не в пример
Занудный монолог бормочет,
Как сталинский пенсионер.

Не удаётся до рассвета
Вчерашним разговеться сном,
Пока серебряной монетой
Луна дурачит за окном.

А было: ждал её визитов,
Как ждут хозяйки распродаж,
И покупал для реквизита
И вдохновенья карандаш.

Теперь талантливые ночи
Мне стали как-то не с руки,
А дни короче всё, короче,
И не годятся в трудодни.

Циля Шнеерсон

Отрывок из романа
«В некотором царстве...»

Незадолго до Пасхи – о, нет! – не христианской Пасхи, дня покаяния смерти смертью – Пасхи еврейской, когда радуются иудеи, что Всевышний миновал еврейские дома, уничтожая первенцев Египта; так вот, незадолго до иудейской Пасхи некто Арончик Шнеерсон, москвич, выехал на поезде из Москвы в Киев. На Брянском вокзале его провожали жена, отец, старая приходящая служанка и человек пять родных его детей возраста... самого разного возраста. На вокзале все без умолку болтали, смеялись чему-то и по очереди обнимались. При этом так увлеклись, что Циля, жена Арончика, два раза обнялась зачем-то с его престарелым, глухим отцом, с которым после и вернулась домой в Машков переулок. Все желали друг другу блага и в который уже раз уславливались встретиться на Пасху, само собой, иудейскую.

Арончик должен был съездить в Киев, где скончалась сестра его давно упокоившейся матери. А заодно повидать тёток – тётю Лию, тётю Эстер, тётю Енту, бабушку Басю, Моню, Элю, дядю Цахи и ещё целую толпу каких-то своих соплеменников, которые, Бог весть, кем и кому доводились. Во всяком случае, сегодня об этом никто уже и не вспомнит.

Похоронив тётку, навестив бабушку Басю и прочих, Арончик намеревался вернуться домой, аккуратно к празднику, дабы в тесном семейном кругу вкушать козлёнка с горькими травами. Поэтому, усадив Арончика в поезд, домочадцы его возвратились домой и принялись ждать Пасху, сулившую им двойной праздник: во-первых, радость вкупе с единоверцами, а во-вторых, радость сугубо домашнюю, связанную с возвращением из Малороссии отца семейства, нагруженного – и в том не было ни малейших сомнений – подарками и гостинцами.

Но вот миновала еврейская Пасха. Наступила и отзвонила колоколами Пасха православная, а

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота».

Живёт в Сергиевом Посаде.

Арончик домой так и не вернулся. К этому времени в его доме воцарились растерянность и затишье, связанное всё с той же растерянностью. Никто не знал, что следует предпринять: ехать ли самим в Киев, писать ли письма бабушке Басе и тётке Эстер, а может, идти в полицию или куда-нибудь ещё. В полицию, впрочем, всё равно никто бы и не пошёл, потому что не зря же евреи желают друг другу, чтобы Господь уберёг их от дурного глаза и частного пристава.

Наконец уже летом из Киева пришло письмо. Но писал не Арончик и не бабушка Бася, писал адвокат Чижиков. Циля так испугалась, что руки у неё затряслись, а чтобы понять, в чём же собственно дело и что нужно от Шнеерсонов адвокату Чижикову, ей пришлось перечитать письмо трижды.

«Любезная госпожа Шнеерсон, – писал адвокат Чижиков крупным аккуратным почерком, – довожу до сведения Вашего, что супруг Ваш арестован и в настоящее время пребывает в Киевской тюрьме, обвиняемый в убийстве...» Далее адвокат сообщал, что идёт следствие, которое, вероятно, продлится долго. Что дело весьма сложное и запутанное, хотя и абсурдное, но абсурдность своей кое-кому удобное и даже необходимое. В этом месте письмо было настолько туманным, что Циля каждый раз принималась плакать, потому что и на третий раз так и не смогла ничего разобрать.

Далее письмо прояснялось, и адвокат уверял, что Арончик невиновен и надежда на его освобождение остаётся, хотя всякое может быть, поскольку – и здесь снова спускался туман – «всё это выгодно, пусть даже нелепо и отжило свой век». Доходя до этих слов, Циля почему-то вспоминала бабушку Басю, и глаза её снова увлажнились.

Кроме письма адвоката Чижикова в конверте оказалась маленькая записка, написанная рукой самого Арончика. Циля не сразу её заметила. Убирая письмо адвоката в конверт, она обнаружила у своих ног маленький белый листок, должно быть, выпорхнувший незаметно, когда Циля распаковывала конверт. Циля подняла листок и прочитала: «Циля, сердце, что и говорить: будь я умнее, то не поехал бы хоронить тётю Фейгу. Глядишь, и без меня бы закопали её в землю, хоть и была она добрейшей женщиной. Только, Циля, ты не думай, что это я или кто из наших виноват во всём этом деле и что твой Арончик сошёл с ума на старости лет. Ни деды мои, ни прадеды таким не грешили. И детей своих не допущу. А это всё собаки – ясное дело. Но, видно, на то мы и евреи, чтобы терпеть. Терпеть и терпеть, уповать на Бога, молиться и надеяться, что всё к лучшему переменится. Верь мне, Циля, душа моя, что я невиновен, и никто из наших не виновен».

Письмо Арончика Циля перечитала дважды, а слово «собаки» даже произнесла вслух, как будто надеясь, что так будет понятнее. В целом же, хотя письма и были странными, но проясняли главное: Арончик жив. Правда, он сумел угодить в тюрьму, и неизвестно теперь, когда из неё выйдет – дай Бог следующую Пасху встретить вместе. Но даже и это не так важно, как то, что он всё-таки жив, а не валяется где-нибудь в овраге с разбитой головой и не кормит рыб на речном дне.

Рассудив так, Циля немного успокоилась и вечером того же дня прочитала письмо адвоката Чижикова дедушке, чтобы спросить у него совета: стоит ли ей и самой отправиться в Киев. Но когда она читала, в соседней комнате заплакал младший ребёнок, и Циля не стала ни о чём спрашивать.

Дедушка почти ничего не слышал, но по Цилиному лицу догадался, что хорошего мало. К тому же преклонные лета научили его не ждать от жизни ничего хорошего. А тут ещё он отчётливо разобрал слова «в Киевской тюрьме» и сразу всё понял.

– А глик от им гетрофен, – вздохнул дедушка. – Когда еврею дадут пожить? И что там опять придумали в Петербурге?

– Почему в Петербурге? – не поняла Циля. – Ведь Арончик в Киев уехал...

– Что там твой Киев!.. – объяснил дедушка. – В Киеве и весна не наступит, если в Петербурге не велят.

Циля посмотрела в окно и подумала, что в Петербурге верно распорядились: лето было в разгаре, о чём кричали воробы, возившиеся в пыли, да и весна пришла в Москву вовремя.

В тот год выдалась хорошая весна. И когда в марте днём было тепло, к ночи снова всё застывало. Лужи, покрывавшие Москву, затягивались на ночь ледяной плёнкой. Небо казалось выше, воздух – прозрачней, а от новых запахов Циля волновалась и, укладываясь спать, дрожала, словно предчувствуя, что должно случиться что-нибудь необыкновенное.

***

Шнеерсоны объявились в Машковом переулке следом за Самуилом Мироновичем Малкиелем, воцарившемся однажды на Покровке и притянувшем к себе небогатых соотчичей со всей Первопрестольной. Подобно тому, как круги расходятся от упавшего в воду камня, так расселились иудеи вокруг блиставшего в то время Малкиеля. Богатство Самуила Мироновича возбуждало любопытство и порождало толки. А сам он в окружении соплеменников казался каким-то царём иудейским, прихотью судьбы заброшенным на московскую Покровку.

Когда же Самуил Миронович покинул Покровку и, утопая в роскоши, поселился на Тверской, многие соплеменники его снялись с мест и выдвинулись следом, дабы снова расположиться лагерем вокруг богатого сородича. Но Шнеерсоны общему примеру не последовали и остались в Машковом переулке. Благо, среди соседей единоверцы продолжали преобладать.

Откуда изначально прибыли Шнеерсоны в Машков переулок, теперь уже сложно установить. Говорят только, что Арончик служил до Москвы в солдатах, а Циля будто бы совсем ещё молоденькой явилась из Мглина, где бедной девушке трудно было найти себе жениха. Еврейских невест в Москве тоже недоставало, вот и отыскивались добрые евреи, привозившие девушек из местечек. И Арончик взял Цилю «с возу» – так это тогда называлось. История, рассказанная здесь, застаёт Шнеерсонов в Машковом переулке в небольшой квартирке, где помещалось довольно большое семейство и тайная касса – Арончик и Циля иногда брали в заклад у соседей. Впрочем, касса, пожалуй, слишком громкое слово. Но дело в том, что предприятие, называвшееся «кассой Шнеерсонов», не имеет более точного и подходящего названия.

Что же касается семьи... А что вообще такое еврейская семья? Старшие дети давно живут отдельно, а младшие только родились. А между тем и Циля, и Арончик производили впечатление людей тщедушных, а то и вовсе невзрачных. Были они малы ростом, худосочны, Арончик же, ко всему прочему, ещё и лысоват. Оба смотрели на мир большими печальными глазами и, казалось, всё чего-то боялись. Впрочем, Цилю можно было бы назвать миловидной, если бы заботы не выели румянец, блеск в тёмных глазах и кое-где

даже черноту волос, оставив в чёрной копне совершенно белые нити, которые, к тому же, имели свойство постоянно умножаться числом.

Кто-то называл Цилю глупой, но это было неправдой. Циля не была глупой, она просто не понимала, для чего ей нужно вникать в вопросы, не имеющие к её жизни никакого касательства. А поскольку жизнь Циля состояла из детей и закладной кассы, то кроме этих двух предметов Циля ни в чём больше и не смыслила. Зато в детях и закладах Циля разбиралась превосходно. И напрасно кто-то думает, что всё это сущие пустяки. Ведь детей нужно одеть и накормить, еду достать и приготовить, одежду пошить. А на всё нужны деньги. Откуда же еврею портному взять столько денег, даже если этот портной держит у себя маленькую тайную кассу?

Словом, до поры Шнеерсоны оставались семейством незаметным и никому в целой Москве не известным. Исключая разве соседей и закладчиков-бедняков, оставлявших у Арончика разный вздор вроде затёртых бархатных душегреек, подушек, женских платков и табакерок.

Но в один прекрасный день Шнеерсоны незаметно для себя сделали известными всей стране. Во всяком случае, той её части, что читала газеты и проявляла живой интерес к происходящему в империи и её окрестностях.

***

Хоть Циля и вышла за Арончика «с возу», но всегда любила его по-настоящему, а не из долга только. Во всяком случае, она им гордилась. Ведь Арончик и в Писании был сведущ, и у бимы любил петь. А как он играл на скрипке? Дай, Господь, Рубинштейну так играть!

Циля совершенно была согласна с тем, что Бог положил властвовать мужу над женой. И очень бы удивилась, если бы кто-нибудь указал ей, что это всё-таки, пожалуй, она властвует над Арончиком, а не он над ней.

– Что это вы говорите? – сказала бы она и подняла брови – она всегда поднимала и без того изогнутые брови, когда удивлялась. – Что это вы такое говорите? Чтоб Господь помог вам во всех ваших делах...

Циля вовсе не была сварливой и мужа никогда не колотила. Но если бы Арончик собрался в Киев, а Циля сказала: «Что, во всём Киеве уже некому похоронить тётю Фейгу?», – то Арончик ни за что бы не поехал. Но поскольку Циля сказала: «Ехай, раз уж во всём Киеве некому похоронить тётю Фейгу», – то Арончик погрузился в поезд и умчался в Малороссию.

А сколько раз Арончик заговаривал с Цилей об Америке? Да, Циля слышала – кое о чём было известно и Циле – что в Америке житьё получше, чем в Москве. Точно так же, как в Москве лучше, чем в Мглине. Ну так Мглин Циля видела своими глазами, а кто же видел Америку? Есть ли кто-нибудь, кто бы уехал в Америку, а потом вернулся, чтобы рассказать, как там живётся евреям? Нет, никто из Америки не возвращался, одни только разговоры. Только мало ли, о чём на свете толкуют. Вон, реб Малах тоже говорит, будто бы есть такая штука, чтобы с другим городом разговаривать. Крутишь будто бы ручку как у кофейной мельницы, а оттуда бабушка Бася говорит:

– Шалом...

И вы ей:

– Алейхем Шалом, бабушка Бася...

Ха-ха-ха! Как все смеялись над рассказом ребе Малаха! Дети взяли кофейную мельницу, крутили ручку и кричали:

– Эй, бабушка Бася, дядя Эля, что вы всё молчите?..

Не всему же, что говорят, верить можно. Говорят, есть на свете Париж, где Ротшильд живёт. Ну так и что? Разве он ждёт у себя всех московских евреев?

А то, что Арончик в тюрьму угодил, так он, может, и в Америке бы угодил, если бы не в своё дело совался. Видно, так уж евреям предписано: горе мыкать и покоя не зная. А если предписано, так значит, предписано. Никакая Америка не поможет. Вот и Арончик пишет: терпи, молись и надейся. А что ещё остаётся евреям, если другие народы их отчего-то не любят?.. Жить остаётся и заниматься своим делом.

Циля ходила на рынок, готовила пищу, принимала ветошь в заклад, то и дело приносила Арончику детей и пребывала в уверенности, что исполняет свой долг не хуже воюющего солдата или поющего кантора. То есть, конечно, она не думала ни о каком долге, но знала, что делает своё дело и ни во что больше не собирается вникать. Вот и кантор не вникает в военную службу и детей тоже не рождает, потому что это не его дело. Она так и говорила Арончику, если тот появлялся на кухне, где полным ходом шло приготовление рыбы:

– Что, у евреев теперь новый Талмуд? Или у мужчин нет других занятий?.. Что ты делаешь в кухне, не про тебя будь сказано?..

А когда Арончик уходил, Циля продолжала рассуждать вслух:

– Незачем таскаться в кухню, когда каждому еврею, и не еврею даже, Бог дал своё дело. Вот ведь я и другие женщины идём в синагоге в женское отделение, а не лезем к биме. Потому что это не наше дело.

Даже когда Арончик попал в тюрьму, Циля хоть и перепугалась сначала, но быстро успокоилась, потому что занялась своим делом. А её делом были еда и дети.

Кто и говорит: нашёл Арончик время в тюрьме сидеть. И Пасху без него встретили, и Пятидесятница миновала. Так, глядишь, и Суккот пройдёт без отца семейства. Ну да ведь явится же он обратно! Посидит в своей тюрьме, и отпустят его. Сам же написал: «На то мы и евреи, чтобы терпеть». А уж Настасья на рынке плетёт не весть, что:

– Правда ли, – говорит, – что твой Арон убил там кого-то?

Слыхали вы такое? Что за негодница! Нахалка! Сама на рынке стоишь, ну что ты можешь знать за Арончика? Циля ей так и сказала. А Настасья – в смех. погоди, говорит, сама ещё узнаешь, что там твой благоверный набедокурил – вздрогнешь! И вздрагивать не собираюсь – объявила ей Циля. И больше с Настасьей с тех пор не здоровалась. А Настасья завидит Цилю и ухмыляется. И стала Циля замечать, что вокруг неё всё как-то переменялось. Чем дальше – тем больше косых взглядов. И свои, и русские смотрят как на прокажённую: вроде и любопытно, а коснуться боязно. Видно, Настасья распустила слухи. Но Циля до слухов дела нет. Смотрите – за погляд денег не берут. Глаза бы только не просмотрели.

А Настасья?.. Да чтоб ей тошно стало, этой Настасье!.. На рынке стоит, а думает, что Малкиелева дочка. Циля не то, что здороваться, смотреть в её сторону перестала. Так, иногда скосит глаза. А Настасья смотрит, высматривает – словно выпытывает. Но Циля – мимо.

Так и проходила Циля мимо Настасьи год и даже чуть больше года. Время от времени получала Циля письма от Арончика и верила, что сам он скоро

вернётся. «Надо же было поехать в этот Киев, чтобы угодить на погром», – думала Циля, уверенная, что Арончик в тюрьме из-за погромов.

– Сначала бьют евреев, – кричала Циля дедушке на ухо, – а потом их же в тюрьму сажают. Вот какие нынче порядки. Чтoб Господь помог евреям во всех их делах!..

– Кого уважают? – спрашивал глухой дедушка. И Циля махала на него рукой.

Год Циля жилось непросто. Касса приносила копейки – что можно заработать на этой рухляди, что несут к ним в заклад? Заходили родственники, приносили снeди или немного денег. Смотрели на Цилю как на ярмарочную диковину, качали головами, вздыхали и уходили. Вечерами Циля хотелось поговорить, и она обращалась к дедушке. Но дедушка почти ничего не слышал и отвечал невпопад.

Однажды уже на другой год ближе к Пятидесятнице зашёл Шимеле, троюродный брат Циля. Шимеле служил у Полякова и назывался даже Семёном Борисовичем. Шимеле был предметом особой гордости Циля, им Циля гордилась едва ли не больше, чем Арончиком. Шимеле был молод, красив и одет всегда как настоящий господин. Да и по-русски он говорил не как еврей, а как сами русские. Да, не у всех евреев с Покровки родственники служат у Полякова.

– Послушай, Циля, – сказал Шимеле и потряс перед носом у Циля какими-то газетами. – Откуда взялись эти деньги? Все знают, что у вас касса, но такие деньги и я бы не смог выложить за адвоката. Арончик, наверное, скоро вернётся. Но ты... Во всяком случае, ты должна быть осторожна. И, может быть, даже закрой кассу – ведь теперь все знают про эти деньги.

– Какие деньги, Шимеле? О чём это ты говоришь? – не поняла Циля, которая так изумилась, что не успела обрадоваться известию о возвращении мужа. – Разве рыба и пшено так дороги, что и сам Поляков удивляется?

– При чём тут Поляков и пшено, Циля, – раздражённо ответил Шимеле, – я говорю об адвокате для твоего Аарона.

– О Чижикове? – вспомнила вдруг Циля.

– Конечно, о Чижикове! Ну кто бы мог подумать, что ты выложишь ему сорок тысяч.

– Сорок тысяч?! – расхохоталась Циля. – Что это значит: «сорок тысяч»?.. Ты, наверное, надо мной смеёшься? Даже если продать меня и детей и глухого дедушку в придачу – никто не даст за нас сорока тысяч.

Но Шимеле и не думал смеяться. Напротив, он покраснел и сказал с нескрываемой досадой:

– Не хочешь говорить – это твоё право. Но в Москве уже год толкуют об этой истории. Все газеты только и пишут, что об Аароне Шнеерсоне. А ты хочешь сказать, что не знаешь, что происходит с твоим мужем?

– Почему не знаю? – подняла брови Циля. – Арончик пишет мне письма...

– Да о твоём Арончике все газеты пишут! – воскликнул Шимеле. – На-ка вот, почитай. Все уже знают.

Шимеле бросил на стол перед Цилей несколько газет и, ни слова больше не говоря, ушёл.

Циля стояла возле стола и касалась грубой его поверхности кончиками пальцев. Только что она хотела усадить за этот стол Шимеле, чтобы попотчевать его чаем с медовыми пряниками. Но теперь, позабыв совершенно о чае, смотрела с каким-то ужасом на рассыпавшиеся по столу пёстрые газеты, словно это были чудовища, способные погубить всё на свете.

***

Следует сказать, что газеты эти не сохранились. Точнее, где-то они, конечно же, сохранились. В Государственной библиотеке наверняка хранится парочка экземпляров. Кое у кого остались только вырезки из нескольких газет. Среди них есть и вырезки из тех самых газет, что принёс Шимеле Циля, а есть даже из позднейших. Все они посвящены делу Аарона Шнеерсона, и, сложив их воедино, вполне можно составить представление об этом запутанном деле. Газеты, которые принёс Шимеле, сохранила Циля. А когда Арончик вернулся из своего затянувшегося путешествия, он присовокупил к газетам Шимеле кое-что от себя. И картина произошедшего в Киеве получилась довольно полной. Во всяком случае, перечитав эти вырезки, можно составить представление о том, что же было с Арончиком в Малороссии и почему он так задержался. От Шнеерсонов пачка газетных листков, распухших, пожелтевших, перевязанных для надёжности бечёвкой, попала в конце концов к другим людям. Вот почему история не канула в реку времени, а выплыла по этой реке в будущее.

Циля так и не стала читать газеты, принесённые Шимеле. Зачем? Раз Шимеле говорит, что Арончик скоро вернётся, какое Циля дело, что там пишут в газетах? Циля не суёт нос в чужие дела, с неё довольно своих. Вот почему Циля собрала газеты в стопку, перетянула их крест-накрест бечёвкой и убрала в комод, где лежала скатерть и ещё разные другие нужные вещи. Что там Шимеле говорил про сорок тысяч, Циля не поняла. Главное – Арончик скоро вернётся, и пусть тогда сам разбирается со своими газетами и сорока тысячами. И ведь оказалась права! Арончик действительно скоро вернулся и со всем разобрался: достал из комода газеты, снял бечёвку, взял большие ножницы из того же комода, аккуратно – Арончик всегда был очень аккуратный! – вырезал то, что счёл нужным. Потом выбросил обрезки газет, а вырезки снова перевязал той самой бечёвкой и снова убрал в комод.

Как потом разошлись эти вырезки, сложно проследить – ведь они не раз переходили из рук в руки. Зато из оставшихся мы можем достоверно узнать, что же произошло с Арончиком в Киеве. Для простоты приведём тексты нескольких газетных вырезок, а читатель уж сам во всём разберётся. Тем более в своё время поступал таким образом и сам Арончик.

– Что же, по-вашему, случилось со мной в Киеве? – рассказывал он по возвращении. – Если вы думаете, что я украл козу или подрался на ярмарке, вы смотрите на жизнь через розовые очки или думаете, что живёте среди весёлой постановки. Арончик не крал и не дрался, он просто приехал в Киев, а уже через пару дней все киевские газеты, как стая воробьёв, затрещали один и тот же мотив.

Тут Арончик, любивший иногда говорить о себе в третьем лице, выкладывал перед слушателем свои вырезки. Слушатель превращался в читателя и уже не мог оторваться, не дочитав до конца. Но чтобы никого не утомлять и не отнимать драгоценного времени, мы приведём здесь тексты лишь нескольких вырезок. Впрочем, этого совершенно достаточно, потому что даже из этих текстов станет понятно: почему Аарон Шнеерсон оказался в киевской тюрьме и почему Шимеле – Семён Борисович – спрашивал у Циля про сорок тысяч.

Верхняя вырезка из шнеерсоновской пачки – она же самая маленькая – содержит следующее:

«Взялись за старое.

Не успели отгреть Виленское, Велижское, Кутаисское, Саратовское дела, как евреи снова взялись за старое. Им опять понадобилась кровь христианских младенцев для своих ритуальных обрядов. Давно известно, что евреи похищают христианских детей, чтобы забранную у них кровь добавлять в пасхальную мацу. История эта тянется давно: в средние века по всей Европе задерживались убийцы, отнимающие кровь у детей. Не раз они признавали свою вину, но, случилось, казнили их нераскаившимися. Что ж, тем хуже для них. Ужасно то, что и в наше время, в конце XIX века евреи продолжают свою гнусную практику.

Вот, например, недавно собралась в Киеве тёплая еврейская компания. Из Москвы даже прибыл некий Аарон Шнеерсон. Почему же не сиделось Шнеерсону в Москве? – спросите вы. Оказывается, что у него умерла тётушка, жившая в местечке неподалёку от Киева. И Шнеерсон явился на похороны старой почтенной тётушки. Не правда ли, какой благовидный предлог! Но возникает вопрос: отчего бы тогда Шнеерсону и всей его компании, насчитывавшей тринадцать (заметьте!) человек, не сидеть преспокойно в местечке у могилки новопреставленной тётушки? Для чего, спрашивается, вся эта компания разъезжала по Киеву, да ещё именно там, где были найдены следы преступления?

О! К самому преступлению мы ещё не раз вернёмся. А для начала хотелось бы обрисовать картину, на фоне которой оно совершалось.

Итак, тринадцать евреев, а ритуальный убой скота связан с тринадцатикратным испытанием ножа, явились в Киев на двух бричках. Один из них (не с миссией ли? И не с посланием?) прибыл из Москвы, все остальные – из местечка. В местечке у них умерла тётушка, бывшая, впрочем, для кого-то и бабушкой. Но вместо того, чтобы оплакивать усопшую, чтобы орошать слезами печали ещё не успевшую высохнуть землю на её могиле, они прикатили в Киев якобы за подарками в Москву и за угощением к Пасхе. Но неужели, ни в одном из еврейских местечек невозможно было найти угощения к Пасхе и какого-нибудь пряника, годного на то, чтобы отправиться в Первопрестольную в качестве гостинца? Но нет! Им подавай киевских конфет. Правда – о совпадении! – в те же дни и часы свершилось в Киеве страшное, чудовищное преступление, могущее стать подлинным объяснением прибытия в Киев еврейской компании. На склоне одного из киевских холмов было найдено тело девятилетней Наташи Харченко, дочери сапожника Юрия Харченко. Его жена, убитая горем мать, показывает, что девочка пропала в тот именно день, когда приехали в Киев евреи во главе с Аароном Шнеерсоном. Обстоятельства смерти Наташи Харченко указывают на то, что девочка стала жертвой страшного ритуала.

К счастью, убийцы, или пока подозреваемые в убийстве, не успели далеко уехать: все тринадцать вместе с бричками и лошадьми были задержаны киевской полицией. Проводится следственное дознание. И очень скоро мы, возможно, узнаем имена подлинных убийц христианской девочки».

Если рассматривать подряд газетную пачку Арончика, то этот рассказ, повторенный на все лады, можно встретить в нескольких вырезках. Жаль, однако, что на бумажных клочках не видно названий газет – ведь название обычно пишется сверху, а Арончик вырезал только статью. Поэтому и нельзя определить: писала ли то одна газета или разные.

Впрочем, среди похожих сообщений проглядывает наконец и что-то новое. Не будем приводить целиком вторую заметку – она сообщает примерно то же, что и первая, выпишем только эти слова:

«...Защищает господина Шнеерсона и всю его компанию – известнейший петербургский адвокат Чижиков, не проигравший за свою практику ни одного дела. За это, к слову, петербургские коллеги в шутку окрестили его “заговорённым”. Нам стало известно, что на оплату своих трудов господин Чижиков запросил сорок тысяч рублей, каковая сумма и была доставлена ему евреями. По одним сведениям, деньги прислала жена Шнеерсона, оставшаяся в Москве, где, по слухам, она ведёт крупное торговое дело. Но говорят также и о том, что евреи чуть не со всей России собрали необходимую сумму для защиты своего соплеменника...»

А вот теперь будет уместным привести два больших сообщения, которые внесут в это дело полную и окончательную ясность. Итак:

«Речь обвинителя на процессе по так называемому делу Шнеерсона.

Ввиду того, что речь, произнесённая прокурором, была довольно странна, редакция приводит её с небольшими сокращениями, никоим образом не искажающими её смысла и пафоса.

Господа присяжные заседатели! Дело, которое мы разбираем, стало известно всей стране. И не мудрено. Либеральная общественность по всей России объединилась против правосудия и требует незамедлительного освобождения якобы невинно пострадавших. Но обвинение располагает неопровержимыми доказательствами вины всех, находящихся ныне на скамье подсудимых. Факты, господа присяжные заседатели, факты – вещь неопоримая. Если нечего возразить против имеющихся фактов, то и разговора не получится. А если есть возражения, то представьте их, и мы с превеликим удовольствием, руководимые любовью к справедливости и законности, рассмотрим всё, что вы представите нам в опровержение. Но пока – увьи! – ничего, кроме огульных обвинений в реакционности и мракобесии представлено не было. Но что такое «мракобесие»? Кто это бесится во мраке? И что это за мрак такой, понуждающий пребывающих в нём к беснованию? Вот, о чём хотелось бы поговорить сперва.

Итак, несколько слов о мраке и бесновании. Немало, господа присяжные заседатели, уже говорилось и писалось о том, что существует в среде евреев секта, действительно употребляющая кровь в ритуальных целях. При том, что кровь эта должна быть непременно христианской. И в знаменитой записке Даля, и в книге Лютостанского, и в сочинении монаха Неофита недвусмысленно говорится о том, что секта существует и проводит свой ритуал. Следует помнить, что господин Даль провёл всестороннее исследование вопроса, даже, можно сказать, расследование. А ещё точнее – изучение. Что до Лютостанского и монаха Неофита, то эти двое, сами будучи в недавнем прошлом иудеями, знали, о чём говорили, не понаслышке. Да и тот факт, что в Отечестве нашем, простирающемся от Балтийского моря до Охотского, тела убиенных и замученных детей находят именно там, где дозволяется селиться евреям, говорит не в пользу скептиков и либералов.

Но мы совсем даже и не думаем посягать на весь еврейский народ. Мы лишь призываем признать, что хасиды, как самые невежественные из сектантов, отвергнувшиеся Ветхого Завета и держащиеся лишь Талмуда и разных раввинских сочинений, исказив то самое вероучение, что стало основой и началом христианства, выдумали, по дремучести своей, изуверский обряд. Тем самым они порочат всех вообще евреев, внушая к ним повсеместно ужас и отвращение.

И ладно бы речь шла только о России. Тогда наши западники всегда смогли бы попенять нам невежеством. Но спросите вы любой народ в Европе, в

той самой просвещённой Европе, перед которой преклоняются отечественные либералы, и он расскажет вам, этот народ, что за евреями всюду тянется слава мучителей христианских младенцев.

И всюду преступления похожи как две капли воды: дети замучены, обескровлены, тела их покрыты ссадинами или ранами. Но, как правило, чистые, словно обмытые, без пятен крови и на одежде. Стало быть, их сперва раздевают, мучают, после чего обмывают и снова, уже мёртвых, одевают. Как иначе, если не ритуалом, можно объяснить все эти странности? Да и притом странности, совершающиеся вблизи еврейских местечек и слободок. И так в разных странах на протяжении веков. Что же мы должны думать об этом? Пусть евреи или их либеральные защитники объяснят нам. Мы с готовностью выслушаем и, в случае убедительных доводов, немедленно прекратим свои наветы и преследования. А, пожалуй, что даже и извинимся. Но ничего вразумительного мы до сих пор так и не услышали.

Вот и в нашем деле появление евреев объясняет смерть Наташи Харченко. В то время как нам пытаются внушить, будто ребёнок взял да и умер сам по себе на улице. Будто здоровый ребёнок может так просто перестать жить! Свидетели дружно показывают, что видели проезжающих в двух бричках евреев по Нагорной улице со стороны улицы Татарской. Свидетели Вера Шкраба и Оксана Кандыба утверждают также, что видели, как евреи разговаривали с Наташей. Брички остановились, один из евреев сошёл и, приблизившись к Наташе, о чём-то с ней говорил. Даже сами обвиняемые не отрицают факта разговора с девочкой, основанного якобы на уточнении некоего адреса. Как будто на всей улице не к кому было обратиться, кроме как к девятилетнему ребёнку! На это обвиняемые отвечают, что и в самом деле на тот момент они более никого на Нагорной улице не заметили. Конечно, можно допустить, что именно так всё и было, тем более что свидетели Шкраба и Кандыба видели разговор Наташи с евреями каждая из своего окна. Но тогда получается, что евреи были последними, кто видел Наташу Харченко живой. И не просто видел, но и говорил с ней. А это уже серьёзный повод задуматься и взглянуть на евреев с подозрением. Но только этим дело не ограничивается. Следующие свидетели, видевшие евреев мчавшимися на бричках по Кирилловской улице уже после пересечения с улицей Оболонской, да притом видевшими уже не из окон, а в непосредственной близости, утверждают, что слышали странные звуки, похожие на детский плач или стон, доносившиеся из второй брички. То есть именно из той брички, откуда на Нагорной улице сошёл один из евреев для разговора с Наташей.

Итак, после разговора с тем самым евреем – Ицхаком Белкиным – Наташу никто не видел живой. Нашли её спустя два дня на спуске между Нагорной и Кирилловской улицами. Примечательно, что тело её лежало не на дороге, а в лесу. На теле её – в частности, на шее и обеих запястьях – обнаружены раны, происхождение которых так и осталось до конца не выясненным. Но, учитывая встречу с евреями и то тёмное пятно, которое лежит на евреях в отношении христианских младенцев и отроков, а также и близость еврейской Пасхи, многое становится понятным и отчётливым. Евреи похитили Наташу, совершили над ней свой обряд, после чего привезли её тело в уже знакомый для себя лес – ведь именно здесь они спускались с Нагорной улицы на Кирилловскую – и оставили. Стоит, правда, отметить, что поскольку тело пролежало в лесу два дня, то нельзя с уверенностью утверждать, была ли девочка раздета, обмыта и снова одета. Во всяком случае, одежда на трупе

была запачкана как землёй, так и кровью. Между тем известно, что девочка разговаривала с евреями на Нагорной улице, после чего евреи свернули на Кирилловскую улицу. А следом туда отправилась и Наташа. Больше Наташу никто не видел живой. Следовательно, её смерть могла наступить и на спуске между Нагорной и Кирилловской улицами. Да притом вскоре после того, как туда свернули евреи. Следует особо отметить, что этот спуск – место довольно глухое, окружённое лесом. Очень подходящее место для совершения преступлений.

Конечно, на следствии евреи всё отрицали и запирались. Но в то же самое время один из них – Элизер Гольд – на вопрос: подтверждает ли он похищение Наташи Харченко и совершение над ней религиозного ритуала по отъятию крови, – отвечает (цитирую): “Как Арончик и Пиня скажут, так и есть”. И в другой раз: “Если Арончик и Пиня показали, значит, так и было”. Такие показания с полным правом можно считать признательными. И лишь страх перед своими поделельниками удержал Гольда от совершенного признания вины.

Но как бы ни упирались подсудимые, факты говорят о совершении ими преступления.

В этом деле мало свидетелей, господа присяжные заседатели. Можно сказать, что картина преступления не цветистая. Скорее, это не картина, а набросок или рисунок карандашом. Вот пустая, залитая весенним солнцем улица на окраине Киева. По улице идёт девочка. Вот мимо проезжают две брички и останавливаются впереди. В бричках едут евреи в количестве тринадцати человек. Обратите внимание, что тринадцать – это сакральное число для иудеев. Так вот, из второй брички выходит один еврей и обращается к девочке. После чего евреи уезжают, а девочка идёт следом за бричками, и уж никто больше не видит её живой. Через два дня мёртвая, израненная девочка найдена неподалёку от места встречи с евреями и чуть в стороне от того спуска, по которому сначала евреи, а потом и сама Наташа свернули с Нагорной улицы на Кирилловскую. Но, господа присяжные заседатели, если бы не мракобесие, если бы не беснование тёмного и невежественного народа во мраке предрассудков, никто бы и не подумал обвинять этих людей. Но поскольку их соплеменники и единоверцы уже давно известны своими заблуждениями и приверженностью к жестоким ритуалам, нельзя не рассматривать их участия в совершённом злодеянии. Нельзя так просто взять и отмахнуться от вины этих людей в иначе необъяснимом происшествии. Тем более никого, кроме них, поблизости не было, и никаких человеческих следов рядом с телом Наташи Харченко обнаружено не было. Зато свидетельница Андреева с Кирилловской улицы слышала из еврейской брички звуки, похожие на плач ребёнка.

Итак, все линии сходятся в одной точке: совершено ритуальное убийство накануне еврейского праздника.

Так что же мы назовём мракобесием, господа присяжные заседатели? Ужас перед дикими обычаями или сами эти обычаи? Желание разобраться во всём, искоренить дикость и наказать злодеев, покусившихся на дитё, или сопливый гуманизм и стремление понравиться за границе, которой дела нет до наших детей и до нравов народов, населяющих наше Отечество. На эти вопросы предстоит ответить вам, господа присяжные заседатели.

Следующая большая вырезка происходит из другой газеты, что видно по шрифтам. Очевидно, Арончик хотел разнообразить свою газетную коллекцию

и приложил к разным изданиям. «Другая газета» ничего не сообщила о том, что печатает речь защитника в сокращении. А потому у нас есть все основания рассчитывать, что сказанное небезызвестным нам адвокатом Чижиковым не подверглось цензуре и редакционным купюрам. В заголовке читаем только: «Речь защитника на процессе по делу Наташи Харченко». И никаких тебе «сокращений, не искажающих смысла и пафоса». Тут же размещена и сама речь:

«Господа присяжные заседатели! В прошлом году накануне еврейской Пасхи, а, стало быть, незадолго до Пасхи христианской в Киеве пропала девятилетняя Наташа Харченко. Через два дня девочку нашли мёртвой. Как только началось разбирательство, тут же выяснилось, что в тот же день, когда девочка исчезла, неподалёку от неё на улице Нагорной останавливались две брички, в которых ехали евреи. Этих евреев очень быстро разыскали, тем более что они и не думали скрываться, и привлекли к следственному дознанию. Причём один из них, облюбованный газетчиками в качестве главаря банды ритуальных убийц, приезжал из Москвы на похороны тётушки и уже собирался домой, чтобы встретить праздник в кругу семьи, как вдруг был задержан по подозрению вместе с остальными сородичами. Но хочу обратить ваше внимание, господа присяжные заседатели: не то, что решения суда, нет и не было прямых доказательств виновности евреев в рассматриваемом нами убийстве. Все доказательства сводятся к постыдному непрофессионализму своим вопросу: “А кто же ещё?” Да ещё к не менее постыдному заблуждению о совершении преступлений из ритуальных и мистических побуждений.

И всё это время, господа присяжные заседатели, задержанные, истомлённые неволей и допросами, могли надеяться на Господа Бога и на вас, на вашу справедливость, ваше великодушие и нелицеприятие. Вы уже успели довольно изучить дело, чтобы наконец вынести именно справедливое по нему решение, чтобы, если и не назвать виноватых, то хотя бы указать на невинных, открыть данной вам властью затворы узилища и доказать, что отечественное правосудие ничего общего не имеет с судом инквизиции и средневековым судилищем.

Дело, которое рассматривается сегодня, весьма необычное дело. Свидетелей происшедшего мало. А тех, кто видел бы обвиняемых и пострадавшую близко или говорил с ними, и вовсе нет. Приходится отталкиваться от домыслов и приблизительных свидетельств. И это притом, что дело стало известно всей России, вся Россия ждёт вашего справедливого, непредвзятого решения, необходимого равно для её репутации и будущего населяющего её еврейства. Потому что еврейство российское – такие же подданные Государя, как и другие народы, а становится жертвами суеверий и племенной резни не должен ни один народ в нашем Отечестве. О том, что в настоящем деле мы столкнулись именно с дикими суевериями, я и расскажу сейчас со всеми подробностями.

Дело действительно скудное фактами, но работа, надо признать, проведена была добросовестная. Тщательно осмотрена улица, по которой передвигалась пешком Наташа и проезжали евреи; осмотрено место, где нашли тело Наташи. Дважды проводилась судебно-медицинская экспертиза: до похорон и после, когда погребённое уже тело вновь потревожили. По Кирилловской улице в жилой её части ездили взад-вперёд на бричках, возили детей, гусей и даже козлов, которые всяк по-своему издавали громкие звуки. И всё для того, чтобы понять: что именно и как могли слышать свидетели в тот злополучный день. Опросили всю улицу Нагорную и всю Кирилловскую, выяснили всё до мельчайших подробностей. Но укрепить обвинение фактами так и не смогли.

Все свидетели дружно показывают, что видели Наташу Харченко, проходившую по улице Нагорной. Кроме того, все видели, что в руках у неё была булка или пирог и что на ходу она откусывала от своего лакомства. Кстати, замечу, что возле мёртвой Наташи не было ничего съестного. Все свидетели подтверждают, что евреи проезжали на двух бричках. Да и сами евреи не отказываются от того, что действительно ехали из своего местечка в Киев, что проезжали Нагорную улицу и даже что останавливались в раздумье и обращались с вопросом к проходившей девочке. Кроме того, евреи подтверждают, и показания их сходятся, что в одной из бричек они везли гусей. А между тем Татьяна Андреева показала, что, находясь у себя во дворе на Кирилловской улице, слышала из проезжавшей мимо брички евреев детский плач, но самого ребёнка не видела. Но о ребёнке она подумала после, когда стало известно о смерти Наташи. А когда мимо проехали евреи, Андреева ничего подозрительного не заметила и вскоре ушла в дом и других сведений по интересующему нас делу представить не смогла.

Дом Андреевой находится на Кирилловской улице. А это значит, что евреи должны были схватить Наташу и затолкать в бричку или же заманить её туда обманом где-то на спуске. Между тем свидетельница Кондыба, живущая на углу Нагорной улицы и того самого спуска, ведущего к улице Кирилловской, утверждает, что видела проезжавших в бричках евреев в десять часов. Время она запомнила, потому что пока смотрела на евреев в окно, её собственные часы отбили десять ударов. Евреи утверждают, что ехали на Кирилловскую улицу с целью повидать своего родственника, некоего Мордехая Шнеерсона, служащего на пивоваренном заводе Термена. Мордехай подтвердил встречу с родственниками, нашлись тому и другие свидетели. При этом Мордехай, не зная о показаниях свидетельницы Кондыбы, рассказал, что сородичи прибыли к нему «около десяти – в начале одиннадцатого». Учитывая, что протяжённость спуска между Нагорной и Кирилловской улицами составляет чуть меньше версты и, несмотря на то, что сам спуск являет собой дорогу неровную и петляющую, можно сделать вывод, что преодолеть его евреи в бричках смогли бы минут за пять. Но если бы им пришлось возиться с Наташей или хотя бы ждать её на спуске – ведь она шла позади бричек, то время это, несомненно, растянулось бы.

Нам представляется странным, что обвинение не учитывает свидетельские показания Мордехая Шнеерсона, считая его, очевидно, заинтересованным лицом. И между тем, Мордехай указал и на время прибытия сородичей к пивоваренному заводу на Кирилловской улице, и время их пребывания у него в гостях, он показал также, что в первой бричке ехали ещё два гуся, что косвенно подтвердит потом свидетельница Андреева. И ничем не выдал Мордехай своей осведомлённости о наличии в бричках девочки.

Мордехай показал, что приехавшие евреи пробыли у него около часа. И одновременно с этим свидетельница Андреева, живущая дальше по Кирилловской улице, утверждает, что евреи проезжали мимо её дома «до полудня, может, в половине двенадцатого». То есть если брички в десять проехали по Нагорной, в начале одиннадцатого прибыли к заводу, затем евреи около часа пробыли с Мордехаем, после чего отправились вдоль по Кирилловской улице, где около полудня их видела Андреева, то времени на ритуальные действия у них попросту не было. Если же допустить, что они всё это время возили девочку живой, потом где-то исполнили свой ритуал, потом вернулись к спуску между Нагорной и Кирилловской улицами, то выходит какая-то ерунда.

Слишком это всё сложно, запутано, к тому же, никто не видел, как они возвращались. И само собой, никто не видел, как они совершали этот ритуал. Никто также не видел, чтобы Наташа садилась в бричку. Никто не видел, как она ехала в бричке. Никто вообще ничего не видел. Всё, о чём говорит обвинение – всё это вымысел или домысел.

Когда же во время эксперимента мимо дома Андреевой проезжали брички, откуда попеременно доносились голоса детей, гусей, козлов, свидетельница так ни разу и не смогла сказать наверняка, что именно она слышит. Когда мимо проезжала бричка с гогочущими гусями, то на вопрос, слышала ли она нечто похожее из брички евреев, Андреева отвечала, что, пожалуй, слышала то же самое. Так же она говорила о детских криках и бляении козлов. Всё это лишь подтверждает, что на показания Андреевой, по звуку якобы определившей, что в бричке мимо неё провезли похищенную девочку, нельзя опираться.

Напротив, Андреева лишь подтвердила косвенно показания евреев о гусях и отвела подозрения в похищении девочки. Никто до сих пор так и не смог подтвердить, что девочка была похищена.

Характерно и то, что свидетели, все как один, не сомневаются в виновности евреев. А на расспросы, почему именно не сомневаются, выражают удивление и объясняют, что больше некому. И что раз евреи проезжали мимо девочки и даже разговаривали с ней, после чего девочка пропала, значит, евреи девочку и похитили и умертвили, потому что скоро еврейская Пасха. Мне грустно указывать на это, но линия обвинения выстроена на том же фундаменте.

Но средневековый аргумент «а кто же ещё» не может рассматриваться судом присяжных цивилизованного государства в качестве аргумента обвинения. Между тем это именно обвинение настояло на повторной экспертизе, стремясь доказать, что Наташа умерла от потери крови и что будто бы первичная экспертиза отнеслась к этому обстоятельству без должного внимания. Что ж, тело было вторично обследовано и вторично было подтверждено, что смерть наступила не в результате потери крови. И это несмотря на то, что на теле действительно имелись рваные раны: на шее, обоих запястьях и у левой щиколотки. Что касается одежды, она была запачкана кровью и землёй. Это отметило следствие при первом же осмотре.

Хочу обратить ваше внимание, господа присяжные заседатели, что после встречи с евреями Наташу никто не видел. Недалеко от места этой встречи и находится тот самый спуск на Кирилловскую улицу. Именно там, на спуске, но в стороне от дороги, и было найдено тело Наташи. Да, смерть девочки остаётся загадочной, но на этом основании, да ещё на том, что больше, мол, некому, нельзя, господа присяжные заседатели, обвинять людей в страшном преступлении. Существенно и то, что к месту, где лежало тело, нельзя подъехать на бричке. Поэтому для того, чтобы оставить замученного ребёнка там, где его позже нашли, евреям пришлось бы нести труп на себе или ехать верхом. Но никаких подобных следов рядом с трупом найдено не было. Не проще ли предположить, что Наташа сама пришла туда, где суждено ей было погибнуть? Известно, что на склонах спуска обнаружены пещеры, и дети в поисках приключений охотно приходят на них посмотреть. Но при чём же тут ритуальные убийства?

Кроме того, евреи ехали впереди Наташи и откуда они могли знать, что она свернёт следом за ними на спуск? Если предположить, что Ицхак Белкин,

разговаривавший с Наташей, научил её идти следом за бричками, то опять же встаёт вопрос: а ну как Наташа не пошла бы за евреями? Тогда бы им пришлось долго ждать на спуске, потом, убедившись, что девочка не придёт, искать себе новую жертву, как того якобы требует ритуал. Притом, что показания Мордехая Шнеерсона подтверждают, что евреи не задерживались на спуске, а ехали по нему галопом.

Но если бы евреи действительно умучили девочку, то не проще ли было бы отвезти её подальше, в безлюдное место, да там и оставить? Да и где бы они могли её умучить? Ведь, судя по описаниям, на которые ссылается обвинение, ритуал довольно продолжителен и обстоятелен. Для его проведения требуется место и время. Но где же эта фабрика магических услуг? Где орудия преступления? Где хоть одна фактическая улика, указывающая на то, что перед нами именно ритуальное убийство?

Господа присяжные заседатели, позволю себе напомнить, что в мою задачу не входит сбор улики, мне не приходится производить дознание или давать объяснения происходящему. Моя задача – защита обвиняемых. Я должен либо убедить суд присяжных в необходимости снисхождения к обвиняемым, либо доказать невиновность тех, кто сидит на скамье подсудимых. В настоящем деле передо мной стоит ещё одна задача: продемонстрировать нелепость и надуманность обвинения. Ознакомившись с делом, я пришёл к выводу: ребёнок погиб по стечению обстоятельств. И дело даже не в том, что мои подзащитные не имеют никакого отношения к убийству, а в том, что убийства никакого не было. Перед обвинением впору снять шляпу: из несчастного случая раздуто дело о ритуальном убийстве, поднята шумиха на всю империю. И каково же будет разочарование всех, следящих за этим делом и негодующих по поводу гибели ребёнка, когда станет известным, а это обязательно станет известным, что не просто ритуального, а вообще никакого убийства не было. Данные, которыми располагает следствие, позволяют сделать именно такие выводы. И пусть это только предположение; так сказать, версия защиты, но эта версия куда как более убедительна, нежели версия обвинения.

Итак, солнечным весенним днём Наташа Харченко отправляется на прогулку. Вот она идёт по Нагорной улице с большой белой булкой в руке. Вероятно, она понемногу откусывает от своей булки и не спеша продвигается вперёд, наслаждаясь весенним солнышком. Прохожих в этот час на улице нет. Зато мимо Наташи проезжают две брички, набитые евреями, прибывшими в Киев из местечка ради покупок к празднику и даже в большей степени ради покупок подарков в Москву. Обогнав Наташу, брички останавливаются. Из второй брички выходит молодой мужчина и направляется к девочке. Задаёт ей простой вопрос, получает ответ, после чего возвращается к бричке, и евреи уезжают. А Наташа продолжает идти своей дорогой. Сначала она идёт по Нагорной улице, затем сворачивает на спуск к Кирилловской улице. Здесь на подоле раскинулся самый настоящий лес. На кустах и деревьях уже появились почки, среди бурой прошлогодней листвы пробиваются первые маленькие цветы. Но главное – здесь знаменитые пещеры, манящие ребятню уже давно. И нет ничего удивительного, что девочка захотела посмотреть на цветы или заглянуть в пещеры, для чего и сошла с дороги. Но именно здесь и постигло её какое-то несчастье. Что же это могло быть за несчастье?

Вспомним, господа присяжные заседатели, что Наташа держала в руках булку. Но когда было найдено тело, никакой булки рядом с ним не оказалось. Небольшое количество этой злосчастной булки нашли в желудке Наташи. Но

основная часть просто пропала без вести. Отметим, однако, что вокруг тела Наташи были найдены во множестве собачьи следы. Следствие так и объяснило отсутствие булки рядом с трупом: её съели собаки. Но что если собаки, от которых порой приходится отбиваться палкой, стали причиной не только исчезновения булки, но и гибели ребёнка? Ведь на теле найдены рваные раны. Что если это собаки напали на девочку: схватили за ногу (рана на щиколотке), отняли булку, вцепившись в руки (раны на запястьях), и наконец впились в шею? Девочка могла упасть, потерять сознание и, пролежав на холодной земле, умереть от переохлаждения. Много ли нужно слабому детскому организму? Тем более, как показала мать Наташи Харченко, не так давно девочка перенесла тяжёлую лихорадку и даже была несколько дней в бесспамятстве. Оправившись, она первый раз за много дней вышла на свежий воздух. И вот, совсем ещё слабая, она, как всякий выздоравливающий человек и как всякий ребёнок, радуется первым цветочкам и солнышку, но вдруг подвергается нападению одичавших животных, позарившихся на белую булку. Слабая, не в силах противостоять голодной своре, она падает в обморок и уже не может оправиться. Конечно, собаки могли бы съесть не только булочку, но и девочку. Но, вполне возможно, что-то отвлекло или спугнуло этих хищников. А Наташа осталась лежать на холодной земле. Страх, раны и холод взяли своё – ребёнок умер, не приходя, возможно, в сознание. Собаки же, сделав чёрное своё дело, отправились дальше промышлять еду, и где они сейчас, никто не знает. Но при чём же тут, скажите, евреи?

Теперь о крови и ранах. Оба раза врачи, проводившие экспертизу, подтвердили, что раны были рваными, а не резаными или колотыми. Что смерть наступила не от потери крови. Но в таком случае, как и для чего могли евреи замучить девочку до смерти?

Господа присяжные заседатели, вам, без сомнения, известна история вопроса. Я имею в виду обвинения против евреев в употреблении ими христианской крови. Принято думать, что ещё при императоре Константине были случаи, когда иудеи распинали христианских младенцев. А сколько раз в Европе обвинялись евреи в отъятии крови у христианских детей! На Рейне сохранилась даже часовня с мощами якобы замученного евреями младенца. До недавнего времени выносились по всей Европе приговоры евреям. Но можно ли до конца доверять этим приговорам и обвинениям? И не пытались ли евреев, бывших всегда на подозрении, только использовать, чтобы переложить вину? Ведь гораздо проще, нежели искать настоящих убийц, взвалить всё на евреев, как на всеми не любимый и притесняемый народ.

И вот евреев, под пытками готовых сознаться в убийстве хоть собственных детей, казнят, сжигают, изгоняют. А слава о них как о мучителях христианских младенцев идёт во все концы земли. Но просвещение принесло долгожданные плоды, и постепенно подобные обвинения прекратились в Европе. То, что Талмуд вообще запрещает употребление крови, стало известно многим.

И в то самое время, как отношение к евреям в Европе стало постепенно меняться на цивилизованное, у нас вдруг объявился некто Лютостанский, бывший то раввином, то ксёндзом, то православным иеромонахом, расстригшимся, наконец, и надевшим светское платье. Сразу зададимся вопросом: можно ли доверять в вопросах веры человеку, менявшим свою веру несколько раз на протяжении жизни?

Но кроме своего непостоянства господин Лютостанский известен ещё и путанным сочинением, написанным им против своих бывших единоверцев в

угоду очередным. Обвинитель, обращавшийся в своей речи к хасидам, пользовался, очевидно, сочинением господина Лютостанского. Потому что и господин Лютостанский утверждает, что обычай употребления крови восходит к талмудистам-сектантам. Но как в таком случае быть с теми делами, что заводились против евреев в средние века? Ведь секты хасидов тогда ещё не существовало. Не следует ли признать эти дела сфабрированными, а большинство обвинений ложными?

Секта хасидов, на которую ссылался обвинитель, возникла в восемнадцатом столетии. Поэтому все утверждения, что ритуальные убийства совершают хасиды, наталкиваются, как на каменную стену, на вопрос: кто же тогда совершал их до появления секты? И если до появления хасидов обвинения против евреев были ложными, кто может поручиться, что после возникновения секты можно быть уверенным в правомерности и правдивости обвинений?

Обвинение также ссылается на велижское, саратовское, кутаисское и прочие дела, аналогичные разбираемому ныне. Но тут же умалчивает о том, чем заканчивались эти дела. Например, по велижскому и кутаисскому делам было признано, что все показания нельзя принять в качестве судебных доказательств – так они путаны и бестолковы.

И если, как, например, в саратовском деле, доноситель и сам оказался преступником, то наше дело уж настолько далеко от каких-то интриг, что нарочитость его очевидна даже при беглом взгляде. Однако вместо того, чтобы противостоять суевериям и невежеству, обвинение только их поощряет, опираясь на доказательства вроде “если не еврей, то кто же ещё”.

В делах, подобных нашему, в свидетели обычно призываются упомянутый уже Лютостанский, монах Неофит, сумасшедший Серафимович – компания более чем странная и несерьёзная. Всё это еврей-выкресты, бывшие раввины и, скорее всего, люди не вполне уравновешенные и нормальные. Серафимович рассказывает о себе, что и сам, будучи раввином, закалывал детей, у которых собирал кровь, белую как молоко. Судите сами, господа присяжные заседатели, можно ли верить подобным рассказам. А в 1877 г. господин Лютостанский обращался к московскому раввину и заявлял, что откажется от издания своей книги «Об употреблении евреями талмудистами-сектаторами христианской крови». Но откажется в обмен на пятьсот рублей. Шантажиста прогнали, и книга увидела свет. Но мы хотим знать: можно ли опираться на труд шантажиста, как на достоверный источник? Ответом господину Лютостанскому стал труд московского раввина Минора, посвящённый другому сочинению Лютостанского – «Талмуд и евреи». Труд прямой, честный и разоблачительный.

Люди, меняющие веру как перчатки, возводящие страшные и ничем не доказанные обвинения на вчерашних единоверцев, обвинения, основанные на диких фантазиях, не должны становиться для нас моральными авторитетами.

Господа присяжные заседатели! Перед вами сегодня стоит непростая задача. Одно дело – это оправдать невинных, и уже другое – покончить наконец с суеверием, с глупым обманом, превращающим Россию в рассадник мракобесия. Да, да! И я не побоюсь этого слова даже после всех языковедческих экзерсисов, предпринятых обвинением. Мрак невежества, скудоумия и бескультурия должен быть рассеян. И как можно скорее. Лжецам, провокаторам и сеятелям розни должен быть дан немедленный отпор. Всё это сегодня

в ваших руках, господа присяжные заседатели. На вас устремлены глаза народов России, ожидающих приговора как ответа на вопрос: останемся мы и дальше тёмным царством любителей суеверий и бабьих сплетен, или же просвещение укажет нам новую дорогу, широкую и светлую, ведущую к новой жизни, к царству разума и здравого смысла».

В конце шнеерсоновской пачки собраны несколько небольших заметок, в тех или иных выражениях сообщающих следующее:

«И вот наконец наступил день, когда присяжные должны огласить свой приговор. Два ответа на два вопроса включает вердикт присяжных.

Два вопроса и два ответа, от которых зависит жизнь тринадцати человек. Вся страна от Варшавы до Камчатки ждёт этих ответов. Но больше всех, конечно, волнуется Киев, невольный ставший ареной столкновения мировоззрений. Кто-то, пребывая в плену суеверий, ждёт расправы над евреями. А кто-то, напротив, призывает здравый смысл. Площади Киева запружены народом, словно в великий праздник. Церковь, обращаясь к народу, просит о спокойствии. Полиция просит разойтись, но никто не хочет подчиняться. И вдруг по улицам разносится: “Оправданы! Оправданы!” Неопишное волнение и поистине праздничная радость охватывают город. Собираются группы и говорят, говорят... Как будто тринадцать судимых евреев стали враз родными всему городу.

Два вопроса и два отрицательных ответа, дважды повторенное слово “нет” спасло тринадцать жизней и вызвало ликование. Доказано ли, что убийство Наташи Харченко имело ритуальный характер? Нет, не доказано. Доказана ли вина подсудимых? Нет, не доказана. И последние слова председателя: “Вы свободны, можете занять места среди публики”. Ликуй, Исая! Торжествуй, правда!»

Конечно, Исая тут совершенно не при чём. Просто, наверное, вспомнивший пророка не сумел иначе выразить своего восторга. Но дело совсем даже не в Исая. Да и не имеем мы такого намерения пересказывать и тем более переписывать все заметки и статьи, все речи и рассуждения, оставшиеся после Арончика. Достаточно просто ознакомиться с несколькими вырезками, чтобы отчётливо представить себе: что там случилось в Киеве и что довелось пережить Арончику в компании сродственников.

Можно представить себе и чувства, с которыми он наконец-то вернулся домой. И что бы вы думали? Поспел-таки к самой Пасхе. Правда, с опозданием на год. Но на это сам Арончик сказал, что мог бы опоздать и на два года, а мог бы – и на десять. А поскольку год – это лучше чем десять, то надо радоваться. На что Циля только покачала головой и заявила, что хоть год и лучше, чем десять, но это ещё не повод опаздывать и сидеть по тюрьмам. И что еврею лучше сидеть дома, потому что суббот и праздников много, а кто же даст отмечать их в Киеве. А раз уж в Киеве сажают еврея в тюрьму только за то, что он проехал в бричке по какой-то там улице, то и нечего делать в этом городе. С этим Арончик был вынужден согласиться, тем более что он просто не мог вспоминать без дрожи о Киеве.

Зато многие вскоре забыли о деле Арончика. В газетной пачке больше нет ничего, потому что после того, как Арончик вернулся домой из Киева, где на него хотели повесить киевских собак, о нём тут же перестали писать. Sic transit gloria mundi. Вчера о человеке шумели все газеты, а сегодня никто и не вспомнит его имени. Но Арончик был неглупым малым и, скорее, обрадовался такой забывчивости.

Но если вы думаете, что с возвращением Арончика история заканчивается, вы ошибаетесь. Вы, как сказал бы Арончик, попросту не знаете жизни. А жизнь – эта такая перенаселённая квартира, что подвох может случиться в любую минуту там, где его совсем не ждёшь. Впрочем, в случае со Шнеерсонами едва ли можно говорить о подвохе. Даже Шимеле – Семён Борисович – предупреждал Цилю. Но Циле и Арончику было угодно называть это подвохом. Что ж, это их право. Словом, однажды...

***

Однажды в самый праздник Судного дня, когда еврею непременно нужно быть в синагоге, а синагогу в Москве закрыли, так что евреи метались в поисках молельни, Арончик, а следом за ним и Циля отправились на Бронную, где на праздник открыл свою молельню Поляков. И было не по себе в тот день Циле. Что-то давило, томило и не хотело отпускать. Но Циля не связывала это с праздником. Она вообще это ни с чем не связывала. Просто казалось ей, будто кто-то дёргает за кончик души, не оставляя в покое. Будто щиплет кто-то за самое сердце, отчего сердце ноет и бьётся чаще. И только когда вернулись домой, поняла Циля, отчего ныло и билось сердце. Едва только отперли они дверь, как замерли на пороге, потому что уже с порога недавно оставленное жилище показалось им преображённым.

Окно в первой комнате слева от входа было распахнуто. Занавеска, некогда отличавшаяся своей белизной, плавала в воздушных потоках, то и дело врывавшихся в комнату, как медуза в южных водах. Стул, вместо того чтобы стоять на четырёх ногах, лежал на боку. Дверцы буфета были распахнуты, как ещё не остывшие объятия, а то, что недавно называлось чашками, рассеялось по полу в совершенно разрозненном, если не сказать развеществлённом виде. Тут же среди осколков лежали остатки маленького сундучка, деревянного ковчежца, стоявшего прежде в тёмных и душных недрах буфета и хранившего в утробе своей под замком несколько сотен рублей, составлявших не то костяк знаменитой шнеерсоновской кассы, не то многолетние накопления семейства. Тот, кто покусился на ковчежец, очевидно, хотел удостовериться, что его содержимое составляют не пряники, для чего и свернул крышку, как голову предназначенному в суп цыплёнку.

Грабитель, видимо, торопился и ни к чему более не прикоснулся. Так что из следующей комнаты смотрел на хозяев тяжёлый крашенный комод с облупившейся на углах краской. Казалось, что он, нетронутый и неосквернённый, высится над хаосом, как Арарат во дни потопа.

Но Циля, блуждавшая взглядом по черепкам, осколкам и щепкам, вдруг поняла, что не вид разорения поразил и ужаснул её. Гораздо более страшной была тишина, простирившаяся по комнатам. Дома оставался дедушка с Элей – семилетним сыном Шнеерсонов – но Эля не мог молчать, услышав, что родители воротились.

И Циля, сорвавшись с места, бросилась в комнату с комодом, а оттуда – направо, в третью комнату, где спали дети и дедушка. Дедушка и сейчас дремал. И, как выяснилось позже, не слышал ни единого звука, пока в квартире бились чашки и вскрывался ковчежец. Но Эля...

– Циля, сердце, он найдётся, кому нужно это сокровище, – пытался успокоить Цилю Арончик. Но это было напрасно.

Она перевернула в доме всё, что ещё можно было перевернуть. Она обегала всех соседей, заглянула под каждый куст и в каждую яму в округе. Бесплезно. Эля не находился.

Арончик и сам начинал волноваться, но постоянно повторял про себя: тому, кто пришёл за кассой, ни к чему худосочный еврейский ребёнок. Он пробовал объяснить это Циле, но та лишь воскликнула в ответ:

– Что ты можешь знать?.. Боже мой, что ты можешь знать!.. Когда в семью приходит беда, ты прячешься в тюрьме. Потом появляешься и даёшь мне советы!..

Вечером, сидя за столом на водружённом на место стуле, Циля плакала, когда дверь вдруг отворилась, и на пороге возник Эля.

– Где ты был?! – воскликнуло разом всё семейство Шнеерсонов. А Циля, услышав ответ, разрыдалась ещё громче.

– Я? – испугался Эля, недоумевавший, почему его отсутствие вызвало прилив горя и, на всякий случай, приготовившийся к взбучке.

– Где мы были – мы знаем, – сказал Арончик. – А теперь хотели бы знать, где был ты.

– Я... здесь... недалеко... – забормотал ничего не понимающий Эля.

– А что ты там делал? – не унимался Арончик, а Циля плакала.

– Кто? Я?

– Что мы делали – мы и так знаем. А теперь хотим знать, что делал ты.

– А что я такого мог делать?

– Вот и расскажи нам, что ты такого мог делать.

– Кто? Я?..

Конечно, этот разговор мог бы продолжаться несколько дней, если бы Арончик не придвинулся вплотную к Эле и, нависнув над ним как коршун над цыплёнком, объявил громовым голосом:

– Отвечай, где ты был, а не то...

На что Циля вскричала:

– Что ты делаешь с ребёнком, каторжанин!

Но несмотря на материнскую защиту, вконец обескураженный Эля забормотал обрывки фраз, из которых можно было заключить, что вскоре после ухода старших Эля с одним своим приятелем – русским мальчиком – посетили театр «Скоморох» на Сретенском бульваре, после чего отправились в цирк на другой бульвар.

В иное время его отсутствие не привлекло бы к себе столько внимания. Но тот день был для Шнеерсонов особым. И Циля, выслушав рассказ тяготевшего к сценическим искусствам сына, заломила руки.

– Азохн вей! Чтоб у всех моих врагов были такие дети!.. И такой муж...

Сказав это, Циля отправилась в кухню, утирая на ходу глаза.

– Какие у неё враги? – поинтересовалась тринадцатилетняя Бэлка.

– Настасья, – подсказал Эля, убедившийся, что взбучки не будет.

***

А деньги, те несколько сотен из шнеерсоновской кассы, так и не нашлись. Не заявлять же, в самом деле, в полицию! Не зря же говорят евреи друг другу: упаси вас Бог от частного пристава и прочих несчастий.

На вора, правда, указали: зашла Голда, жена старьевщика, и тихо-тихо прошептала на ухо Циле, что Гнеся, жена резника из Зарядья, слышала от Енты, жены скорняка, что деньги у Шнеерсонов украл Шепсл. Да, да, тот самый Шепсл – бездельник и пьяница. Вот он прослышал, что у Шнеерсонов столько денег, что они нанимают в Петербурге адвокатов, и решил поживиться.

– Говорят, на ваши деньги он уехал в Америку, – горячо шептала Голда, так что даже ухо у Цили горело.

Но услышав про тысячи, Циля отняла ухо и для верности отскочила от Голды.

– Тысячи?.. «Тысячи» ты говоришь, Голда?.. Да у моего Арончика волос на голове больше, чем там было тысяч!..

Голда, правда, так и не поверила Циле, хотя через день объявился и Шепсл – такой же пьяный и оборванный как обычно. Очевидно, его Америка простиралась где-то в районе Хитровки. Встретив его на улице, Циля так посмотрела на Шепсла, что по законам метафизики, он должен был бы провалиться сквозь землю или стать кучкой пепла. Но ничего этого не случилось. Более того, Шепсл ничем не выдал своей причастности к исчезновению кассы и запел, обращаясь к Циле, какую-то русскую песню, вынесенную им, видно, из той самой Америки.

– Бездельник! – сказала в ответ Циля. – Вор! Пусть тебя в аду бьют железными прутьями! Пусть тебе мои деньги поперёк нутра встанут.

Сказала и пошла дальше. Пьяный Шепсл остановился и выпучил вслед Циле глаза.

– Чтоб тебе навечно тошно сделалось! Чтоб и память о тебе истёрлась! – объявила в следующий раз Циля, проходя с большой корзиной мимо Шепсла.

– Оставь его, Циля, – говорил Арончик, когда спустя пару часов уже дома Циля выкладывала из корзины зелень и рыбу, завёрнутую в мятую газету. – Может, это и не он вовсе. Мало ли, что Голда скажет...

– Не он? – подняла Циля свои округлые брови, поворачиваясь всем корпусом к Арончику. – Может, ты скажешь, кто это? Кто ещё это мог сделать?..

Но Арончик ничего не ответил, но только вздохнул в ответ и отправился просматривать газету. Разумеется, не ту, в которой была завёрнута рыба, а ту, что ожидала его на столе в первой комнате.

А из кухни долго ещё доносилось:

– Не он... Кто же ещё мог украсть наши деньги, как не этот пьяница Шепсл... Хуже всего, что еврею некому пожаловаться... Вот бы кому сидеть в тюрьме, а не честным людям...

Впрочем, Циля действительно ни слова больше не сказала Шепслу. Но все не потому, что послушалась Арончика. Просто Шепсл, завидя издалика Цилю, стал обходить её стороной. А вот пожаловаться у Цили получилось. Она пожаловалась Голде, а потом ещё Енте. А потом и Гнесе, жене резника. И все они были единодушны и единомысленны Циле. Все они сошлись на том, что больше некому было украсть, кроме как пьянице Шепслу. Правда, и Голда, и Гнеся, и Ента деликатно молчали относительно тысяч и делали вид, что верят Циле, говорившей, что в ковчежце хранилось несколько сотен рублей. А вот эти несколько радужных бумажек больше не вернулись к Шнеерсонам. Хотя, может быть, там были и не одни радужные, а разного достоинства бумажки. Этого теперь уже никто не узнает.

Но даже и на этом злоключения Шнеерсонов не закончились. Хотели уже выслать их из Москвы, как неизвестно почему избежавших недавнего

выселения иудеев из Первопрестольной, но тут, аккурат по русской пословице, помогло несчастье. За время своего малороссийского путешествия Арончик стал необычайно знаменит. И хотя слава его по возвращении сошла, казалось бы, на нет, но едва только заговорили о его выселении, как в Петербург посыпались письма. Чуть ли не вся страна просила оставить Шнеерсонов на месте. Рассказывают, что видели письмо одного писателя, адресованное на очень высокое имя. В письме сообщалось, что «этот несчастный сын своего народа столь много претерпел, что заслуживает снисхождения и высочайшей милости, о чём и просит за него московская интеллигенция». Какова была судьба этого письма, доподлинно неизвестно. Известно только, что просьбе московской интеллигенции в Петербурге вняли. Такое иногда случалось в то время.

ПОЭЗИЯ

Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Юрия Яхонтова
с юбилеем!

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России.
Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу
«Летопись славян-россов с древнейших времён до
Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что
в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая
осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской меда-
лью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный
Олимп», «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

Юрий ЯХОНТОВ

И трава сохраняет твой след

***

Дышит влагой озёрная ширь.
Поплыву, поплыву утром рано,
Далеко, за водой, за туманом
Древний видится мне монастырь.

Здесь был путь «из варяг», вспомню я,
В годы древние, за пеленою.
Был бы путь не водой, а землёю,
То была б глубока колея.

Но былому забвения нет.
Непонятно как, исподволь, вроде,
В нашей памяти, в мыслях, в природе
Старина оставляет свой след.

Вроде, прошлое всё позади,
И ушедшее видим нечётко,
Но рыбак проплывает на лодке,
Лодка – копия древней ладьи.

Дышит влагой озёрная ширь.
Поплыву, поплыву утром рано,
Далеко, за водой, за туманом
Древний видится мне монастырь.

***

Образ твой был в раздумьях моих,
И бродил по лесам не напрасно я.
На тропинках встречалась лесных,
И всегда ты мне виделась разною.

Ветерок запах леса принёс.
И деревья опять обновлённые.
Ты идёшь – то ли ветви берёз,
То ли волосы бледно-зелёные.

На лугу собираешь букет,
Тихо радуясь лету беспечному.
И трава сохраняет твой след,
Словно путь к сокровенному, вечному.

В благодатной лесной тишине
Будет осень с холодными росами.
Из осинника выйдешь ко мне
С чудо бронзово-медными косами.

А зимой от меня вдалеке
Ты останешься в сердце хранимая.
В белоснежном пуховом платке
Грустно-нежная, неповторимая.

Замело, замело все пути
К твоему заповедному терему.
И дороги туда не найти,
Все тропинки в тот терем затеряны.

Заброшенная деревня

В краю забытом я как будто лишний.
Цветы в садах благоухают зря.
Никак хозяев не дождутся вишни,
В глухой листве рубинами горя.

Вокруг о днях былых напоминанье.
Горюет сад, заброшенный давно.
И это чувство – словно ожиданье
Среди домов, садов растворено.

На этот зов никто не отзовется.
Ничто вокруг не потревожит слух.
Не услышать привычный скрип колодца,
Победный клич не прокричит петух.

Но одному кому-то в целом мире
Своя деревня вспомнится на миг.
И доживая в городской квартире,
Смахнёт слезу какой-нибудь старик.

***

Это фото, как награда,
Душу вдруг обдаст теплом,
Я подросток, с папой рядом,
За спиной старинный дом.

Снимок в памяти остался.
Чем-то был расстроен я,
Помню, папа улыбался,
Приобняв чуть-чуть меня.

Жизни было там начало,
Всё надёжно было, но
Годы шли, отца не стало,
Дом разрушили давно.

Вот и всё, лишь эта малость,
Фото с папою вдвоём.
Время то в душе осталось
Бесконечным летним днём.

Там июнь, отдохновенье,
Там я был беспечно-мал...
Повторить бы то мгновенье,
Как бы дорого я дал.

Ретрофантазия

Лет по двести деревьям, стволы в два обхвата,
Меж деревьями даль зелена и светла.
Молодая аллея была здесь когда-то,
Видно, к барскому дому дорога вела.

И возникнет в душе что-то вроде прозренья,
Так на сердце легко в этот утренний час.
Там в аллее, вдали, замаячит виденье,
Из давнишних времён голубой тарантас.

Этот транспорт старинный мне как-то милее,
Будет сыпать прощальным ковром листопад.
Сяду я в тарантас и по тихой аллее
Укачу далеко, лет на двести назад.

И воспрянет душа, словно вольная птица,
Будет смог позади, и надежду храня,
Я уйду в старину, где румяные лица,
И компьютерный мир не уловит меня.

***

Сумрак там, далеко, очертанья стирает,
И не видно уже ни реки, ни моста.
Догорает свеча, и заря догорает,
Вот немного ещё, и придёт темнота.

Но пока, что видны эти светлые крылья,
О былом вспоминать в этот вечер легко.
Вы простите меня, все кого огорчил я,
Вольно или невольно обидел кого.

В мыслях мы не вольны и не всё в нашей силе.
За течением их нам следить – не пустяк.
Мысли добрые мне не всегда приходили,
Вы простите меня, если думал не так.

Будто с совестью кто-то бывшее сверяет,
Так ли праведны были дела и лета?
Догорает свеча, и заря догорает,
Вот немного ещё, и придёт темнота.

ПОЭЗИЯ

Аза ЕВЛОЕВА

АЗА ЕВЛОЕВА

Аза Мухтаровна Евлоева – родилась 29 июня 1965 г. в с. Галашки Сунженского района Чечено-Ингушской АССР. Окончила Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого по специальности «Русский язык и литература, ингушский язык и литература». Более десяти лет проработала в сфере образования Республики Ингушетия. Окончив аспирантуру при кафедре ингушской филологии ИнгГУ, в 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию, кандидат филологических наук. В настоящее время является доцентом кафедры ингушской литературы и фольклора, старшим научным сотрудником отдела ингушского фольклора ИнгНИИ им. Ч. Ахриева. В 2014 г. вышел в свет её поэтический сборник. Стихи публикуются в республиканской периодической печати, звучат на радио и телевидении. С декабря 2015 г. член Союза писателей Ингушетии.
Живёт в Магасе.

Рвусь душой я к небесам...

***

Самый добрый,
Самый нежный,
Самый сильный
человек –
Родная мать.

В тяжкий миг
Тоски безбрежной
Лишь она тебя сумеет
Поддержать.

Словом мудрым
Материнским
От отчаянья
сумеет
Удержать.

Самый добрый,
Самый нежный,
Самый сильный
человек –
Родная мать.

Жить хочу я в небесах!

Жить хочу я в небесах,
В золотистых облаках,
Там, где солнышко играет,
Мир сияньем озаряя,
Там, где ночью месяц гибкий
Шлёт земле свою улыбку,
Звёзды пляшут танец свой
И сверкают чистотой,
Где плывут над миром тучи,
Исторгая дождь могучий,
Где орлы одни парят,
С высоты на мир глядят,
Утопая в вечной дали
И не ведая печали...
Рвусь душой я к небесам,
Уподобиться орлам!

В горах моей отчизны...

Здесь, в горах моей отчизны
Солнце жаркое пылает,
Здесь, в горах моей отчизны,
Месяц по небу гуляет.
Здесь, в горах моей отчизны,
Звёзды вниз бросают взоры,
Здесь, в горах моей отчизны,
Ручейки рождают горы.
Здесь, в горах моей отчизны,
Песню иволга заводит,
Здесь, в горах моей отчизны,
Каждый счастлив и свободен.
Здесь, в горах моей отчизны,
Край родной и сердцу милый,
Здесь, в горах моей отчизны,
Горцев скромные могилы.
В горском сердце постоянно
Память Родины хранится.
В жилах горцев неустанно
Золотая кровь струится.
И в глазах у горца вечно
Молодой огонь пылает.
Он глядит вокруг беспечно
И коня себе седлает.
И к лицу горянке в жизни
Тихий труд на благо дому.
Здесь, в горах моей отчизны,
Сердце неподвластно злему.

Звёзды в небесах зажглись...

Звёзды в небесах зажглись,
И, счастливые, мерцают,
И о тех напоминают
Днях счастливых, что прошли.

«Расскажи!» – взывают звёзды...
«Напиши!» – взывают звёзды...
– Ты расскажешь?
– Расскажу!
– Ты напишешь?
– Напишу!

Улыбаюсь звёздам я,
На вопросы отвечаю.
Мне в ответ они мерцают,
Внемлют тайнам бытия...

Откуда эта благодать?

Светлее солнца
Мамины глаза.
Добрее солнца
Мамины глаза.
И мягче пуха
Мамины глаза.
– Но с чем сравнить их?
– Лишь с её руками!
Нет ничего вкуснее чебурека,
Что матери руками испечён.
И нет вкуснее нам того обеда,
Что мама приготовила для нас.
Когда ласкает мать,
То мы в блаженстве!
– Откуда же такая благодать?
– От мамы...
Всех родней на свете мать!
Дитя родное сердце бережёт!
И тот счастливый, у кого есть мама!
И так, как солнце освещает мир,
Нам жизнь большую мама освещает!
– Откуда счастье?
– Счастье дарит мать!
И даже сон спокойней и счастливей,
Коль мама колыбельную поёт.
Ведь матери любовь нас согревает
Как солнце...
Берегите матерей!

Любимая Родина

Объятая высокими горами,
О Родина, лежишь ты предо мной!
Богата ты природными дарами,
Прекрасна неземною красотой!
И взгляд мой, о любимая отчизна,
Пропитан чистотой твоих небес!
И птицы, вдохновляясь этой жизнью,
Поют в полёте песни о тебе.
Пройдёт зима, за ней наступит лето,
Но ты прекрасна, Родина, вовек!
Тебя оберегают беззаветно
Твои сыны-джигиты весь свой век.
Тебя твои горянки украшают,
Своей любви к отчизне не тая!
Любимая, великая, родная –
Ты, Родина прекрасная моя!

Родина

Встала туманная даль на рассвете,
Издали тёмная туча идёт.
Станет цветущей земля Ингушетии,
Только лишь дождь на неё упадёт!
Сокол свободный, крылами играя,
В небе просторном парит и кружит,
Просит он счастья для нашего края –
Будут счастливыми все ингуши!
Горы вершинами в небо вонзились,
Горы низинами в землю вросли.
Солнца лучами с рассветом омылись,
Дремлют на теле прекрасной земли!
Словно соперники горным вершинам,
В прошлое вперив задумчивый взгляд,
Тёмных веков прозревая глубины,
Предков ингушских здесь башни стоят.

Гора

Стоит гора, горда и высока,
Её вершина солнце отражает,
И многие прошедшие века
Её джигиты в песнях прославляют.

Стоит отец, его возвышен лик,
Сияньем гордым светит взор орлиный.
Он, как гора, прекрасен и велик,
Недосягаем, как её вершина.

Цветок на лугу

Улыбается цветок на лугу,
Хорошо живётся в мире цветку.
Шепчет бабочке цветок: «Я цвету,
Чтобы людям показать красоту!»
Улыбается цветок и цветёт,
На наречьи тайном песни поёт.

Ромашка

Среди множества цветов
Я ромашку выбираю,
И о счастье я без слов
По ромашке погадаю.

Самый важный мой вопрос,
Сердце бьётся часто-часто.
А ответ ведь будет прост:
Да иль нет, беда иль счастье...

И, покорная судьбе,
Мне ромашка отвечает:
– Он мечтает о тебе!..
И сердечко замирает.

Любовь

«В окошко твоё не могу насмотреться,
Оно словно солнце горит,
Но только сильнее горит моё сердце», –
Так милый мой мне говорит.

Смотрю я на небо – там звёзды мерцают
При ясной полночной луне.
Любимого образ во тьме проступает,
И ночь улыбается мне.

Как жизнь бесконечно прекрасна!
Жить хочется вечно и страстно!

Молодые сердца

Солнце весело смеётся –
И хохочет, и играет.
Свет его в лицо мне льётся,
И лучи меня ласкают.

Ты, мой друг, смеёшься тоже,
И душа моя ликует.
Милый взгляд меня тревожит,
Душу девичью волнует.

Мир кружится каруселью,
Бесконечно наше счастье.
Жизнь прекрасна, беспредельна,
И сердца стучат в согласье.

Мысли

Как облака, что летят безвозвратно,
Мысли мои, вы летите куда-то.

Я вас прошу – подождите немного,
Дайте рассеяться в сердце тревогам.

Мысли друг друга мгновенно сменяют,
И безответно во тьме исчезают.

Тают мгновенно в просторах туманных,
Перемещаются за океаны.

Но, погостивши в чужой стороне,
Вновь возвращаются мысли ко мне.

Мир мой – и радость моя, и беда –
Мыслей и мыслей сплошных череда...

Счастливые сердца

Мир наш прекрасен,
Мы в мыслях чисты и прямы!
Любим, любимы, а значит –
Что счастливы мы!

Очи сияют лучами,
И свет тех очей
Душу мою озаряет
В потёмках ночей.

Маленькая девочка

Перед домом девочка гуляет –
Синий бант, коса и смех счастливый.
И глаза прекрасные сияют,
Познавая мир нетерпеливо.

Годы

Вот бежит река, бурля и пенясь,
 Всё поёт свою глухую песню.
 Так же мои годы пролетают,
 Оглянуться мне не позволяя.

Каждый год – согласие и довольство,
 Каждый день – довольство и согласие...
 Как же я судьбой своей довольна!
 В жизни мне послал Всевышний счастье.

Перевёл с ингушского Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России, Секретарь Союза писателей России, Член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской республики, Заслуженный работник культуры республики Дагестан.

Живёт в Москве.

ПОЭЗИЯ

Тамара ЧАНИЕВА

Тамара Чаниева – поэтесса, заслуженный работник культуры республики Ингушетия, академик Международной академии творчества. Родилась в Нальчике в 1979 г. Окончила Колледж дизайна КБГУ по специальности «Дизайн публикаций» и Северо-Кавказский Государственный институт искусств по специальности «Мировая художественная культура». Работала корреспондентом, редактором отдела культуры в газете «Горянка», PR-менеджером Кабардино-Балкарского филиала ФГУП «Почта России». Член Союза журналистов России и Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников. Публиковалась во многих периодических изданиях. Стихи переведены на балкарский, кумыкский и чеченский языки. Живёт в Нальчике.

Когда кричит душа...

***

Когда кричит душа – немеет голос
 И жизни нить замотана в клубок.
 Гори, душа, пока не раскололась,
 иначе будешь доживать свой срок.

Иначе, будешь жизнью жить собачей,
 в кармане с дыркой потный греть пятак.
 Иначе будешь жить совсем иначе,
 Совсем иначе, а уже не так...

Поэтому, гори, пока горится,
 Кричи, пока кричится и потом –
 в сердца смотри почаще, а не лица,
 покрытые линяющим принтом.

Водевиль

Он её стихов не понимает,
 (он вообще поэзии чужой),
 но над ним они летают стаей,
 только не поднимет взгляд слепой.

И журавль, что витает в небе,
и синица, что сидит в руке,
и скользкий к сердцу белый лебедь –
всё есть у него, да он – нигде.
Посреди нигде стоит и кличет:
завтра бурю, послезавтра – штиль.
Только хор не понимает птичий
этот человеческий водевиль.

Виват, король!

Жизнь, как часы, которые стоят
какой-то год без тиканья, без звона,
без таканья, без изменения фона.
Я – что билет в отсутствующий ряд.
А ты, гляди, тому ещё и рад.
Понятно ведь: зачем акыну скрипка,
голодному зачем золотая рыбка,
ему селедка лучше во сто крат.
Чудной, с тобой ни праздников, ни дат.
В кривую превращается улыбка
и что ни день – мучительная пытка,
но я пою: «Виват, король, виват!»
Я это постараюсь даже выткать,
хотя ни петля мне не дана, ни ткать...

Пожизненный страх

Я боюсь, очень многих вещей
в жизни мне избежать не дано.
«Только мамы касаться не смей!» –
я судьбе говорю всё равно.

Валидол, валерьянку, триган
ненавижу у мамы в руках.
Сотворить бы спасенье от ран,
известить свой пожизненный страх.

Я не знаю спасительных слов
и контроля поступкам, когда
так убийственно явен прогноз
и от слёз тяжелеют глаза.

Слепы часто мы все, видит Бог,
оттого-то и сходим с ума.
И от мысли – земля из-под ног
уплывает... Будь проклята, тьма!

Прощание с черновиками

Ни прихоть, ни каприз, ни шалость
не приближают душу к Раю.
С черновиками я прощаюсь –
я душу на бело слагаю.

Последним мигом может каждый
из мигов жизни оказаться,
а посему прикину с жаждой
я к ним, чтоб с ними не расстаться.

Черновики мои пылают –
пусть все у них ладони греют.
Живу я на бело: пусть лают
все псы! ведь тронуть – не посмеют.

Как мне хотелось бы такую
быть изначально и всечасно!
Я дорожу любой строкою,
что не начертана напрасно.

Ужель согнёт меня усталость,
ужель отравят лживой сплетней?!
...Мне полюбить тебя досталось
любовью первой, как последней.

***

Про Эльбрус написать не берусь:
слишком многими тема рассеяна.
Это – то же, что молвить: «О Русь!..» –
после Пушкина, Блока, Есенина.

О всем ведомом я не могу,
не люблю выступать в общем хоре я.
Для другого себя берегу:
у меня ведь своя траектория.

Бесполезно советовать мне
петь о том, как светла Ингушетия:
это – то же, что в здравом уме
похвалиться: живу-де на свете я.

Мне великое – не по плечу,
мне милее и ближе всё брэнное.
О больших я вещах умолчу,
в мелочах открывая бесценное.

Потому не пишу я, Эльбрус,
о тебе, вознесённом поэтами,
с кем во веки веков не сравнюсь,
но и не повторяюсь поэтому.

***

Такой обычай был в горах:
когда кинжалов ныли жала,
меж ними женщина вставала,
бестрепетно отринув страх.

Она бросала свой платок –
хоть между кровными врагами, –
кинжалы в ножны лезли сами,
и спор пересыхал исток!

Ужель обычай вековой
сегодня напрочь мы забыли?
О женщины Кавказа! или
вам нравится взирать на бой?

Восстаньте же, прошу я вас!
Платки свои на землю бросьте –
пускай уймутся волны злости,
не сотрясает гул Кавказ!

Чтоб крови миновал поток,
чтоб миловал кошмар пожара,
и я, Чаниева Тамара,
бросаю наземь свой платок!

***

Ты знаешь, я знала,
что этого лучше не знать,
но, знаешь, не знала,
что лучше, чем знаю, бывает.
Горит моё сердце,
погаснет – не буду рыдать.
Я знаю, что вечных огней
на земле не бывает.

***

В колоколе счастья –
змеи-трещины.

У колёс Фортуны
сдуты шины.
Это – жизнь
обыкновенной женщины,
прожитая
без плеча мужчины.

***

Три ноль шесть. Спать невмочь.
К миллиону плюсюю барашка.
Кофе вылить бы в ночь –
недопита которая чашка.

От бессонниц моих –
ни лекарств, ни спасения в лире.
Я не сплю за двоих:
справедливости нет в этом мире!

Отповедь

Я – вы не поняли – актриса.
Живу в иных мирах.
В любой момент умею скрыться
за гранью, в зеркалах.

Я душу вкладываю в роли,
в страданья героинь:
воспринимаю все их боли,
едва лишь ляжет грим.

А в жизни... в жизни всё иначе,
в ней – всё наоборот.
Кто жаждет от меня отдачи,
пусть сердце разобьёт.

«Нет достижения без мученья», –
недаром говорят.
А кто, пустые увлеченья
выстраивая в ряд,

мне вздумает назначить встречу,
пусть помнит вот о чём:
ему – пощёчиной отвечу.
А надо – и мечом.

***

Мы имели одно на двоих
наше общее чувство –
и зажить пожелали
в одном общем доме с тобой.
Время шло: тебе не до меня,
мне с тобой тоже пусто,
наша пышная свадьба
увенчивается виной.

И теперь у нас общая соль
и рисунки на шторе.
И весёлость узоров на ткани
беспечно молчит...
У нас общее утро и боль.
И следы в коридоре.
Равнодушие одно...
Всё подмял под себя этот быт!

***

Неужели и я превращаюсь в ту,
кто устала мечтать и любви не хочет,
и в лихую страшится попасть ездю
ошалевшего дня и безумной ночи?
Неужель для меня не осталось тайн
и желаний в сокрытое плыть всё глубже?
Отчего же мне в каждом видится Каин?
Может, я их не лучше?

***

В привычках ты и странен, и суров,
в движеньях – притягателен и тонок,
когда слегка приподнимаешь бровь,
мне кажется, что ты ещё ребёнок,
мне хочется прижать тебя к груди,
чтоб головные боли отступили.
Мне хочется сказать тебе: «Войди!»,
но в дверь мою сейчас стучишься ты ли?!

***

Никто ни от чего не застрахован,
Ведь каждый день приходит с чем-то новым.
Я не срываю с клумб чужих букеты,
но все мои закаты и рассветы,
заботы, разговоры и ответы
в одном вопросе путаются: «Где ты?».

А ты исчез не в полдень, но как тень.
Но не беда, ведь завтра новый день
И новый голос, в небе новый гром,
и запах, и огонь, и в горле ком.
А после – и закаты, и рассветы,
и мысли «Где ты?» – только о другом...

Отсутствие тебя

Тревогой отдающие недели,
пронзающие месяцы часы,
среди лета настающие метели,
затерянные в шёпоте басы.
Всем этим ты пути мне заграждаешь
и я во дни вхожу, душой скорбя.
Всё это ты один во мне рождаешь.
Верней, не ты – отсутствие тебя.

Сыну

Мне теперь, хоть лей рекой, не надо
Звёзд с небес и жемчуга, и злата.
Всё, что было до него – ушло.
Всё, что было «до» – ушло куда-то.
Есть теперь всего одно число,
Лишь одна единственная дата –
День рожденья сына моего.

Многоцветная мама

Невозможно слова подобрать,
И со мною впервые такое –
у гортани першит слово «мать»,
небывалой объято тоскою.
С шейки катятся слёзы на грудь,
подбородок приподнят молитвой.
Лишь теперь различаю твой путь,
лишь теперь постигаю язык твой.
Разгадаю морщинки у глаз,
Расшифрую усталые стоны,
оценю высоту твоих ласк,
непокой каждой ночи бессонной.
Всех умеешь простить, всё понять
И несёшь своё званье, как знамя.
Для других – многодетная мать,
для меня – многоцветная мама.

Из цикла «Былинка»

Друзья

Жили-были два приятеля, друзья детства. Один, Петро, отслужив в армии, вернулся в родную деревню (когда-то большое село) да там и остался. Окончил курсы электрика и по этой специальности работал. Другой, Коля, хотя поначалу и с большим трудом, обосновался и жил в городе. Однако почти на каждый выходной приезжал в деревню, в родной дом. Как, впрочем, и многие другие, у кого родовые гнёзда превратились в дачные уголки.

Друзья часто общались, обсуждали современную жизнь. С годами их сердца всё больше притягивало к отчине и хотелось, чтоб именно родной уголок был краше, милее, уютнее других мест.

Так и додумались приятели построить на речушке Лепешинке пруд – украшение деревни. Говорят, что когда-то, в старину, он тут и был, и рыба водилась. Много рыбы. Место самое подходящее: речушка двухметровой ширины, балочка с крутыми склонами, но не обрывистыми, а дернистыми.

За шашлыками с пивом обговорили всё, составили план. Приятель-горожанин, Коля, взял на себя финансовую сторону, а сельчанин Петро – организацию материально-техническую. Или проще: горожанин (он занимался мелким предпринимательством) давал деньги, крестьянин строил плотину, нанимал технику, рабочих, закупал металл и цемент...

Оба мужика оказались думающие, сметливые: чтобы сооружение делать не с бухты-барахты, не раз выходили на то место, где запланировали поставить плотину, обсуждали, прикидывали, уточняли. Понимали, что всё в их деле будет зависеть от самой плотины, от её разумности. От технического решения затвора воды, иначе – воду не удержишь.

Виталий Анатольевич Богомолов – родился в 1948 г. в г. Тавде Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998), областной премии в сфере культуры и искусства (1999). Живёт в Перми.

Рядом с руслом речки забетонировали затвор, лоток для стока воды в бучило, куда станет падать вода, вымывая ямину, омут. Выдержали положенное время. Перекрыли русло, вода пошла по лотку, не поднимаясь выше и не мешая насыпать плотину. Нагрудили землю, утрамбовали, прокатали бульдозером. Тоже выдержали какое-то время. Наконец – дело-то шло уже к осени – решили, что пора опускать ставень затвора, воду останавливать, накапливать и поднимать до верхнего края ставня...

Ох, какая красота заиграла, когда вода набралась! А когда приятели увидели в своём пруду белую стаю домашних гусей Мотьки Сазонова, величественно плавающих на середине водоёма, от радости чуть с ума не сошли. Вот это да, вот это красотища-а! Деревня Шептуновка будто на праздник принарядилась.

Мотька пришёл, осмотрел внимательно плотину, снисходительно похлопывал земляков по плечу, приговаривал: «Ну, молодцы, собаки! Какое дело провернули! Считай, увековечили себя в истории села! А гусям-то моим какой фестиваль! Да-а!»

А зимой для ребятни деревенской каток на пруду можно будет расчистить, пусть шайбу гоняют, в спорте закаляются ...

***

Главе местного самоуправления Матвеем Гавриловичу – за глаза все жители звали его Мотькой Сазоновым – принесли телеграмму. Прежде человека на этой должности (до свалившейся на Россию чесотки оптимизации и зуда реформаторства) называли просто председателем сельсовета, теперь – глава. Принесли ему телеграмму, да необычную – правительственную. Телеграмму, подписанную аж самим министром природных ресурсов России, грозным министром, которого многие большие начальники боялись как огня.

Телеграмма министра, ему, Сазонову?! Лично Сазонову?! Из самой Москвы! Матвеем Гаврилович был просто в шоке. Телеграмма произвела на него такое парализующее действие, что он даже на ногах не смог устоять: под коленками задрожало, ноги ослабели, подогнулись, и он сел на стул, держа телеграмму обеими руками так крепко, как при вождении автомобиля держит руль впервые севший за него новичок...

Руки тоже дрожали. Сазонов отчётливо понял, что неисполнение указания министра обернётся для него, Сазонова, через эту телеграмму мгновенным снятием его с должности. А это и позор, и крушение всей его карьеры! Да что – его, тут крушение-то налаженной жизни всей семьи. Это в нынешних-то условиях? Катастрофа!

Отдрожав неизбежное время и немного придя в себя, Сазонов снова перечёл телеграмму.

«Правительственная. Министерство природных ресурсов...

Главе местного самоуправления Сазонову М.Г.

Незамедлительно ликвидировать несанкционированный пруд в деревне Шептуновке, возведённый в нарушение сложившейся экосистемы. Об исполнении телеграфировать».

Незамедлительно. Об исполнении телеграфировать. Дух заходился, как это всё серьёзно обернулось. Казалось, чего тут особенного – мужики прудишко соорудили в деревне. А вот на тебе! Само министерство возмущено.

В столице! Да как оно прознало-то?! Не иначе, как тут что-то тайное с оборонной страны связано – пронзила Сазонова страшная догадка.

Уже через час был поднят ставень затвора, почуяв полную свободу, спёртая вода бешено хлынула, снося всё на своём пути, пруд начал опускаться, уходила рыба, запущенные мальки, а на плотине ковырялся экскаватор на базе трактора «Беларусь», неумолимо разгребая своим железным ковшом податливую влажную землю... Переполошённые гуси Митьки Сазонова выбрались на бугор, вытянув шеи и тревожно всхлопывая крыльями, бросали в небо звонко-пронзительные, словно протестующие, вскрики, заглушающие даже рокот мотора. Умолкали, нервно складывали крылья, с непониманием смотрели на убывающий пруд, на суетящегося возле плотины и размахивающего руками своего хозяина, и всё повторялось.

К вечеру в министерство ушла телеграмма об исполнении.

***

В субботу, изрядно набравшиеся друзья, Петро и Коля, угрюмо сидели за столом за бутылкой водки, не первой уже в этот день, молча горевали. И лишь время от времени деревенский электрик восклицал рыдающим тоном: «Да как они узнали-то, Коля?!» Городской приятель взглядывал на него в такую минуту коротко и, ничего не отвечая, отводил тяжёлый взгляд. «Коля, какую мы тут экосистему-то нарушили? Мы же восстановили её, как в старину была!»

И только один человек в деревне Шептуновке знал тайные пружины всей этой истории, злорадно поглядывая на ушедший пруд, на речушку, вобравшую воду в свои берега как прежде. Это была высокомерная старуха, по прозвищу – Никитиха.

Её сын, Никита, бывший комсомольский вожак, а ныне большой начальник в областном городе, когда-то работал в обкоме комсомола вместе с Георгием, теперешним министром, в его подчинении. Когда дородный Никита приехал к матери навестить её, Никитиха сразу повела его в огород.

– Что это?! – удивился сын, увидев воду, затопившую часть огорода и подступившую почти к самой картошке.

Никитиха, не жалея никаких красок, а в этом она считалась в Шептуновке большой мастерицей, рассказала, как деревенские забулдыги – Петька и Никола – построили пруд, и вот теперь её подтапливает. А что станет весной? Весь дом вода зальёт!

Заведённый матерью, Никита сел в свой внедорожник, съездил на пруд. Осмотрел плотину, невольно отметив про себя, как «забулдыги» сделали всё добротно и надёжно. Набежала даже непрошенная мысль и коснулась его лишь на одну секунду, что не надо было ему при перестройке, не надо было спускать усадьбу матери так близко к речке.

Приехав с плотины, сказал матери уверенно, чтоб понапрасну не беспокоилась, не волновалась, никакого пруда тут не будет и в помине.

Вернувшись в город, он позвонил по мобильнику Георгию, они поддерживали дружеские связи, Никита помогал министру содержать на родине в порядке его загородный особняк, выстроенный на берегу Камы, в заливе запovedной красоты – в Лебядкино, в окружении корабельных сосен.

Коротким путём

Это был один из того десятка случаев, когда я завис на нейтральной полоске между жизнью и смертью...

После Межовской начальной школы мы ходили в школу-восьмилетку в соседнее село Вторые Ключики. Прежде я уже где-то говорил, что от моего дома до школы было ровно семь километров. Деревня наша в то время была в одну улицу, и от Алексея Архиповича до Тимофея Васильевича вытянулась аж на три километра триста метров.

Конечно, для тех ребят, кто жил поближе к центру или в противоположном от меня конце деревни, расстояние от дома до школы оказывалось намного короче.

В лугах дорогу нашу пересекала река Ирень. Ширина её здесь колеблется от двадцати пяти метров в тихих глубоких местах до сорока и даже более там, где встречались перекаты, излучины, где глубина поменьше, а течение стремительнее.

Моста через Ирень в те годы в наших местах не было, но имелись переходы (так, во множественном числе бытовало это слово в устах народа). Переходы представляли собой два толстых троса, параллельно натянутых с берега на берег на расстоянии приблизительно одного метра друг от друга. На эти тросы были равномерно прикреплены кронштейны из металлических прутьев, загнутых в форме буквы П, перевёрнутой вверх ногами с загнутыми на концах крючьями, которыми они цеплялись за тросы, на кронштейны был положен настил в три-четыре доски.

Не знаю, правда или нет, но я слышал, что какой-то смельчак даже лошадь перевёл с берега на берег по этому зыбкому и качающемуся сооружению. Что отчаянные парни переезжали на мотоциклах, это я своими глазами видел не раз. А вот старушки некоторые без посторонней помощи и страховки ходить по этим переходам отказывались, боялись. Но мы, мальчишки, с удовольствием раскачивались на них. Конечно, это беспощадно пресекалось взрослыми, потому что при чрезмерном раскачивании дощаной настил расшивался и разрушался: доски между собой были соединены поперечинами, которые и предохраняли П-образные крючья от сползания со стороны берегов к провисшему центру мостка.

Ежегодно перед ледоходом и весенним сплавом брёвен переходы на время высокой воды разбирали, крючья-кронштейны снимали, оставались только тросы.

Нам в это время приходилось жить в Ключиках неделями, и домой мы выбирались только на воскресенье. Шли вместе с девчонками горой по-над Иренью, вниз по течению реки до деревни Денисовки, которая лежала напротив нашей Межовки, в полутора километрах от неё. Здесь имелась лодка-плоскодонка и кто-нибудь переправлял нас по гуляющей воде на родной берег. Чаще других за эту опасную работу брался Николай Габов, специально приходил ко времени нашего сбора на берегу. В то время как-то я не задумывался, что Николай приходился мне троюродным братом, старшим на восемнадцать с половиной лет, хотя знал, конечно, что он близкая родня: бабушки наши были сёстрами.

Обходной путь через Денисовку казался длинным, унылым, непривычным. И ребята постарше приспособились перебираться через Ирень по тросам. Способ этот был изобретён, конечно же, кем-то из взрослых. Он считался

запретным и настолько опасным, что за такую переправу, если о ней узнавали, строго наказывали. А потому ребята об этом способе не особенно распространялись, помалкивали.

Дойдя до тросов и убедившись, что поблизости нет взрослых, вытаскивали из кустов припрятанные средства переправы – доски, каковые имелись и на той и на другой стороне реки, клали доску на тросы, по двое ложились на неё животом, так чтоб трос проходил между ног, и, подтягиваясь руками за трос, передвигались, переправлялись. Страшно было, как водится, только самый первый раз. На середине реки, в точке максимального провисания тросов, вода проносилась так близко, что свисающие ноги едва не касались её. В этом месте важно было на воду не смотреть, чтоб не обнесло голову и ты не плюхнулся с доски в ледяную весеннюю муть, несущую мусор и грязную рваную пену. Там тебя уж никто не спасёт...

Однажды и я, набравшись смелости, переправился на другой берег таким манером в паре с семиклассником Ваней Рогожниковым, учившимся классом старше меня. После чего я мгновенно вырос в собственных глазах очень заметно.

Но в этот раз я что-то задержался после школы и пришёл к тросам один, пары мне не было. Постоял, подождал – никто не идёт. Ребята уже переправились и ушли. А обходить через Денисовку мне, познавшему соблазн короткого пути, ни за что не хотелось. Я знал, что ребята, случалось, перебирались по тросам и в одиночку. Решил рискнуть. Главное, чтоб никто не увидел. Но вот это-то в случае чего и было самым страшным, как теперь понимаю.

Нашёл в кустах доску. Она оказалась не очень длинной, коротковатой, но другой не осталось. Я положил её на тросы: концы выставлялись сантиметров по пятьдесят с обеих сторон – нормально.

Конечно, холодок риска пробежал в моей груди. Но я лёг животом на доску и с трепетом двинулся вперёд. Холстяная котомочка с учебниками была у меня на лямках за спиной. До середины реки передвигаться было под горку, очень легко, просто замечательно, а вот дальше путь ощутимо шёл на подъёмчик. И здесь уже требовалось применить хорошую силу, подтягивая себя по витому (крупной скрутки) и ржавому сопротивляющемуся тросу. Вдвоём передвигаться было намного легче, а в одиночку – свободный конец доски на соседнем тросе отставал, перекашивался, тормозя движение.

Вдруг я заметил, что левый край доски уже едва касается троса. Поскольку правый трос под тяжестью моего тела провисал ниже, то тросы от этого расходились шире обычного, и левый конец доски при передвижении постепенно сползал. Если бы на конце оказался торчащий гвоздь или был приколотчен ограничитель, который не давал бы доске сорваться с троса...

Понятно стало, что конец доски вот-вот соскочит с троса, и тогда мне уже никто и ничто не поможет. Зависнув беспомощно на середине реки, не смея больше сделать движения, я застыл от страха. Тросы равнодушно покачивали меня, а подо мной неслась бурливая холодная вода, мутная, как бражная гуща...

Находиться в таком положении долго было невозможно. Много ли пролежишь животом на узкой доске, да ещё в состоянии ужаса?

Уж не знаю, каким чудом удалось мне напрячься так, чтоб, подтягивая на мгновение живот и удерживаясь в это мгновение только на самом тросе, крохотными толчками переместить доску чуть влево. В несколько

попыток я выправил её, вернее – подправил, и из последних сил стал подтягиваться дальше, вползая постепенно по тросам всё выше и ближе к берегу...

Когда я свалился с доски на землю у самой кромки воды – всё моё тело от плеч до пяток мелко дрожало от перенапряжения и страха.

Больше этим способом я через Ирень ни разу не переправлялся, ни один, ни парой. А степень опасности тогдашнего своего положения осмыслил полностью только с годами, когда начал постигать, как мне показалось, подлинную ценность жизни. А точнее сказать – бесценность её.

Лесозаготовщик

Мы с ним случайно разговорились и познакомились тридцать первого мая две тысячи десятого года на железнодорожном вокзале города Кунгура. В последний день победного месяца. Завьялов Евгений Павлович из села Кыласово. Он приезжал сюда в больницу. На его пиджаке была прикреплена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», но лента на колодке оказалась истрёпана и засалена до такой степени, что это жалкое состояние уважаемой награды сразу бросалось в глаза и привлекало к старику внимание. Был он рослый и ширококостного телосложения, чуть сутулился, одет в серый помятый пиджак. Обут в резиновые сапоги, хотя погода стояла сухая. Имел очень деревенский вид.

С этой засаленной и неприглядной муаровой ленты медали и начался наш разговор. На моё любопытство он пожаловался, что дочь живёт в Перми, но сколько он её ни просит, она никак не может купить ему эту ленту для медали. Я говорю старику, что такие ленты свободно продаются в магазине военного и купить не проблема.

Евгений Павлович, как я узнал, родился 13 января 1930 года. Работать пошёл очень рано, в одиннадцать лет, когда началась война, трудился в колхозе. Сеяли вручную хлеба, тракторы были большой редкостью: колёсники и газогенераторные «натйки» (баклажечники, на деревянных баклажках работали). Разные самые работы приходилось выполнять, посильные для его возраста. На трудодень давали по двести граммов зерна. Осенью, говорит, получишь кутузок – и на весь год. А как его на год растянешь?.. Суррогат приходилось есть. Мать гнилую картошку с молоком сделает и кушай эту блевотину...

Когда Евгению исполнилось пятнадцать лет, он с 1945 года по 1950 год, пять зим, отработал на лесозаготовках (желание не спрашивали): Шалашино, Пальник, Челябинка... Возил брёвна на коне по кличке Малко. Длина бревна шесть метров десять сантиметров. Мороз-не-мороз, а спать лошадям приходилось на улице. Рогожей мочальной накроешь коню спину и всё. Кормили лошадей скудно сеном, которое привозили с собой из колхоза своего. На ночь сена дашь прямо на снег кучкой под ноги, а конь когда ест сено, всё равно растолкает его мордой по сторонам.

Стояли на квартире у хозяйки.

Ночью встанешь, выйдешь коня попроведать, недоеденное сено подгребёшь, в кучку обратно соберёшь, пописаешь на него, подсолонишь, и конь доест все объедки подчистую. Коня берёт, жалел и никогда не бил. При перевозке один конец бревна на санки на колодку цепью в обмотку крепится, а второй

по дороге волоком тащится, Евгений этот конец всегда с нижней стороны топором ошкуривал, чтоб скольжение было, чтоб коню было легче везти. Иногда бревно попадётся толстое, такое увесистое, что коню его везти очень тяжело. Чтоб стронуть этот воз с места приходилось дровни распатывать. «Но, Малко! Но!» – подаёт хозяин команду. Конь послушно напрягается и потихоньку стронет воз с места, потянет, повезёт.

Поведал Евгений Павлович, как один мужик в таких случаях бил своего коня стягом (деревянная палка диаметром пять-семь сантиметров, в обхват пальцами руки, используемая в качестве рычага, при перекачивании и загрузке бревна на сани).

А я знал в нашей деревне одного человека, который, рассказывали люди, на лесозаготовках забил со злости своего коня цепью насмерть. За это отсидел срок, кажется, года два.

Хлеба лесозаготовителям, делится Евгений Павлович, давали по шестьсот грамм; варили для них суп, бульон, картошка в нём «одна другую догоняет» – жидкий. А работа весь день на холоде... Очень тяжело приходилось. Каторга просто.

А вшей было, не поверишь, говорит он, как льняное семя сыпались из головы, если поскребёшь...

После Евгений выучился на тракториста и всю дальнейшую свою жизнь связал с техникой... В армию он не был призван, обнаружилась серьёзная проблема с ушами, видимо, ещё пацанёнком простудил их в годы войны...

Сейчас Евгений Павлович живёт, говорит, один, овдовел. Перед самым прибытием электрички я, на всякий случай, спросил его адрес и записал.

9 мая 2012 года (раньше что-то не получилось) я отправился в Кыласово. От электрички два с половиной километра пришлось идти пешком. Да разве это расстояние для меня, перемерявшего ногами за жизнь бессчётное количество вёрст? В селе, а оно оказалось довольно большим, вспомнив поговорку «Язык до Киева доведёт», отыскал домик старика на берегу речки, у всячего моста. Евгений Павлович был жив. Он не сразу вспомнил почти двухгодичной давности нашу случайную встречу на вокзале. Конечно, очень удивился моему приезду, на лице его так и блуждало какое-то тревожное недоумение, зачем я разыскал его. А я привёз ему муаровую ленту, взамен истлевшей, обтянул ею в десять минут колодку медали, и награда обрела яркий, нарядный и переливчато-праздничный вид. И к двенадцати часам мы с ним отправились на сельскую площадь, где собрались на праздничный митинг у памятника последние ветераны войны и ветераны тыла.

Досталось этому поколению лиха с горюшком хлебнуть.

Ночная паломница

На песчаном берегу реки, на пляжном месте, горел костёр. Вокруг сидела компания поселковой молодёжи, в возрасте уже после двадцати лет.

Был тихий, ясный вечер августа. В закатной стороне ещё не угасла полоска зари, но на землю уже опустились сумерки.

По соседству находился монастырский комплекс, обнесённый грубой временной оградой. Он строился. Но стоял уже храм, и в нём проходили службы,

хотя отделочным работам ещё не видно было конца. Возводились и другие различные здания, необходимые монастырю, который был мужским.

На противоположном берегу широкой реки раскинулся огромный город, в нём кипела и клокотала своя жизнь. А здесь, у костра, распивали водку, вели шумный разговор на близкие им темы... Вспомнили, что на том месте, где построили церковь, стояла прежде пивнуха. Железная, круглая, выкрашенная в тёмно-синий цвет, метко прозванная в народе «Шайбой». И жизнь этой забегаловки была такая, что... Короче, поганое место. Неподходящее. Сознание не хотело мириться с тем, что церковь поставили на таком скверном месте.

– Там земля на метр в глубину вся мочой и матом пропитана, – брезгливо поморщилась высокая разбитная Вера.

– Ну, это им не помеха строить хоромы, – съязвила Светка.

– Против власти не попрёшь, – заметил Лёха, – если им землю здесь выделит...

– А-а, наши поселковые сюда в церковь не ходят, тут же все знают, на каком месте она построена, – добавил Егор, махнув равнодушно рукой.

– Зато из города сколько прётся народу в выходные дни!.. – подметила Наташка.

– Так они-то не знают ничего... Везут монахам доход, – хохотнула Светка, обсасывая хвост вяленого леща.

Ниже по течению реки – берега соединял километровый мост, и посёлок входил в городскую черту.

– Вообще-то церковь должна быть открыта круглые сутки, чтоб я в любое время могла туда прийти, – заявила Наташка. – Мне вот, раз, и захотелось ночью помолиться, а там, как в нашем магазине – часы работы «от и до».

– Так молись, кто тебе не даёт, – предложил с усмешкой Лёха. Он оставался трезвее всех.

– А мне надо в це-еркви! – настаивала Наташка.

– Что из-за тебя одной там кто-то должен сидеть, что ли, ждать тебя?

– Да! И сидеть, и ждать, раз это церковь! Я вот сейчас пойду и потребую, чтоб мне открыли церковь. Помолиться хочу.

– Кто тебе такой поддатой откроет? – снова усмехнулся Лёха.

– А я им там устрою тогда! – пригрозила с апломбом Наташка.

Она решительно встала с доски, приспособленной под скамейку, и, виляя фигуристой попкой, двинулась к воротам монастырской ограды.

Разговор оборвался. Все с любопытством смотрели ей вслед. Они были далеки от духовной жизни, которая в обществе после семидесятилетнего перерыва только-только начинала пускать корешки, ничего в ней не понимали, имели свои самые верхушечные представления, но о церкви, монахах и монастырской жизни судили с присущей молодости категоричностью.

Наташка дошла до решетчатых ворот, сваренных из прутьев, конечно, они на ночь были заперты изнутри. Она принялась стучать, железо загрохотало в тишине как-то устрашающе грозно. Это ничуть не смутило её. Через короткое время из сторожки вышел человек и широкими скорыми шагами приблизился к воротам.

В представлении Наташки это был огромный мужик, в шапке, с большой бородой, казавшейся во тьме чёрной.

– Что вам нужно? – спросил послушник спокойным тоном.

– Мне надо в церковь! – заявила раздельно и настойчиво Наташка.

– Церковь уже закрыта, – ответил послушник с простодушным удивлением, которое исходило, видимо, от недоумения, что в столь очевидно позднее время, в будний день, среди недели и человек с такой решительностью заявляет, что ему надо в церковь. – Приходите утром, – предложил он.

– Мне надо сейчас! – неуступчиво повторила она.

– Сейчас нельзя. Всё закрыто, служба давно кончилась. Священник отдыхает.

– Нет, пустите! Мне надо! – требовала Наташка.

– Да зачем?

– Надо и всё, – вызывающе проговорила она.

– Приходите завтра утром. Милости просим.

– Завтра к вам придут восемьдесят человек и будут молиться с постными... – она хотела сказать мордами, но на ходу поправилась: – лицами. А мне надо сейчас. Душа просит и всё.

– Храм закрыт, ключи у священника. Я не могу вам ничем помочь, неурочный час.

Непреклонность послушника только подливала масла в огонь её решительности.

– Позови священника! – потребовала она, угрожающе дёргая вновь за грохотавшую в тишине калитку.

– Как я потревожу его, – смущённо проговорил великан, испуганно придерживая калитку и пытаясь пригасить её грохот. – Он весь день был в трудах, и в богослужбных, и в строительных, теперь отдыхает, пожилой человек, ему рано вставать... Не надо его беспокоить.

– Позови священника и всё! – вновь потребовала категорично Наташка.

– Хорошо, – пообещал огорчённым тоном сдавшийся послушник, – только, прошу, не стучите, пожалуйста, так дерзновенно, – и нехотя побрёл в жилое здание.

Прошло минут около десяти. За это время решительность в Наташке начала остывать, девушка оробела, стушеввалась. Невольно оглянулась – костёр ещё горел, высвечивая силуэты сидящих вокруг него. Наверняка и они сейчас видели её силуэт возле ворот за эти какие-то семьдесят-восемьдесят шагов; может, даже потешались злорадно над её поступком.

Наконец слабо стукнула дверь. Вышли двое, сторож и за ним негромко покашливающий невысокий человек. У ворот послушник посторонился.

– Что вы хотели? – спросил усталый старческий голос второго пришедшего.

– Мне надо в церковь! – уже не так настойчиво, но ещё по-прежнему вызывающе проговорила Наташка.

– Открой, – попросил кротко старик.

Сторож загремел замком, высвобождая его дужку из проушин. Распахнул решетчатую створку на ширину, достаточную для прохода Наташки.

Она шагнула в проём и двинулась ко храму, она добилась, чего хотела, и была удовлетворена. Священник шёл сзади. Невольно замедляя шаги, она слышала сквозь похрустывание камешков щебня под ногами, как за её спиной позвякивают в связке ключи, видимо, перебираемые в руке священника в поиске нужного.

Дойдя до ступенек, Наташка осеклась, будто какая-то сила остановила, весь пыл её угас.

Она повернулась к священнику и, сама не ожидая того, проговорила надломленным, почти плачущим голосом раскаянья:

– Не надо.

После этого ожидала она возмущения, упрёков...

Но священник вздохнул и, осенив её крестом, тихо промолвил:

– Иди с Богом.

Его слова, сказанные с неожиданным сочувствием, пониманием и теплотой, вызвали в ней щемящее чувство вины перед этим пожилым человеком, потревоженным по её прихоти в такое позднее время.

Сторож пропустил её молча, снова загремев замком. За воротами у Наташки вырвался невольный вздох, она виновато подняла взгляд к небу, оно уже было тёмным, и Млечный путь искрился в безбрежном пространстве светлой полосой мелких бисерных звёздочек.

Наташка почувствовала, что к костру она возвращается какая-то другая, нежели та, которая уходила от костра.

Встретили её молча, но с любопытствующими взглядами.

– Ну что? – первым нарушил это молчание Лёха.

– Дура я! Вот и всё, – призналась Наташка устало и опустошённо.

Костёр догорал, становилось холодно, с реки тянуло сыростью, водка давно кончилась, на всех накатила похмельная дрожь. Молча собрались и пошли.

Наташка приотстала, остановилась, с минуту смотрела сквозь тьму в сторону монастыря, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Они были неприятными, какими-то горькими, эти ощущения, но Наташка чувствовала, что были они важными.

ПОЭЗИЯ

Ирина ЩЕРБИНА

ИРИНА ЩЕРБИНА

Ирина Владимировна Щербина – член Союза писателей России. Автор книг «Бинокль», «Счастливых дней поток не иссякает» («Лучшая книга 2012-2014»), «Из глубины незримых тайников» («Лучшая книга 2014-2015», Золотой Диплом VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь»). Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Золотое перо Московии», «Родники России». Публикуется в альманахах «Славянские встречи», «Православная лира», «Литературная республика», в журналах «Юность», «Смена», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Поэзия», в газете «Московский литератор». Награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, «Звёздная строфа» и др., наградным знаком «Серебряный крест», орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина.

Живёт в Москве.

Над миром тишины...

***

Искромётные ножницы молний,
Разрушая основы основ,
Жгут огнём силуэт колокольни,
Режут в клочья изломы домов.

Набросает незримый художник
Силуэт уходящего дня,
Силуэты вагонов тревожно
Мчатся в брызгах воды и огня.

Силуэт опалённого лета,
Тонким абрисом – пасмурный лес,
И промокших берёз силуэты
На тиснёном картоне небес.

Полумрак промежуточных станций
Исчезает, дорогой гоним,
Замыкая земное пространство
Силуэтом твоим и моим.

***

Степной туман, изгиб чертополоха
Да тишина – немой упрёком неба.
И непонятно: хорошо или плохо,
Что мир знаком до шороха, до вдоха,
Но всё же был всегда рождает небыль.

Сухой цветок, к обочине прильнувший,
Седая пыль. Как тягостна дорога!
А впереди – мираж эпох минувших,
Где столько дней: счастливых, светлых, лучших...
Там, может быть, мы снова встретим Бога.

***

Это лето было хмурым.
В мокрых листьях – отблеск стали...
Облаков рябые шкуры
Просыхать не успевали.

Брызги вспенивали лужи,
Защищая царство неги.
Капли, россыпью жемчужин,
Как святые обереги.

И в укор тревожным думам –
Вечеров очарованье
С дождевым смешало шумом
Наши нежные признанья.

***

Тают в туманах дали заречные,
Сумрак окутал простор.
Щедро осыпан узорами млечными
Ночи бескрайний шатёр.

Чудится, будто по травам нетоптаным
Мчится осёдланный конь,
За частоколом в печурке растопленной
Теплится мирный огонь.

И, откликаясь на звуки заветные,
Кто-то спешит на порог...
Смело пронзает ворота рассветные
Месяца загнутый рог.

Вновь забирают края благодатные
Чуткие души в полон,
Приоткрывая, как сны непонятные,
Тайны минувших времён.

Летний полдень

Священная пора – лучистый полдень лета...
Прогретые луга так буйно зацвели!
Колышется трава. За горизонтом где-то –
Заветный край Земли.

Мне видится теперь яснее всё бывшее...
В июле каждый миг, как жизненный итог.
Над миром тишины и вечного покоя –
Мятежных дум поток.

Лишь ветер незнаком с предательством и фальшью,
В лиловых ковылях его причудлив след.
И мчатся облака всё дальше... дальше... дальше...
На свет любви... На свет...

ПАМЯТЬ

Василий ПОЛЯКОВ

Русский учёный с душой поэта

19 февраля (3 марта по новому стилю) 1858 года в семье военного врача Александра Васильевича Холодковского в Иркутске родился первенец, которого нарекли Николаем. В дальнейшем в семье было много детей, но многие умерли в детстве. Вместе росли и воспитывались четыре брата: Николай, Александр, Пётр и Владимир.

В 1860 году семья переехала в Санкт-Петербург в связи со служебным назначением туда главы семьи. Мальчиком в летнее время Коля чаще бегал у себя во дворе, в Чернышовом переулке, и ловил у мусорной кучи жуков-чернотёлок. Возня с землёй, травами, насекомыми рано выявила в нём первые проблески натуралиста.

Тяга к природе, насекомым не прошла незамеченной в семье. Родители подарили Коле книжку «Собираатель насекомых», где содержание излагалось отдельно на русском и немецком языках. От частого употребления русский текст сильно стёрся, эта часть книжки истрепалась. Пользоваться русским текстом стало практически невозможно. Коля не растерялся. Он достал спрятанный ранее немецкий текст и сделал собственный перевод.

В 1875 году, в 17-летнем возрасте, Холодковский решил всерьёз начать переводить «Фауста» Гёте. Первый перевод был, откровенно говоря, слабым. Об этом Николаю говорили его гимназические друзья и братья. К чести Холодковского, он не обижался на критику, а даже постепенно соглашался с ней, что побуждало его возвращаться к сделанному переводу вновь и вновь, постоянно видоизменяя и улучшая его. Он всё, что делал, всегда стремился довести до совершенства.

В 1875 году Николай окончил гимназию и по просьбе матери поступил в Медико-хирургическую академию, чтобы сохранить семейную традицию. Во второй месяц студенческой жизни будущий военный медик испил горькую чашу утраты самого близкого ему человека. В октябре 1875 года в возрасте 35 лет умерла мать Холодковского, Елизавета Николаевна.

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330 среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Отец вскоре женился вторично. Но мачеха не могла заменить мать взрослому сложившемуся человеку. Николай замкнулся и в это время производил впечатление холодновато-флегматичного человека, не способного на теплоту, дружбу, глубокие эмоции.

Такое впечатление Холодковский производил в семье и в академии. На самом деле всё было совсем не так. Николай стеснялся своих переживаний и искусно прятал их. Однако с близкими школьными и студенческими друзьями он был общителен, интересен. Его педагогические способности, знание языков, большая начитанность располагали к нему.

На первом курсе Медико-хирургической академии Холодковский не мог со всей определённой заявить, что он твёрдо представляет себе своё место в медицине. А на втором курсе профессор Э.К. Брандт, прекрасный лектор и педагог, крупный учёный-энтомолог, возглавлявший одну из авторитетнейших кафедр академии, увлёк Николая своим предметом. Особенно восхищали Холодковского мастерски выполненные Брандтом наглядные пособия к лекциям. Профессор заметил неподдельный интерес студента, когда тот после лекции с удовольствием рассматривал пособия учителя. Брандт пригласил любознательного студента к себе домой, обещая научить препарировать насекомых. Предложение было принято с большим энтузиазмом. Осознавал ли Николай в это время, что сама судьба протягивает ему руку, но, как всегда, не без последующего испытания?

В точно назначенное время Холодковский был у Брандта. В присутствии студента профессор на этот раз подверг препарированию чёрного таракана. Впоследствии Холодковский часто вспоминал, какое это произвело на него большое впечатление: и искусные манипуляции учителя, и получившийся на его глазах великолепный препарат, демонстрировавший на чёрном дне препаровальной ванночки красиво выделяющуюся цепочку нервной системы таракана. Зоология и сравнительная анатомия с этого момента стали главным занятием всей последующей жизни Холодковского.

Теоретический, философский склад ума, наблюдение сродства и различий отдельных признаков и явлений природы, систематизация, классификация добытых знаний и глубокое фундаментальное обобщение познанного привели к тому, что конкретные прикладные аспекты клинических дисциплин оказались для Холодковского пресны и скучноваты. Он рано понял, что не будет практикующим врачом.

Мы помним, что ещё в гимназические годы Холодковский начал переводить «Фауста». И что же? В марте 1878 года, когда Холодковский учился на третьем курсе академии (а медики хорошо знают, что такое третий курс в высшем медицинском образовании), журнал «Вестник Европы» вдруг публикует две сцены из «Фауста» («Погреб Ауэрбаха» и «Вальпургиеву ночь»). Позднее, в этом же году, в свет выходит первое полное издание трагедии Гёте в переводе Н.А. Холодковского.

По свидетельству П.П. Гнедича, литератора и одноклассника Холодковского по гимназии, первый перевод «Фауста» был очень несовершенен, несколько наивен, изобиловал неудачными выражениями и, конечно, был далёк от хорошего русского языка.

Забегая вперёд, отметим, что Холодковский работал над переводом «Фауста» почти всю свою жизнь. При его жизни вышло двенадцать изданий! О двухтомном издании 1914 года известна восхищённая оценка А.А. Блока. Он отметил, что не только перевод самой поэмы, но и комментарий к ней

Холодковского в целом есть тоже блестящая и необыкновенно поэтичная работа, написанная на том русском языке, на котором теперь уже писать несколько разучились. 19 октября 1917 года за последнее двенадцатое прижизненное издание поэмы в своём переводе Холодковский удостоился полной премии А.С. Пушкина, присуждённой Российской академией наук. Через полгода Холодковскому исполнилось 60 лет.

Но вернёмся к его студенческим годам. Холодковский очень серьёзно увлёкся зоологией. В 1880 году в немецком периодическом справочном издании выходит его первая научная работа. Ещё в студенческие годы на кафедре профессора Э. Брандта Холодковский выполнил научные работы о строении и иннервации слюнных желёз таракана (работа была напечатана в 1881 году) и по сравнительной анатомии внутренних мужских половых органов 35 видов дневных бабочек (серия работ была напечатана в 1881 – 1882 годах). Цена научное подвижничество Холодковского, его талант и трудолюбие, Брандт планировал приглашение Холодковского на свою кафедру.

В 1880 г. Н.А. Холодковский окончил Медико-хирургическую академию и получил звание «лекаря». В этом же году ему предоставляется возможность сопровождать профессора Брандта за границу. Учитель и ученик побывали на морском побережье на севере Франции. Они собирали морских животных, анатомировали их, готовили препараты для музея кафедры зоологии.

В этом же году в академии произошли студенческие волнения. Медико-хирургическую академию закрыли. Через год её вновь открыли, но преобразовали в Военно-медицинскую академию без первых двух начальных курсов. В прежнем виде, но с новым названием её открыли лишь осенью 1883 года.

В течение этих трёх лет (1880 – 1883) Н.А. Холодковскому пришлось жить частными уроками древних и европейских языков и преподаванием естествознания в различных частных пансионах. Было трудно, но Николай Александрович упорно шёл вперёд.

Свои думы и переживания тех лет Холодковский отразил в стихах:

*Верь, не на сон оцепенелый,
Не на безделье и покой, –
Мы рождены для песни смелой,
Для битвы с пошлостью людской!*

(«Призыв», 1881)

*Влекомый силою святою
Сквозь жизни радость и печаль,
Как вечный странник, чужд покою,
Иду куда-то вдаль и вдаль.
Остановлюсь, – но клич призывный
Звучит далёко впереди,
И сердце просится в груди
На зов таинственный и дивный.*

(«Странник», 1882)

Холодковский всю жизнь стремился пополнять свои знания. Он решил сдать экстерном экзамены за физико-математический факультет Петербургского университета, чтобы получить учёную степень кандидата наук. Через девять месяцев после государственных экзаменов в Медико-хирургической

академии, в мае 1881 года, Николай Александрович выполнил поставленную перед собой задачу и обрёл степень кандидата естественных наук, что свидетельствует о его весьма солидных познаниях, приобретённых в академии.

Только осенью 1883 года Холодковский стал наконец ассистентом кафедры зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии. Трёхлетний самостоятельный труд с 22 до 25 лет отточил характер Николая Александровича и сделал его настойчивым, упорным, твёрдым, целеустремлённым.

Через короткое время отношения с профессором Брандтом сделались прохладными. Суть была вот в чём. Как только Холодковский услышал в обществе естествоиспытателей доклад К. Мережковского о новых методах исследования строения органов с помощью рассечения их микротомом на очень тонкие срезы, молодой учёный решил применить этот метод в своём деле. Для этого он раздобыл в университете микротом и принялся за свои исследования по зоологии и сравнительной анатомии насекомых, используя как старый классический метод анатомирования насекомых, которым блестяще владел Брандт, так и новый способ исследования отдельных частей насекомых на срезах. Брандт воспринял это как святотатство. Профессор считал, что изучать срезы тканей должна гистология, а на кафедре зоологии нужно заниматься только её классическими испытанными методами. С возрастом новшества зачастую воспринимаются трудно, даже болезненно! Ещё через некоторое время Холодковский сообщил Брандту, что собирается сдавать экзамены на степень магистра. Профессор был уязвлён. Ему начало казаться, что Холодковский необоснованно спешит с научными степенями, что он ещё не готов к тому, чтобы претендовать на учёную степень. Вполне сложившийся и самостоятельный Холодковский понял, что на кафедре профессор всё ещё воспринимает его как начинающего «научного мальчика»... Расхождения во взглядах привели к тому, что Холодковский пробыл ассистентом менее двух лет. В начале мая 1885 года Холодковский ушёл с кафедры, совсем не представляя, как ему далее зарабатывать на жизнь и где реально заниматься научной работой.

И только осенью этого же года появилось интересное предложение. Лесной институт Санкт-Петербурга объявил конкурс на место доцента по курсу зоологии. 23 октября 1885 года на объявленное место был избран Холодковский. В дальнейшем в присутствии совета и множества студентов в качестве пробной лекции Холодковский читал о партеногенезе – форме полового размножения, заключающейся в развитии яйцеклетки без оплодотворения, свойственной многим беспозвоночным животным (дафниям, коловраткам, тлям, пчёлам и др.) и многим семенным и споровым растениям. Лекцию приняли с восторгом. Совет и студенты сразу же оценили, что в Лесной институт пришёл глубоко образованный, начитанный и великолепно знающий материал молодой учёный, к тому же владеющий правильной русской речью и умеющий держать аудиторию в напряжённом внимании.

30 мая 1886 года на физико-математическом факультете Петербургского университета Холодковский защитил диссертацию на учёную степень магистра зоологии и сравнительной анатомии на тему «Мужской половой аппарат чешуекрылых». Диссертация была написана на основании изучения жизни бабочек, распространённых в окрестностях Петербурга.

Для экономии времени Николай Александрович снял квартиру в Лесном – так назывался район Петербурга, в котором располагался Лесной институт. Место было тихое, уютное, очень красивое.

Племянница хозяйки квартиры пригласила однажды к себе свою соученицу по частному пансиону Евгению Ивановну Мунте фон Моргенштерн. Хозяйка представила Евгении Ивановне Холодковского. Николай Александрович узнал, что Женя сирота, рано лишилась родителей, что воспитывает её очень строгая и скупая тётушка. После выпуска из пансиона, где она свободно освоила французский и немецкий языки и чуть хуже английский, Евгения Ивановна стала домашней учительницей.

Первая же встреча пробудила у Николая и Евгении взаимную симпатию, которая довольно быстро переросла в большое чувство. Холодковский сделал предложение, и оно было принято. В этом же 1886 году молодые соединили свою судьбу. Жена подарила потом Холодковскому двух детей: Бориса (1887) и Наталию (1891).

Николай Александрович много и продуктивно работал. В этом была большая заслуга его жены, освободившей мужа от постоянных каждодневных хозяйственных мелочей.

В тот момент, когда за курс зоологии в Лесном институте взялся Холодковский, эта дисциплина среди профессоров и студентов традиционно считалась второстепенной. Однако Холодковский так не думал. Он учёл особые потребности лесного дела в зоологии и сосредоточил своё внимание на насекомых, являвшихся вредителями леса. Холодковский собирает коллекции насекомых, prepares отдельные анатомические препараты и срезы на микротоме, наблюдает, анализирует и систематизирует образцы повреждения насекомыми деревьев отдельных лесных пород.

Малозаметный второразрядный курс зоологии под его руководством разросся в целых три курса, рассчитанных на три года преподавания: курс зоологии, курс энтомологии и курс биологии лесных зверей и птиц. Параллельно с расширением преподавания разрасталась лаборатория как по количеству работавших в ней сотрудников, так и по накопленным результатам работы. Собранные коллекции разрослись в музей позвоночных животных и энтомологический музей (музей насекомых). С течением времени в Лесном институте курс зоологии превратился в кафедру, которая затем распалась на две самостоятельные: зоологии и энтомологии и биологии лесных зверей и птиц (Холодковский вторую кафедру поручил возглавить своему ассистенту А.А. Силантьеву).

Помимо преподавания в Лесном институте, Холодковский в 1886–1887 годах читал лекции по зоологии позвоночных на высших женских курсах, а в 1888–1889 годах приват-доцентские курсы по сравнительной эмбриологии, введению в зоологию и о воздуходышащих суставчатых животных в Санкт-Петербургском университете.

Поскольку Холодковский жил в прекрасном парке Лесного института, его научные интересы возникали в полном смысле слова от одного взгляда на окружающую его природу. Самыми большими губителями леса были короеды. И Холодковский решил окунуться в их поистине бездонное море. Он исследовал связь между формой ходов и происхождением отдельных групп короедов и составил схему генезиса ходов короедов (1888). Изучался Холодковским также короед-типограф на сосне (1898). В 1909 году им была написана обширная статья о жизни короедов по новейшим исследованиям. Николай Александрович обратил внимание лесоводов на работы П.М. Кевдина и И.Я. Шевырёва (1897). Эти учёные опровергли выводы немецких энтомологов о роли вентиляционных отверстий для обмена воздуха в ходах ряда короедов.

Ассистенты Холодковского по кафедре зоологии Лесного института внесли большой вклад в изучение жизни короедов. Так, И.Я. Шевырёв, работавший на кафедре с 1887 по 1896 год, уже в начале своей деятельности издал первый в России «Определитель короедов». В последующий период другой ассистент Холодковского, П.П. Спесивцев, выпустил в 1913 году значительно расширенный «Практический определитель короедов главнейших древесных пород европейской России». Немало способствовали появлению этих ценных трудов чуткость, внимательность Николая Александровича и доброжелательная творческая атмосфера, умело поддерживаемая им.

Плодотворным было и сотрудничество доцента Н.А. Холодковского с ассистентом А.А. Силантьевым, преподавателем охотоведения в Лесном институте. В 1901 году вышла их книга «Птицы Европы». В ней даны определитель и атлас европейских птиц, описаны способы препаровки птичьих шкур и набивки чучел, методы коллекционирования. Книга занимает 867 страниц, снабжена цветными иллюстрациями и не потеряла своего значения до настоящего времени.

После короедов Холодковского привлекли хермесы – мелкие насекомые, наносящие большой вред хвойным деревьям. Первые публикации о них относятся к 1888 и 1889 годам, а завершаются исследования обобщающей монографией «Хермесы, вредящие хвойным деревьям». Это самый большой научный труд Холодковского. Он посвятил ему 30 лет своей жизни. Экспериментальные работы проводились в Петербурге в парке Лесного института и в Эстонии в Меррекуле и в парке имени Вайвари около Нарвы.

Хермесы на концах ветвей деревьев образуют шишкообразные наросты (галлы), большое количество которых обезображивает дерево. Поражение же значительного количества побегов часто приводит к усыханию молодых деревьев, что связывают с нарушенным процессом ассимиляции. Холодковский не только раскрыл морфологию и экологию жёлтого, лапландского, зелёного и других хермесов, но и описал семь новых видов этих насекомых, два из которых систематики выделили в особый род, носящий имя ученого (*Cholodkovskaya viridana* и *Cholodkovskaya viridula*). Весьма ценным в упомянутой монографии является раздел «Вред от хермесов и способы борьбы с ним». В разделе описаны все виды вредного воздействия хермесов на хвойные деревья: галлообразование, сосание на коре и на хвое. Косвенный вред состоит в том, что общее ослабление состояния деревьев приводит к поселению на них ещё более вредных насекомых – слоников и короедов.

Труд Холодковского по изучению хермесов дал основание для рассмотрения целого ряда теоретических вопросов общей биологии – таких, как критерии вида, возможность девственного размножения, влияние внешних факторов на изменчивость. После биологов-ботаников Холодковский ввёл в зоологию понятие биологического вида (1910, 1912). Он подчеркивал, что в качестве критерия вида нельзя придавать главенствующее значение морфологическим различиям. Без биологических критериев невозможно решить вопрос о самостоятельности вида. Изучая хермесов, Холодковский отмечал, что выделение нового вида возможно только после изучения всех стадий цикла жизни насекомого.

Свою докторскую диссертацию Н.А. Холодковский готовил по эмбриональному развитию пруссака-таракана. 1 декабря 1891 года на физико-математическом факультете Петербургского университета он блестяще защитил диссертацию и получил похвалу знаменитых оппонентов – эмбриолога

профессора А.О. Ковалевского и зоолога профессора Н.И. Вагнера. 27 января 1892 года Совет университета утвердил это решение. Через месяц Холодковскому исполнилось 34 года.

Николай Александрович любил своё дело, отдавался ему целиком и никогда не искал «дешёвого авторитета» у студентов. В первые годы его преподавательской деятельности студенты по инерции плохо готовились к второразрядному экзамену. Ничего не знавшим студентам Холодковский на экзаменах ставил «неудовлетворительно». Самонадеянные недоросли позволили себе освистать его на одной из лекций. Николай Александрович перенёс это внешне спокойно, даже флегматично, но требований не ослабил. Он пошёл другим путём – путём интересного преподавания и раскрытия научной глубины и значимости предмета. Он считал, что сам должен знать о лесе всё: его древесные породы, цветы и травы, лесных зверей, птиц, насекомых. Для того чтобы научиться различать птиц и по внешнему виду, и по их голосу, он завёл знакомство с птицеловами и на собственные деньги собрал замечательную коллекцию лесных птиц. Тщательно изучив птиц, научившись по слуху различать их голоса и узнавать их, Холодковский выпустил затем всех своих купленных птиц на волю..

Зато, когда Холодковский водил студенческую экскурсию по лесу, это всегда было настолько интересно и увлекательно, что он быстро сделался неизменно любимым и уважаемым педагогом. Быстрое завоевание авторитета среди педагогов подтверждается тем, что его трижды с 1887 по 1893 год избирали секретарём Совета Лесного института.

Холодковский давно мечтал посетить Германию, так как именно в этой стране зародилась и была наиболее развита зоология, в том числе лесная зоология. Ему хотелось сравнить собственные научные интересы и проверить широту и актуальность научных планов кафедры с соответствующими планами старейших лесных академий. В июне-июле 1892 года такая возможность представилась. Министерство государственных имуществ, которому подчинялся Лесной институт, удовлетворило просьбу Холодковского и предоставило ему командировку в Германию и Австрию.

Поездка в эти страны позволила Холодковскому глубоко проанализировать современное состояние зоологической науки, сравнить её состояние в России с передовыми зарубежными научными учреждениями, сформулировать её задачи и особенности.

Холодковский подробно изложил свои взгляды в отчёте, опубликованном в ежегоднике Лесного института (вып. 5, 1893). Он считал, что зоологию следует преподавать в специализированных высших учебных заведениях, лесных и медицинских институтах, причём и теоретические, и прикладные курсы этой дисциплины должны быть самостоятельными, более сокращёнными по сравнению с университетскими курсами, но с особым акцентом на разделы, связанные с прикладным значением зоологии в лесном деле или медицине.

Холодковский подчеркнул, что преподавание зоологии в России по размаху и глубине не уступало таковому в лучших немецких академиях. Более того, в лесных академиях и на лесных факультетах немецких университетов (за исключением Тарандской академии в Саксонии) не преподавался, как в России, обязательный курс лесной энтомологии.

В Германии преподавание зоологии в лесных академиях было поставлено лучше, чем на лесных факультетах университетов. Академии размещались непосредственно в лесных массивах, располагали лесными дачами, лесными

питомниками, специальными музеями, многочисленными подсобными хозяйствами и средствами их обработки, а университеты занимали скромную городскую территорию, были удалены от лесных массивов и не обладали практической наглядной базой прикладной науки.

В ту же пору в России активно готовили план закрыть Петровскую земледельческую и лесную академию и передать её функции агрономическим факультетам университетов. В своем отчёте о поездке в Германию Холодковский коснулся и этого вопроса, резко отрицательно отозвался о таком плане и на примере лесных академий и лесных факультетов университетов Германии убедительно доказал преимущества преподавания прикладной науки в специализированном, хорошо оснащённом учебном заведении. Есть сведения, что глубокий аргументированный анализ Холодковского решил судьбу Петровской академии в пользу её дальнейшего существования с целью осуществления больших самостоятельных научных и прикладных задач.

За год до командировки в Германию и Австрию из Военно-медицинской академии пришла весть о смерти профессора Э.К. Брандта. Холодковский пригласили возглавить в академии кафедру зоологии и сравнительной анатомии. Николай Александрович согласился. А через год, в августе 1892 года, приказом по военному ведомству его назначили профессором Военно-медицинской академии. Одновременно Н.А. Холодковский продолжал работать и в Лесном институте.

В Военно-медицинской академии наряду с преподаванием теоретической сравнительной анатомии животных Холодковский сосредоточил внимание на специальном разделе зоологии – паразитологии, имеющем большое научно-прикладное значение.

В одной из своих работ, оставшейся почти незамеченной, Холодковский обобщил свои исследования анатомии вшей и доказал, что эти насекомые имеют не колющий, а сосущий аппарат, что до сего времени имеет большое практическое значение в плане борьбы с педикулёзом и возвратным тифом.

Из класса червей Холодковского увлекли паразиты, вызывающие у человека глистные инвазии. Он собрал оригинальную коллекцию этих паразитов, изучил их, систематизировал, описал, представил в виде роскошной музейной коллекции и выпустил о них трёхтомный атлас, который замысливался как определитель гельминтов, но по тщательности и глубине описания и научному уровню поднятых в нём вопросов до настоящего времени является прекрасным атласом и одновременно монографией мирового уровня.

В 1897 году Холодковский побывал в заграничной командировке во Францию, на побережье Ла-Манша, где он изучал морскую фауну и собрал хорошую коллекцию морских животных, значительно расширившую демонстрационный музей Военно-медицинской академии.

В декабре этого же года умер его отец. Ни минуты не колеблясь, Холодковский взял на своё попечение двух тяжелобольных младших братьев – Петра и Владимира.

В 1900 году семья Холодковских покинула обжитую квартиру в Лесном и переехала на Загородный проспект. Сын Борис достиг школьного возраста. Чуткий и деликатный отец меняет квартиру в интересах сына, хотя для самого профессора дорога от дома до работы в обоих институтах и обратно домой стала очень осязаемой и по расстоянию, и по времени. Зато с момента переезда на новую квартиру Холодковские на лето стали выезжать на дачу в Мерекюль, близ Нарвы. Так продолжалось вплоть до 1908 года.

В 1902 году Холодковского наконец утвердили профессором и в Лесном институте, где он преподавал уже 17 лет и куда уже 10 лет входил профессором Военно-медицинской академии, оставаясь в Лесном институте всё ещё доцентом. Это было связано не с недооценкой научных трудов, преподавательской деятельности и личности Холодковского. Просто штат профессоров в этом институте был в это время уж очень небольшим. Потребовалось особое ходатайство Совета института, в котором педагогические и научные заслуги Николая Александровича оценивались очень высоко.

В этом же 1902 году в императорском Александринском театре был поставлен драматический спектакль – «Фауст» Гёте в переводе Холодковского. Следует отметить, что перевод для постановки выбирали П.П. Гнедич и В.Ф. Комиссаржевская, которой была поручена роль Гретхен. Перевод Николая Александровича был признан лучшим (заметим, что Холодковскому «проиграл» даже профессиональный поэт А.А. Фет). Все шесть сыгранных в этот год спектаклей имели очень большой успех, особенно запомнилась зрителям Гретхен в исполнении Комиссаржевской.

Чтобы почувствовать, насколько красив и глубок был поэтический труд Холодковского, приведём фрагмент его перевода заключительного монолога Фауста:

Жизни годы

Прошли не даром; ясен предо мной

Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идёт на бой!

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной

Дитя, и муж, и старец пусть ведёт,

Чтоб я увидел в блеске силы дивной

Свободный край, свободный мой народ!

С 1908 по 1914 год Холодковский выезжал с семьёй на всё лето в Швейцарию (только в 1912 году он ездил туда один в связи с научной командировкой). Но и на отдыхе Николай Александрович много и с увлечением работал. Он брал с собой целую лабораторию ёмкостей и приспособлений для проведения научных исследований, много папок с наметками будущих трудов. Холодковский и на отдыхе писал научные статьи, собирал, определял и анализировал насекомых, составлял и систематизировал их коллекции, собирал цветы, ягоды, подмечал жизнь лесных зверей и птиц, писал об этом не только научные, но и научно-популярные статьи, переводил научные работы и стихи иностранных авторов, сочинял собственные стихи.

В эти же годы, кроме постоянной работы в двух институтах, Николай Александрович находил время для активного участия в работе научных обществ. Он был избран почётным президентом Международного энтомологического общества, состоял членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, Биологического, Антропологического и Русского энтомологического обществ. Кроме того, он выступал популяризатором естественнонаучных знаний во многих журналах: «Заграничном вестнике», «Северном вестнике», «Русском богатстве», «Мире божьем», «Научном обозрении», «Ежегоднике лесного института», «Известиях ВМА», «Любители природы», «Лесном журнале», «Природе» и в других изданиях.

Холодковский очень любил книги, стихи, музыку, театр, шахматы и все виды деятельности, связанные с иностранными языками. Его любимыми писателями были Пушкин, Белинский, Островский, Толстой, Достоевский (с Фёдором Михайловичем Николаем Александрович был знаком лично), Шекспир, Диккенс, Гёте, Гейне и даже сказочник Андерсен. Он писал стихи сам и переводил с иностранных языков поэзию классиков и поэзию научных работников, он знал по-немецки наизусть «Фауста» и собрал интереснейший комментарий об авторе, эпохе и героях произведения. А сколько он читал, анализировал и писал специальной литературы!

В 1909 году, в возрасте 51 года, Холодковского утверждают в звании заслуженного профессора. В этом же году Санкт-Петербургская академия избирает его своим членом-корреспондентом, а в 1911 году его избирают академиком Военно-медицинской академии.

Казалось, наступили дни признания. Можно было помечтать. Холодковский вынашивал план научной командировки в Индию и на Цейлон (Шри-Ланку), где ему хотелось пополнить свои знания и собрать коллекции флоры и фауны тропиков.

Летом 1914 года Холодковский с семьёй отдыхал в Швейцарии, когда грянула Первая мировая война. Они перебрались из Энгадина в Лугано, затем в Венецию и уже морем достигли Одессы. Несмотря на тревогу за родину, за семью, на желание скорее привезти семью живой и здоровой в Россию, Холодковский стал участником длительного сухопутного и морского путешествия, и оно обогатило его большими впечатлениями. Сходя на берег в Одессе и поднимаясь по ступеням знаменитой лестницы, Холодковский и не подозревал, что совершил последнее путешествие в своей жизни.

Мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, гражданская война – всё это повлияло на жизнь страны тяготами, лишениями, разрухой в производстве и экономике. Для того чтобы обеспечить семью, Холодковский в этот период очень много работал, а шёл ему уже седьмой десяток. В это время он принял руководство третьей кафедрой – в Каменноостровском сельскохозяйственном институте.

Но здоровье Н.А. Холодковского неожиданно ухудшилось. Вскоре по состоянию здоровья пришлось оставить кафедру в Каменноостровском сельскохозяйственном институте, затем в Лесном, а осенью 1920 года Николай Александрович прочитал последнюю лекцию в Военно-медицинской академии. Злой недуг приковал его к постели. 2 апреля 1921 года, на 64-м году жизни, Холодковский скончался.

Последней научной работой учёного была его брошюра «Майский хрущ», где описаны биология и морфология насекомого и меры борьбы с этими вредителями леса. Брошюра была напечатана в 1921 году. А уже после смерти Николая Александровича, в 1922 году, очень небольшим тиражом вышел сборник «Гербарий моей дочери», где были собраны его стихотворения о природе, луговых и лесных цветах («Белоцвет», «Герань», «Земляника», «Черёмуха», «Черника» и др.)

Проходит много лет после смерти учёного, и энциклопедии кратко суммируют содеянное.

Холодковский Николай Александрович родился 19 февраля (3 марта) 1858 г., умер 2 апреля 1921 г. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1909), академик Военно-медицинской академии (1911), профессор кафедры зоологии, сравнительной анатомии и паразитологии Военно-медицинской

академии (1891), профессор кафедры зоологии Петербургского Лесного Института (1902), профессор Каменноостровского сельскохозяйственного института (1920), лауреат полной премии А.С. Пушкина, присуждаемой Российской Академией наук (за перевод «Фауста» Гёте – 19 октября 1917 года), биолог-дарвинист, морфолог и сравнительный анатом, эмбриолог, зоолог, основоположник отечественной медицинской паразитологии, гельминтологии и лесной энтомологии, исследователь вопросов научного творчества, талантливый переводчик стихов, пьес, прозы, поэт, основатель энтомологического музея и музея позвоночных животных в Лесном институте, коллекции паразитических червей в Военно-медицинской академии, автор 11 учебников и руководств, многие из которых выдержали несколько изданий, редактор и переводчик 12 научных монографий, автор 180 оригинальных научных статей, более 50 научно-популярных и критических статей, переводчик Гёте, Шекспира, Байрона, Габбе, Мадача, Липинера, Мильтона, Геббеля, Шиллера, Гейне, Лонгфелло, Ленау и других авторов.

Даже при жизни Николая Александровича многие из его современников не знали, что Холодковский-учёный и Холодковский-поэт не родственники и не однофамильцы, а один и тот же человек, обладающий редким сочетанием талантов. Изумимся и мы трудолюбию, целеустремлённости и многогранному таланту русского учёного с душой поэта.

ПОЭЗИЯ

Тамара ЛИСИЦКАЯ

Тамара Павловна Лисицкая – член Союза писателей России и Академии российской литературы. По образованию – юрист, по призванию – библиотечный работник. В настоящее время на пенсии. Автор поэтических сборников и многочисленных публикаций в альманахах и газетах. Лауреат нескольких поэтических и общественных премий.

Живёт в Москве.

Храни, Господь, святую эту землю!..

Утро в деревне

Густой туман окутал дол и речку,
Купает травы в утренней росе,
Привольное, спокойное местечко –
Мечта художника во всей красе.

Задира-ветерок листвою играет,
В овраге распевает соловей:
Как угодить сладкоголосый знает
Своей подружке и округе всей.

Барашки-облака, толпясь, пасутся,
Выходит солнце жажду утолить,
Кричит петух – зовёт людей проснуться,
На пастбище скотину проводить.

Досматривает сны моя деревня,
Перед трудами отдыхает Русь...
Храни, Господь, святую эту землю!
Любя её, и я душой спасусь...

Моя Россия

У каждого – своя Россия,
Моя – избушка в три окна,
Хоть неказиста, но вместила
В себя понятие «страна»,

И в памяти всегда со мною:
Строй грядок, под окном – сирень,
Зимой – морозы, а весной
Капелей и синичек звень.

С годами стала меньше горка –
Услада детских зимних дней,
Нет дома, но жива сторонка,
И езжу я на встречу с ней.

Чтоб окунуться снова в детство,
В счастливость беззаботных лет,
В край, данный предками в наследство,
Которого милее нет.

Забыв забот никчёмных грудю,
Я причащаюсь из ключа,
Вдыхаю чистый воздух грудью,
Недугов сонмы враз лечу.

И сколько б годы ни мелькали,
Смотрю – никак не посмотрюсь
На неба высь, лесные дали,
На землю под названьем Русь!

Моя стезя

Край приволжский, край берёзовый,
Заревой расцвет мой розовый
И наивные мечтания
О любви и о призвании.

Жизнь мелькала пёстрой птицею,
В колее крутилась спицею:
Не хватала с неба звёздочек,
Не искала торных тропочек.

Не пряма, крута стезя моя,
Спотыкалась – поднималась я...
Испытанья – полной мерою,
В справедливость Божью верую.

Я к несбывшимся мечтаниям
Приезжаю на свидания
В край приволжский, в край берёзовый
За стихами и за прозою.

Добрая память

Быт послевоенный – семьи без отцов.
От мужчин погибших – только память,
Письма треугольные, рыдания вдов
Да на душах от сиротства замять.

Беззаветно чтили дорогих бойцов,
Тех, что не вернулись с поля боя,
И висели фото вместо образов,
И сиял над каждым нимб героя.

Не пришли солдаты под родимый кров,
Но детей достойно воспитали –
Под защитой доброй памяти отцов
Правильные люди вырастали!

ПРОЗА

Татьяна ЧЕРНОВА

Челюсти Мазая

Иван Максимович прожил в своей деревне всю жизнь с самого рождения. Исключением стали военные годы, когда он, тридцатилетним, ушёл на фронт, да несколько лет московской послевоенной жизни. Пройдя всю войну, он не был даже ранен и, вернувшись с фронта, поступил в Московскую сельскохозяйственную академию по льготам, представляемым фронтовикам. Там познакомился со своей будущей женой, Галиной, которая была на пять лет моложе его. Окончив учёбу, они поженились, и Иван остался в Москве.

Галина (Иван звал её Галкой) оказалась очень активной и жизнелюбивой девушкой с лёгким и весёлым характером. С ней невозможно было поссориться: все недоразумения она разрешала шутками и поцелуями. Она успевала везде: работала и участвовала в кружке самодеятельности, летом ездила вожатой в пионерские лагеря, занималась плаванием, а зимой по выходным вытаскивала любящего поспать Ивана на лыжные прогулки в Сокольники. Но главным её увлечением был парашютный спорт, и ему она уделяла большую часть своего свободного времени.

Жили они вместе с родителями Галки, которые приняли Ивана как родного. Он работал в одной из научных лабораторий города вместе с Галкой и, получается, они были просто неразлучны.

Люди постепенно привыкали к мирной жизни и наслаждались ею. Но случилось непоправимое. Солнечным прекрасным, весенним утром на одном из подмосковных аэродромов у Галины не раскрылся парашют, и она разбилась...

Иван пережил гибель жены очень тяжело. Находиться в квартире, где они были счастливы, он не мог и, несмотря на уговоры Галкиных родителей, у которых она была единственной дочерью, стал собираться в свою деревню. Его не прельщала намечавшаяся удачная карьера в Москве, которую ему пророчили: не для кого стало жить. Иван оказался однолюбом и, когда друзья пытались познакомить его с какой-либо девушкой, он,

Татьяна Михайловна Чернова – поэт, прозаик. Коренная москвичка. Окончила технический ВУЗ, работала инженером. Стихи писала «в стол» до 2013 года, в котором сделала первую публикацию на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Татулита. Была номинирована на премию «Поэт года – 2014» и «Поэт года – 2015», а также на премию «Наследие». Автор сборников стихов «Акварельные сны» и «Во сне и наяву». Член МГО СП России, член Российского союза писателей. Есть дипломы и грамоты за участие в конкурсах МГО СП России. Победитель в номинации «Лучшие поэты и писатели 2014 года» с вручением статуэтки «Золотое перо», победитель конкурса «Литературное достояние России 2015 года» с вручением медали Международной премии «Литературный Олимп».

Живёт в Москве.

повстречавшись с ней несколько дней, больше не звонил и просил друзей оставить его в покое: ведь ни одна из них не шла ни в какое сравнение с его Галкой...

Приехав в деревню, он как выпускник столичного ВУЗа, да ещё и с опытом работы по специальности, был приглашён на должность главного агронома в областной центр, где и проработал до самой пенсии. Жил он в старом доме своих родителей, которые умерли ещё до войны. Дом был запущен, и Ивану пришлось немало потрудиться, чтобы привести его в порядок. Хозяйку себе Иван в дом так и не привёл...

Много лет прошло с тех пор, и дом, как старый человек, начал «сдавать» – то крыша прохудится, то провалится половица, то дверь перекосит. Да и сам Иван, теперь – Иван Максимович, изменился: постарел, стал чудаковат, немногословен, но остался так же чуток и отзывчив на просьбы односельчан.

Его любили все: и дети, и взрослые. Он много знал, мог помочь в трудную минуту, готовил из трав замечательные лечебные настои, за которыми к нему обращалась вся деревня, и он никому не отказывал. А мальчишки, которым по разным, порой всем известным, причинам не хватало дома мужского внимания, были частыми гостями (да, что говорить – хозяевами) в его доме.

На пенсии Иван Максимович занялся садом. Заменял все состарившиеся и погибшие плодовые деревья новыми сортами, а так как с тех пор прошло много лет, то теперь он имел прекрасный плодоносящий сад, выращенный с большой любовью. А яблоки у него были самыми вкусными в деревне.

В иные годы урожай был таким, что Иван Максимович раздавал яблоки соседям, развезжая по деревне на старом трофейном велосипеде, привезённом им из Германии. Этот велосипед был предметом зависти мальчишек, несмотря на то, что предназначался он для девушек или женщин, которые могли ездить на нём в платье, а чтобы юбка не попадала в спицы заднего колеса, там была установлена защитная сетка радужной расцветки, ярким пятном украшающая весь облик этого чёрного с золотом, лакированного велосипеда с большими колёсами и очень мягким седлом из натуральной кожи.

Иван Максимович ездил на нём долгие годы, но от этого велосипед не потерял своих ходовых качеств и привлекательности. Но однажды, не заправив, как обычно, брючину в носок, он зацепился штаниной за цепь. Штанина застряла в цепи и он упал... Да так неудачно, что сломал ногу и срослась она неважно, после чего Иван стал хромать. А велосипед без дела остался в сарае.

Шли годы. Иван Максимович, как и его старый дом, начал прихварывать: то спину перенатужит, то одышка не проходит... А тут ещё начались проблемы с зубами. Корни их начали болеть, в «дупла» попадали остатки еды, и дёсны воспалялись. Пришлось ехать в город к знакомому врачу. Тот, посмотрев зубы, покачал головой и сказал:

– Максимиыч, припоздал ты с зубами-то: ничего уж сделать нельзя. Внизу я тебе всё почию. А вот сверху придётся все зубы удалять: совсем пропали они...

Так и сделал. А, когда во рту всё зажило, Иван Максимович опять поехал в город, и врач сделал ему замечательный зубной протез. С ним жизнь пошла совсем по-другому. Раньше он не мог ни огурчиком похрустеть, ни бараночками с чаем полакомиться, ни косточек погрызть, оставшихся после варки холодца, который Иван так вкусно готовил. Теперь он вновь стал получать удовольствие от еды. А в его возрасте это много значило. Он очень дорожил своими новыми зубами, про себя называя их «акульей челюстью», но никогда

ни перед кем не хвастался ими, стесняясь, что все будут думать о том, как он на ночь вынимает их изо рта и кладёт в стакан с водой, что он, впрочем, заботливо делал каждый вечер.

Вот так и жил Иван Максимович в своей деревне со своими заботами и маленькими радостями, никого собой не обременяя, справляясь со всеми бытовыми проблемами и всё чаще его навещающими старческими болячками – спокойно и размеренно, но по-прежнему одиноко...

В то время в деревне многие стали заводить кроликов: и мясо, и шкурки были заметным подспорьем в жизни сельчан. Иван Максимович живности не держал: съесть выращенное им самим животное было для него просто невозможным. Это всё равно, что съесть его кошку Мурку или Боцмана, дворняжку, что жила с ним уже десять лет. А соседские кролики, будто догадываясь о гуманности Ивана, нагло пролезали сквозь щели в штакетнике старого забора к нему на участок и оставались там.

Сначала он ходил по деревне и искал хозяев, а потом, передумав, стал содержать беглецов в своём сарайчике, куда они через несколько лет с трудом стали вмещаться... А хозяйева спасшихся от съедения кроликов не искали их: всем известна способность этих животных к размножению и потеря одного – двух крольчат была неощутимой.

Вот тогда Ивана Максимовича и стали называть Дедом Мазаем, по аналогии с героем известного рассказа. Да и по возрасту Иван давным-давно мог быть дедом. Но не довелось... Потом слово «Дед» каким-то образом почти забылось, и взрослые стали звать его просто «Мазай», а дети по-прежнему – «Дед».

Однажды Мазай собирал яблоки в саду. Набралось уже несколько мешков. Он устал и, присев на скамеечку возле стола под огромной грушей, выбрал самое красивое яблоко и, с хрустом откусив от него большой кусок, осмотрелся по сторонам. Август... Тепло... Но первые жёлтые листочки золотятся среди потемневшей, уставшей листвы. Небо высокое, просторное, светлое... Хорошо!

Вдруг он почувствовал боль в десне. Вынул свой зубной протез – разгрызенное семечко от яблока попало под него. Мазай палочкой вычистил остатки зёрнышка из своей «акульей челюсти» и, вымыв её в бочке с дождевой водой и положив на стол, отправился добирать оставшийся урожай.

Прошёл час, а может, больше. Мазай проголодался. Снял на пороге резиновые калоши и, оставшись в толстых шерстяных носках, зашёл в дом. В печке томилась каша со свининой. Он достал чугунок, поставил на стол и снял крышку: дивный запах мяса, гречневой каши и немного пригоревшего лука облачком вырвался наружу и, достигнув ноздрей, вызвал у Мазая огромное желание поесть. Сглотнув слюну, половником зачерпнув добротную порцию, выложил её в свою любимую глубокую, железную миску. И вдруг вспомнил: зубной протез остался в саду на столе... Чем жевать?! Дед, не торопясь, прикрыл крышкой чугунок и плоской тарелкой свою миску, надев калоши, вышел во двор.

Боцман носился вокруг стола, неистово лая. На столе сидела здоровенная ворона и держала в клюве дедов протез. Увидев приближающегося человека, тяжело взлетела, унося с собой Мазаево «сокровище». Дед кинул вслед палку – напрасно... Ворона села на сосну за забором и, вертя головой, не выпуская протез, смотрела вниз. Не раз Мазай пытался попасть в неё палкой, но слишком высоко сидела птица... Затем, выдержав ещё несколько минут своего триумфа, ворона торжественно улетела в лес.

Дед вернулся в дом, забыв снять калоши. Аппетит был испорчен. Он съел несколько ложек каши, выбирая оттуда мясо, жевать которое было трудно. Потом, в сердцах хлопнув ладонью по столу, встал и снова вышел наружу, захватив по пути с полки в сенях бутылку самодельного кваса. Посидел, покурив, выпил почти весь квас, зашёл в дом и улёгся спать.

Когда Мазай проснулся, солнце уже начало садиться, розовым цветом окрашивая стволы берёз и сосен, белые «паруса» простыней, сушившихся на верёвке, протянутой меж двух, ещё совсем зелёных, клёнов... И небо над головой: чистое-чистое с несколькими «барашками» на нём... Красота!..

Мазай вышел на улицу. Мальчишки шумной ватагой направлялись к нему: прохудилась их старая, общая лодка и надо было её законопатить, а никто, кроме Мазая, делать это так хорошо не мог. Пошли к пруду. Мазай перевернул лодку вверх дном, и они начали работать. Через какое-то время Мазай закурил и, внезапно выронив папиросу из беззубого рта, вспомнил о своей утраченной челюсти. Её отсутствие приносило Деду забытые неудобства и раздражало его.

И тут его осенило! Ведь мальчишки носятся везде, и их так много в деревне! Он попросит их отыскать похищенное «сокровище», а тому, кто найдёт, подарит ценный подарок – свой велосипед, что совсем заскучал в сарае. Конечно! Он так и сделает!

Рассказав ребятам о том, что нужно найти, он не сказал напрямую о награде, но достаточно прозрачно намекнул о ней. Мальчишки заинтересовались и, закончив с лодкой, разбежались по домам. Их лёгкий топот вскоре за тих вдали, и Дед опять остался один.

Вечерело. Над тёмным прудом навис редкий, прозрачный туман, и в него почти погрузилось большое оранжевое солнце, едва касаясь краем диска лёгкой ряби воды... Было тихо-тихо. И пока ещё тепло...

Мазай, вернувшись домой, поел немного остывшей каши, покряхтывая, влез на ещё не остывшую печку и уснул, предвкушая завтрашнюю радость от предстоящего возвращения челюсти на место. Ему снился сон, что он, тоже мальчишка, вместе с остальными бежит босиком к пруду. Ноги, лёгкие и быстрые, скользят по росистой траве, а они бегут, бегут навстречу огромному оранжевому солнцу, и сердце бьётся часто и радостно... Ночь пролетела быстро.

К девяти часам почти все ребята уже высыпают на улицу. Посоветовавшись, разбежались на поиски в разные стороны. Где только не искали они пропавшую челюсть: и на деревьях, и в кустах, и на крышах сараев, и в поле, и у пруда – нигде её не было...

А среди ребят был один мальчишка, которого они долго не принимали в свою компанию. Звали его Пашка, очень смыслённый, но слишком маленький, чтобы участвовать во всех мероприятиях наравне с другими пацанами, которым было по 11–14 лет. Пашке не было ещё и семи лет. Только должно было исполниться в середине сентября. По этой причине его не принимали в школу, пока директор не убедилась в его довольно раннем развитии и, в порядке исключения, зачислила его в первый класс. И Пашка с нетерпением ждал 1-го сентября, которое, по его мнению, возвысит его в среде пацанов уже только одним званием: «школьник».

Вместе с остальными Пашка с рвением приступил к поискам: очень уж ему хотелось получить этот велосипед и тем самым занять достойное место среди старших ребят. Он лазил по сточным канавам, поилкам для коров, куда

часто залетали птицы; искал на сеновале, на зерноскладе. Везде... Безрезультатно. Он обшарил все известные ему дупла и в одном из них даже нашёл старые, ржавые, когда-то блестящие, часы. Но челюсти нигде не было.

Пашка задумался. Что за челюсть! Мазай ничего не сказал, какая она. Как выглядит? Только попросил найти... Пошёл к отцу, спросил, что такое «челюсть»? Тот ответил, что это кость, на которой находятся зубы и что челюсти есть у всех. Получив такой ответ, Пашка долго сидел, размышляя... Потом встал и вышел за калитку.

Тем временем и этот день подходил к концу. Опять вечерело. Стало прохладно: не так как вчера. И не было всё таким розовым и сказочным, как вчера... И полупрозрачные серые, перистые облака закрывали почти всё небо. Казалось, скоро пойдёт дождь. И только оранжевые, бледные отблески на глади пруда говорили, что именно туда: за пруд, за горизонт ушло солнце...

На крыльце своего дома сидел Мазай в окружении ребят и слушал их рассказы о поисках, не оправдавших его надежды. Мальчишки, испачканные и понурые, услышав скрип калитки, повернули головы и увидели медленно входившего в неё Пашку. Он, тоже уставший, держал одну руку в кармане так, что сжатый кулак ясно вырисовывался сквозь «жидкую», сношенную ткань его «треников».

– Дед! А ты, правда, отдашь «велик» за челюсть? – спросил он, исподлобья глядя на Мазая.

– Да, где ж она, челюсть-то? – вздохнул Мазай. – Не нашли нигде...

– Ты скажи, дед, правда, отдашь? – повторил Пашка.

– А, что я, врал когда? – Мазай удивлённо вскинул брови.

Ребята примолкли.

– Нет... – тихо сказал Пашка. – Ну, так давай велик! Вот она, челюсть!

И Пашка под взглядами замерших мальчишек вынул руку из кармана и все увидели на раскрытой ладони, на измятом листке лопуха маленькую кошачью челюсть с острыми клычками...

Как хохотал Дед Мазай! Как корчились от смеха, валяясь на траве, пацаны! Когда все успокоились, Мазай спросил Пашку: – «А почему ты решил, что мне нужна ЭТА челюсть»? На что тот ответил: – «А ты ведь не сказал, какая челюсть тебе нужна. Ну, вот я и принёс тебе эту»... Немного помолчав, чтобы отдышаться после смеха, дед спросил: – «Где ж ты взял её»? И вот что рассказал Пашка.

У них во дворе жила огромная собака. Очень злая и сильная. Её всегда держали на цепи и никогда не спускали. Но она всё-таки сумела укусить почтальона, когда тот принёс телеграмму и зашёл в калитку без звонка, который были вынуждены провести из-за злобного нрава Пыжика (так назвали пса, когда он маленьким, пушистым шариком появился у них шесть лет назад). Цепь была длинной и, отойдя немного назад, Пыжик выждал, когда почтальон пройдёт дальше, на охраняемую территорию, затем, в быстром броске, завалил почтальона и прокусил ему руку. Тот, правда, сразу вскочил и мгновенно ретировался... Потом приходил милиционер: родителям пришлось заплатить штраф и купить почтальону новую куртку вместо разорванной Пыжиком. Цепь после этого случая укоротили, но в калитку без звонка никто теперь входить не решался.

Так вот, этот Пыжик, как и все собаки, ненавидел кошек. Но хозяйскую толстую, рыжую Патрикевну любил и позволял ей даже вылизывать свою свирепую морду, жмурясь от удовольствия. Остальным кошкам, случайно

появившимся на участке, нельзя было позавидовать. Увидев чужую кошку, пёс с поразительной точностью сопоставлял длину своего броска с длиной цепи, этот бросок ограничивающей. И почти никогда у него не было осечки. Кошки гибли сразу: Пыжик огромной пастью хватал кошку за голову и прокусывал её. А оставшиеся в живых уползали за забор и там покидали этот мир.

Однажды бабушка Пашки, увидев загубленную Пыжиком кошку, взяла её за задние лапы и так набила ею по морде сконфуженного пса, что он несколько дней не выходил из будки. Но даже после такого наказания этот разбойник не прекратил жестокой охоты на кошек, но действовал он теперь очень осторожно и заметал следы своих преступлений необычайно хитрым способом.

Если на участке одновременно находился кто-то из хозяев и чужая кошка, этот бандит лежал с независимым видом, глядя в сторонку или на небо, и только тихий, глухой рык выдавал его отношение к ненавистной твари. Если же кошка появлялась в отсутствие хозяев, всё шло по отработанной хитрым Пыжиком схеме: прыжок, укус... И вот тут, как потом выяснилось, он внёс усовершенствование в свой ужасный промысел: начал прятать тела жертв, заметая таким образом следы преступлений.

К ним на участок несколько лет назад привезли целую машину песка: для огорода и для ремонта сарая, и высыпали песок недалеко от будки Пыжика. Получилась довольно большая куча. И вот в этой куче собака быстро рыла лапами довольно глубокую ямку, швыряла туда бедную кошку и носом ловко и тщательно зарывала место захоронения. Куча песка пролежала во дворе года три: ремонт сарая отложили. А для огорода песка потребовалось совсем мало.

Об этих проделках Пыжика так никто бы и не узнал, если бы этой весной Пашка не увидел вдруг под снегом, почти стаявшим с кучи песка, чей-то облезлый хвост. Пашка позвал отца, и тот вытащил за этот хвост то, что осталось от кошки... Пашку отправили домой, но он видел в окно, как отец, взяв лопату, перекопал всю кучу и нашёл там ещё шесть или семь тел загубленных кошек, которых закопал потом за забором, там где чуть дальше сажали картошку.

И тут Пашка вспомнил, что когда бабушка весной сажала картошку, то раскопав лунку, она увидела там кошачью челюсть. Наверное, Пыжик так хватил кошку за голову, что прокусил её и даже челюсть отвалилась. Пролежав в песке несколько лет, она освободилась от мяса и выглядела довольно чистой. Вот об этой челюсти и вспомнил умный Пашка, когда Мазай объявлял приз за находку.

Он стал рассуждать: Мазай просил найти челюсть, а чью – не сказал. А велосипед обещал. Он, Пашка, принесёт челюсть, и дед не сможет отрицать, что Пашка принёс не то, что дед просил. Ведь папа сказал, что челюсть есть у всех. А, может, она у всех одинаковая. А значит, дед должен будет выполнить своё обещание и наградить его, Пашку, таким прекрасным подарком. Пашка вздохнул... И, окрылённый, отправился на картофельные грядки.

Картофельная ботва совсем пожухла. Трава вокруг грядок подсохла, пожелтела и полегла. Под ней почти не просматривалась земля так, как это было весной. Но Пашку это не смутило, и он начал искать. Долго ковырял палкой утоптанную бабушкой землю и вдруг, бросив случайный взгляд на растущий рядом с грядками куст репейника, увидел на нём белеющую челюсть с острыми клычками! Она! Как попала она на куст?! Наверное, птица хотела

её унести, но что-то спугнуло птицу, и челюсть выпала из клюва. Или, может быть, бабушка, пропальвая картошку, увидела её и брезгливо бросила в сторону, угодив в злополучный куст... Как бы то ни было, челюсть есть! Пашка схватил её и, сполоснув в луже, завернув в лист лопуха, отправился к Мазай, где к тому времени уже собрались все другие, менее удачливые искатели «сокровища» Мазая.

Вот такой рассказ услышали ребята с дедом от взволнованного предстоящим событием Пашки.

«Ну, ты хитрец, Пашка! Ну, ты хитрец!» – усмехаясь и покачивая головой, проговорил Мазай. Усталое поднялся, пошёл к открытому сараю и скрылся в нём. Все замерли в ожидании. И вот дед Мазай выкатывает оттуда велосипед, подходит с ним к Пашке и говорит:

– Ты правильно сказал: слово всегда держать надо. Даже, если тебя пере-хитрили. Только ты сам помни об этом...

Вот так Пашка и заполучил вожаденный велосипед на зависть старшим пацанам. Но только относиться к нему после этого случая ребята стали с некоторым недоверием. А дед Мазай поехал в город, и ему сделали новый протез – лучше прежнего...

ПОЭЗИЯ

Рубен Семёнович Саркисов – родился 24 декабря 1960 г. Отец – инженер по авиационным двигателям, мать – закройщица. С 1978 по 1984 гг. обучался в Московском Авиационном Институте на факультете «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 гг. проходил службу в рядах вооружённых сил СССР.

Живёт в Москве.

Рубен САРКИСОВ

Поэзия русской души...

На Истринском водохранилище

Гладь водная спокойная
Зелёные леса
Природа бесподобная
Величье и краса

Со мной моя любимая
На лодке мы вдвоём
Любовь недостижимая
Мы с нею вдаль плывём

Вода тихонько плещется
Кольшется листва
Взаимость мне мерещится
И то едва-едва

Был счастья миг недолог
Ведь я не заслужил
Тот взгляд, что мне так дорог
Что душу мне пленил

***

Под пологом леса зелёным
Под сенью дубов и осин
Иду перелеском знакомым
В преддверии первых седин

Всё жду, что заушает леший
Шишига хихикнет в кустах
И я ускоряю шаг пеший
Пробрал меня чуточку страх

Как видно живёт ещё детство
В душе, что остыла чуть-чуть
Живёт русских сказок наследство
В которых неглазок был путь

Живой мир

Я знаю твердо, что застал наш мир живым
В нём чувства и мечты цвели благоухая
Не ведал я, что предстояло нам самим
Его губить, от жалости к себе вздыхая

В убитом нами мире существуем
Живые деловые мертвецы
Мы капли жизни у него воруюем
Из океана, что скопили нам отцы

Русская душа

Сливается с Русской природой
Поэзия русской души
Она не склонится пред модой
И песни её хороши

Я слышу симфонии роци
Я слышу напевы полей
Как много здесь света и мощи
Как много хороших людей

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

И льётся заветное слово...

Весна

1.

От стихов светлеют лица,
Ну и Слава Богу!
Отпусти меня, столица,
От себя в дорогу.
    Я весну хочу послушать,
    Свет её увидеть.
    И за город тянет душу,
    Так что без обиды.
Доберусь я до светлицы
Через лес да поле,
И стихи мои, как птицы,
Выпорхнут на волю.
    Вдоволь воздуха напиться –
    Я прошу немного,
    От стихов светлеют лица.
    Вот и Слава Богу!

2.

Я слушаю весну, затерянный ручей
Подтаявших снегов уносит воду.
Совёнок на ветвях качается ничей,
Явился в мир весне ликующей в угоду.

Я слушаю весну, разбужен почек сон,
Они готовы встретить праздник вербный,
И колоколен предпасхальный звон
Спасительно дарующего неба.

Анна Ахматова

*Комарово – Коломяки.
Души высокая свобода...*
А. Ахматова

Твой дух упокоился в камне,
И профиль из камня возник,
Свечою зажжённую память
Стихов отворяет родник.
    И льётся заветное слово
    Свободы высокой полно,
    Внимает стихам Комарово
    Пропитано ими оно.

Не плачьте

Нас призовут, черту переступая,
Ложимся, словно птицы, на крыло.
В часы, когда мы землю покидаем,
Не греет нас обители тепло.
Всё шире круг, всё реже крыльев взмахи,
Призывнее звучит небесный хор.
Земную боль, отбросив, как рубаху,
Подхватит душу ласковый простор.
Лиловый свет закатно разольётся
И поглотит собою плач земной.
Земле ведь только тело предаётся,
А душам уготован мир иной.
Не плачьте...

Боголюбиво

Два лебедя – сердце одно
Народное

Колокола венчали нас,
И это было в первый раз,
Когда к Покрову на Нерли
Мы, взявшись за руки, пришли.
    Как белый лебедь храм стоял,
    Он был началом всех начал.
    Два сердца любящих в одно
    Объединить ему дано.

***

Бывают дни, когда идём к молитвам,
Ища защиты: «Господи, прости!
Дай силы жить и к каждодневным битвам
Своим перстом, прощая, допусти».
Колокола звонят, и в их созвучье
Небесный знак и льётся благодать.
И утвердимся мы, когда получим
Благословенья светлую печать.

***

Будет свет и тень
На рисунке лета,
Ты и ночь и день –
Знаешь ли об этом?
Радуги цветов,
Грозовые ливни,
Через край любовь
Обозначит имя.

«Редкая» фамилия

Однофамилец

Первый раз я столкнулся со своим однофамильцем на первенстве Москвы среди школьников, на стадионе в Лужниках в 1965 году, когда учился в 10-м классе. Сборная команда по лёгкой атлетике нашей 632-й школы уже два года была чемпионом Калининского района г. Москвы. Поэтому в течение 3-х дней сентября мы выясняли, кто же из 33-х районов нашего города является лучшим в этом виде спорта. По итогам соревнований мы вполне заслуженно заняли 4-е место в общекомандном зачёте, а наши фотографии появились на доске «Лучшие спортсмены школы».

Так вот. Во второй день идут прыжки в высоту. Сил становится всё меньше и меньше, а высота всё больше и больше. Преодолев с третьей попытки высоту 155 см, я усталю бреду к скамейке с нашими вещами. Рядом с нами находится сектор для прыжков в длину, где нам предстоит бороться завтра. Не успел я присесть на скамейку, как рядом со мной раздаётся усиленный мегафоном голос судьи: «Кущ, приготовиться ко второй попытке!». Ничего не понимая, я начинаю крутить головой и вижу паренька в очках, который начинает разбегаться в соседнем секторе.

Сейчас я жалею об одном. В те времена меня ещё не интересовали вопросы генеалогии, а сил подойти к нему в перерывах между попытками и познакомиться просто не было. Хотелось только одного – выступить как можно лучше и не подвести команду.

НИИАА

После развала Советского Союза работа в наладке потеряла всякий смысл: «оборонка» трещала по всем швам, заказов почти не осталось, и я в порядке перевода начал работать в том же отделе

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник 4 Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011-2013, 2012-2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

института, где мы налаживали и сопровождали вычислительную технику. Привыкать ни к чему не пришлось, знакомиться – тем более. В коридорах постоянно натываюсь на знакомые лица из соседних подразделений и наших наладчиков, перешедших сюда работать.

Однажды перед отпуском пошёл в библиотеку. Называю фамилию, отдел. Интересуюсь, нет ли у меня задолженностей. В ответ слышу, что я недавно взял какую-то книгу. Меня это очень удивило, прошу показать формуляр. Фамилия правильная, но инициалы другие. Заодно выясняю, где этот человек работает. Оказалось, что я там знаю многих ребят, но про этого никогда не слышал. Начальником у них был мой старый знакомый, поэтому сразу направляюсь туда. Там мне объясняют, что это новый сотрудник и подсказывают, где его найти.

Захожу, знакомлюсь, представляюсь. Немая сцена. В один момент времени, в одной комнате оказались двое с одинаковыми фамилиями и слегка похожие друг на друга. Разговорились и поняли, что мы всё-таки «сёдьмая вода на киселе» по линии моего отца.

Так что снова **Его Величество Случай** во всей своей красе!

БЦ «Будёновский»

Приехал по делам в БЦ – бывший «почтовый» ящик, частично занятый разными фирмами и фирмочками. Поднимаюсь на нужный мне этаж, на входе, как обычно, сидит охрана. Объясняю, к кому приехал, и протягиваю паспорт. Охранник долго и внимательно изучает документ, затем поднимает глаза на меня. Так долго у меня не проверяли паспорт даже в аэропортах. Я интересуюсь, чем его так привлекла моя короткая и редкая фамилия.

И тут неожиданный ответ: «Почему редкая? Вот ещё одна». Он протягивает мне журнал посещений и показывает запись – Кущ Н.М. Я несколько не удивляюсь и отвечаю, что это моя жена, с которой мы тогда работали вместе в фирме нашего школьного товарища. Она приезжала туда месяца за два до меня. Но охранник не успокаивается: «А у вас братья есть?» Говорю, что один двоюродный по отцу брат Игорь живёт в Москве, а другой Анатолий живёт под Чеховым. Наконец бдительный «секьюрити» удовлетворённо кивает головой и сообщает мне, что Толя – его сосед по даче. А дальше ещё интереснее: «А ты в курсе, что он недавно упал с крыши и сломал ногу?». Тут уж удивляюсь я. Вроде бы случайная встреча, ни к чему не обязывающий разговор, а сколько открылось неизвестного.

Снова родня

Перед выходом на пенсию работаю в одной небольшой организации. В один из дней прибегают ребята из соседнего отдела и спрашивают: «Александр Андреевич, у вас родственники в Подольске есть? К нам пришёл факс, подпись С. Кущ». Я, конечно, удивлён и на всякий случай отправляю небольшое письмо в Подольск, с просьбой указать номер личного телефона. Получаю быстро ответ, перезваниваю, и... человек оказывается сыном моего

троюродного брата по отцу. Через некоторое время по делам приезжаю в Подольск. Так мы и познакомились с Сергеем, капитаном 2-го ранга в отставке. И опять всемогущий **Его Величество Случай**.

Обобщив впоследствии все эти «случайные» со всех точек зрения совпадения, я решил порыться в Интернете и узнать количество людей с моей фамилией в Москве и в Питере. В каждом из городов нашлось порядка 60 человек с такой фамилией, а Кущи разбросаны по всей территории нашей большой страны.

Вот вам и «редкая» фамилия.

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Спасибо Господу за всё...

Вспоминаю детство...

Вспоминаю детство: старую рябину,
Под которой мама ставила меня.
В серенькой коляске вечно без ботинок,
А в глазах бездонных искорки огня.

Вот большие плиты – папа клал их рядом,
Чтоб дорожки были сказочно легки.
В год и два под зорким бабушкиным взглядом
Сделала на даче первые шаги.

Беззаботность детства: старые качели
Между двух деревьев папа привязал.
И когда качалась, яблони скрипели –
На коре у каждой из смолы слеза.

А за домом скрылась маленькая лужа.
Бегала по ней я вечно босиком,
Зная, что по жизни мне никто не нужен –
Только мама, папа, бабушка и дом.

Много лет промчалось, и давно нет близких,
Плиты истоптались, заросли травой.
Старые деревья? Их спилили низко,
Высохла и лужа – только дом живой.

И моей любви в нём так пылает сердце,
Знает каждый угол рук моих тепло.
Сохраняю дом я – островочек детства,
Чтобы ощущение счастья не прошло!

***

Вот так бежит за годом год.
Сначала детство без забот:
Колготки белые, банты...
В четыре с лыжами на «ты»,
И «Дядю Стёпу» наизусть –
Не знала ты, что значит грусть:
Окружена семьи теплом,
И в праздник песни за столом.

Вдогонку десять школьных лет
И выпускной, когда рассвет
Встречали в парке у пруда.
Все были счастливы тогда.
Затем храм знаний – институт.
Увы! Непросто было тут.
И сумму знаний получив,
Забыла женский коллектив.

А там уже карьера ждёт.
Похожа школа на завод,
Ведь у доски, как у печи;
Тетрадки проверять в ночи.
Призвание – педагогом быть,
Чужих детей учить, любить...
Четырнадцать счастливых лет –
Всё больше над собой побед.

Но рамки школьные узки,
И мелодичные звонки
В Московский вуз зовут меня
Преподавать день ото дня
Предметов сложных целый ряд.
И так который год подряд
Стремишься новое познать,
Чтобы студентам передать.

Летит, как поезд, наша жизнь,
И ей не скажешь: «Задержись!»
Постой хотя бы пять минут,
Чтоб вспомнить школу, институт,
И детство: белые банты,
И то, как с лыжами на «ты»...»

Гончарный круг

Гончарный круг большой вращая не спеша,
Я создаю сосуд – вместилище эмоций.
Тех, без которых не живёт моя душа,
И тех, что греют, как полуденное солнце.

В сосуде радость будет весело сиять,
И грусть царапать коготками, словно кошка.
Здесь интерес – всё необъятное объять
И чистых капель удивления немножко.

Не обойдётся в нём без горечи стыда,
И для восторга будет место непременно.
Добавить гнева остроты ещё сюда...
Всё очень разное, но форма неизменна.

Простой сосуд, но содержанье глубоко,
И под руками глина форму обретает,
Как и судьба. Её слепить порой легко,
А вот постичь и целой жизни не хватает!

***

Совсем не пишется... Быть может, не люблю
Я заполнять листа пустоты пустотою.
Хочу понять, кто я и что я в жизни стою,
Смогу ли дать я направленье кораблю.
Ведь жизнь – корабль. Белой чайкою летит
Он по просторам океана судеб разных.
Сложны они, но, к счастью, так разнообразны.
Смогу ли боль словами выразить? Болит

Моя душа, когда растоптана любовь,
Когда достоинство давно смешали с грязью,
И злоба в сердце, как хозяйка, пишет вязью.
Красиво? Да! Но из глазниц сочится кровь.

И призываю я глаза не закрывать
На то, что в жизни люди мерзостью считают.
Пусть наши дети о хорошем лишь мечтают,
А мы поможем их мечты осуществлять!

***

Спасибо Господу за всё:
За счастье жить и видеть небо,
И аромат вина и хлеба
Вдыхать. За то, что жизнь несёт
Меня, как чёлн, вздымая волны.
За то, что каждый день мой полон
Тревог и радостных забот.
За то, что есть друзья, родные
И отношенья неземные –
Всё это силу мне даёт.
И за любимую работу,
Хотя порой так неохота
Учить. За то, что мне везёт –
Дан дар владенья русским словом
И покорять сердца им снова...
Спасибо Господу за всё.

Мудрость

Наступает период с красивым названием – «мудрость»,
Годы страстных метаний остались давно позади.
Холод долгих ночей окунается в тёплое утро,
И от радости сердце ликует и бьётся в груди.

Совершила я в жизни немало серьёзных ошибок,
Но из всех извлекла настоящий житейский урок –
Не бояться ступать по тропинке, где страшно и зыбко,
Каждый день начинать, обращая свой взор на Восток.

Видеть: солнце встаёт, не спеша на алтарь поднимаясь,
Свет Господней любви ощущать сердцем искренним весь,
И себе говорить: «У меня всё получится! Справлюсь!
По молитве помогут мне силы небесные днесь!»

Рассказы

Крохобор

Нелегко в настоящее время жить писателю, ох, нелегко. Сами посудите, книги не выпускают, а если и выпускают, то экземпляров пятьсот, а если и пятьсот, то гонорары не платят, мало того что не платят, так ещё за свой счёт приходится издавать. А какой у писателя счёт, если его книжки не выпускают, а если и выпускают, то гонорары не платят, а если не платят, так где тогда денег взять? Говорят, вот у спонсоров или меценатов. А если писатель в деревне живёт, то какие в деревне спонсоры и меценаты? Разве что Ашот Саркисович, который магазин открыл при дороге. Так ведь он книг не читает, а если и читает, то всё больше по бухгалтерии или по законам, как от налогов увильнуть. Только писатель не бухгалтер и не юрист тем более. Нет в нём, Ашоту Саркисовичу, особой надобности, разве что только руку пожать для важности – всё ж чудной человек писатель, где ещё такого встретишь. Да и перед своими дружками всегда можно похвастать, мол, с писателем лично знаком, а вдруг даже и поэтом, почти Пушкиным. Чёрт его знает, что он там пишет. Так что поздороваться Ашот Саркисович поздороваётся, а денег на книгу не даст, разве что только в долг рублей пятьсот на продукты из своего магазина.

Есть ещё, правда, поселковый глава администрации, Дзагоев Иван Иванович, человек, по его собственному признанию, честный и уважаемый, к сельчанам всегда со всем почтением. Ну откуда, скажите, у честного человека могут быть деньги на всякие там книгоиздательства? Личных денег у Ивана Ивановича ни копейки, а государственные только на улучшение жизни. Сядет, бывало, с утра Иван Иванович в свой BMW X пятой модели и мотается где-то по делам до самой ночи, ему не до писателей.

Можно, конечно, и в райцентр съездить меценатов поискать. Живёт там, говорят, один такой Самарин Николай Андреевич, в депутатах

Дмитрий Павлович Воронин – родился в Клайпеде Литовской ССР в 1961 г. Работает учителем истории и географии в сельской школе. Член Союза писателей России с 2003 г., член Конгресса литераторов Украины. Автор трёх сборников рассказов. Лауреат международного конкурса «Согласование времён» (Германия) – 2009 и 2011 гг., судья международного конкурса «Согласование времён» – 2010 г., лауреат международного фестиваля «Славянские традиции» 2010 г. (Украина), лауреат литературной премии им. Юрия Каплана (Украина), лауреат национального конкурса «Золотое перо Руси» – 2011 г., Гран-При международного конкурса «Гоголь-фэнтези» – 2011 г. (Украина), лауреат «Гоголь-фэнтези» – 2012 г. (Украина), дипломант международного конкурса «Русский Stil» – 2012 г. (Германия).

Живёт в п. Тишино Калининградской обл.

числится и как будто бы даже председатель местной партячейки. Ходят слухи, что щедр и к культуре равнодушен. Вот недавно школьникам полторы тысячи рублей в театр выделил. Может, его в меценаты?

На худой конец, можно по деревне сбор средств объявить на издательство книги. Но народ вряд ли поймёт, не даст. Вот на похороны самого писателя даст, а на книгу – это уж дудки. Блажь какая-то, тут кому-то на портвейн не хватает, кому-то – на сапоги, а этому книгу подавай.

Виктор Семенович в Макеевке учителем работал, а заодно и рассказы-ки пописывал – то ли от скуки, то ли от талантов каких, но что-то у него всё же получалось и даже изредка печаталось. Писал же Виктор Семёнович всё больше о жизни, о деревне да о своих деревенских жителях. С юморком писал, но так, чтобы не очень обидно. Местные себя в рассказах узнавали и друг над другом подтрунивали, а Виктору Семёновичу руку тянули при встрече и о политике заговаривали.

Однажды Виктор Семёнович всё же умудрился найти спонсора и издал книгу деревенских рассказов. Ну, не книгу, а так, книжечку, в сотню экземпляров да на сотню страниц, но всё-таки. С тех пор за Виктором Семёновичем прочно закрепилось прозвище «писатель».

– Глянь, писатель в магазин пошёл, опять, видать, за тетрадками, – качали головами бабы, сидя на завалинке. – Это ж сколько денег на них тратит, сердешный! И как только Танюха, жена его, эти траты терпит.

– Вон, Достоевский из магазина возвращается, – хмыкнула как-то местная фельдшерица Клавка, обращаясь к своей подруге Верке. – Смотри, как важно ходит, будто «Войну и мир» написал, не меньше, а у самого-то книжонка еле-еле, никакой представительности, скукота одна. Лучше бы как Донцова или про Марианну. Но не тянет он до них, ума, видать, не хватает. И как ему только Олег Евгенич денег-то на книгу дал, говорят, аж целных десять тысяч отвалил, ужас какой.

– Ой, Клав, не скажи, – махнула рукой Верка, – может, Семёныч и не Достоевский, зато наш, макеевский, и один такой. Да и Таньке евоной лучше. По мне так пусть лучше книжки сочиняет, чем как мой Митяй с бутылкой обнимается.

– Чего ж ты, Серёга, у писателя часть гонорара не востребовал? – посмеивались собутыльники над местным забулдыгой, особенно узнаваемым в рассказах Виктора Семёновича. – Счас бы жил припеваючи, нос в табаке.

– Спрашивал, – огрызался Серёга.

– И?

– Говорит, книжка не продавалась, всего-то сто штук, все, мол, по знакомым роздал.

– А ты и поверил, лопух. Развёл тебя писатель, ему ж Олегу Евгеничу долг возвращать.

– Так он же спонсор!

– Ну так что ж, что спонсор, не бесплатный же.

– Бросай сигареты, Виктор Семёнович идёт, – шухерили школьники, завидев вдалеке сутулую фигуру учителя.

Так что получается, в деревне к Виктору Семёновичу было очень даже достойное и уважительное отношение, вот только до той поры, пока не случилось следующее.

Однажды Виктора Семёновича, следовавшего в магазин за очередной пачкой бумаги, окликнул Серёга.

– Семёныч, постой, дело есть, – нетвёрдой походкой подошёл к писателю герой его рассказов.

– Серёга, денег нету, только на бумагу жена выдала, – решил упредить досужие просьбы Виктор Семёнович.

– Да не, – отмахнулся Серёга, – сегодня не требуется, мне уже Санёк Ковалёв подкинул на опохмел. У меня тут другое, важное...

– Ну чего? Говори, только недолго, а то я тороплюсь.

– Да вот, Ванюшкин жалуется, что не заходишь к нему совсем, забыл старика.

– А с чего бы заходить?

– Ну как с чего? Пили ж когда-то вместе, да и так по-соседски.

– Я ж бросил давно, а по соседству вроде как каждый раз здороваюсь.

– Ну, здороваться одно, а зайти да душевно посидеть – это совсем другое, – закатил глаза вверх Серёга, многозначительно подняв указательный палец.

– Да ладно, Сергей, не тяни резину и говори по существу, чего надо? – развернулся в сторону магазина Виктор Семёнович.

– А я и так по существу, – засеменил за ним Серёга. – Мы вот тут с дядей Колей поговорили за портвейшком и решили, что нужно тебе об его жисти написать.

– Чего написать?

– Ну, не знаю чего, роман какой или там воспоминания на худой край. Тебе виднее.

– Чего это мне виднее? – раздражённо остановился Виктор Семёнович. – Какие воспоминания, какие романы, о чём вопрос?

– Ну, я ж тебе толкую об чём, – перешёл на громкий голос и Серёга. – Об дяде Коле Ванюшкине, об евоной жисти.

– А что такого в его жизни, чтоб я об этом писал?

– Ну как что? Да всё! – аж задохнулся от возмущения Серега. – Дядя Коля, ведь это о-го-го, это у-у-у! Это такой человечиче, такая громадина! Это, это... Да чего тут! Ну, сам знаешь. Напишешь?

– Да отстань ты!

– Не напишешь? – с угрозой подступил к Виктору Семёновичу Серёга.

– Да что я должен написать? Пусть расскажет сначала о себе что-нибудь, а там посмотрим, – с опаской отошел от Серёги писатель.

– Ну, давно бы так, – беззубо заулыбался Серёга. – А то чего писать, чего писать! С этого и надо было подходить.

– К чему? – удивился Виктор Семёнович.

– Как к чему? К существенности, глубине масштаба, – поднял палец вверх местный пьянчужка.

– Какой ещё глубине масштаба?

– Слушай, Семёныч, ты вроде как умный мужик, учителем в школе числишься, а простых вещей не понимаешь. Стрелку тебе дядя Коля сегодня на двадцать ноль-ноль забил в евоной баньке, там всё и перетрёт. Так что приходи, не запаздывай, милости просим.

– А почему в баньке-то?

– А где ж ещё? – удивился Серега. – Мы там завсегда собираемся, подалее от дяди Колиной тётки Натахи, чтоб не орала на всю деревню.

Вечером Виктор Семёнович накинул на себя плащ и с порога предупредил жену:

– Я к соседу на часок.

– Зачем?

– Не знаю, звал, что-то рассказать хочет.

– Ну, иди.

Виктор Семёнович вышел за калитку и, пройдя два дома, свернул в покосившиеся ворота. Не заходя в скособоченную избу, он за огородом прошёл в сторону сада и уткнулся в старую, вросшую в землю баньку дяди Коли. Постучавшись три раза, отворил дверь и, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, шагнул внутрь.

В предбаннике при свете закопчённой сороковатки на лавках за старым, отслужившим своё кухонным столом сидели три мужика: дядя Коля Ванюшкин, Серёга и Илюха Кирюхин – ещё один сосед по улице, кочегар деревенского магазина.

– Ну, здрастье всей честной кампании, – пожал руки мужикам Виктор Семёнович и присел на лавку. – Тут вот меня Серёга зазвал к тебе, Николай Фомич, будто бы рассказать чего-то хочешь.

– Хочу, Витя, хочу, давно хочу, – тяжело вздохнул дядя Коля. – И про жизнь свою хочу тебе поведать, и про другое всякое. А то как помру, кто ж тогда тебе все обскажет? И про колхоз нашенский, и про то, как жили, как строили всё, и про надои, и про центнеры, про будни то ж, про праздники. Много чего. Тут не один роман напишешь, может, целый сериал, потом спасибо скажешь.

– Так уж и роман? – улыбнулся Виктор Семёнович.

– А ты не скалься, не скалься, – перебил его Ванюшкин. – У меня историй не на одну книгу наберётся. Такого повидал, чего Шолохову с тихим Доном и не снилось.

«Вот сам и писал бы, – подумал Виктор Семёнович, пряча улыбку и собираясь выслушивать долгую историю. – Чёрт меня дёрнул прийти сюда».

Минуты две в помещении висела тишина, которую нарушил Ванюшкин.

– Вить, ну чего сидишь, доставай уже.

– Что доставать? – непонимающе обвел всех взглядом Виктор Семёнович. – Ручку, что ли?

– Какую ручку? – аж подскочил Серёга. – Проставу, конечно.

– Какую проставу?

– Как какую? – захопал глазами Серёга. – Обыкновенную, за истории.

– Не понял, – прислонился к стене предбанника Виктор Семёнович.

– А что тут не понять? – встрял в перепалку дядя Коля. – Ты пришёл сюда, чтоб слушать мои истории про жисть, так? Каждая история – бутылка. Я ж не лох какой, как Серёга, чтоб за бесплатно рассказывать.

– Чего это я лох? – набычился Серёга.

– А чего, нет, скажешь? – ударил кулаком по столу дядя Коля, да так, что один стакан, подпрыгнув, упал на пол. – Он про тебя написал в своей книжке? Написал. А гонорар тебе заплатил? Вот, то-то. Так что сиди и молчи лучше в тряпочку.

– Какой гонорар? – у Виктора Семёновича даже челюсть отвисла.

– Обыкновенный, какой, – зло ответил дядя Коля. – Я так понимаю, ты без проставы сегодня. Значит, вечер впустую. Не уважаешь ты меня, старика, Витюша. Ну, вот что, милоч, завтра в это же время будем тебя ждать здесь же, так ты уж нас больше не подводи, а то по договору я с тебя неустойку востребую.

– Какую неустойку? – обалдело уставился на дядю Колю Виктор Семёнович. – По договору о гонораре.

– О каком гонораре и договоре?

– Ты что, Витюша, совсем тупой на голову или прикидываешься? А ещё учителем называешься. Нехорошо, Витя, ой нехорошо. Не по-людски это, не по-соседски. Договор о моей доле подпишем при свидетелях, вот при них, – кивнул на Серёгу с Илюхой дядя Коля.

– Да объясните мне, наконец, в чём дело.

– А что тут объяснять-то? Ты, Витя, по моим историям напишешь роман, и по договору, как полагается, я получу шестьдесят процентов гонорара, потому как я тебе всё обскажу, а твоё дело только записать. Справедливо, мужики?

– Точняк, дядя Коля, точнее некуда, – закивали Серёга с Илюхой.

– Ну, вот и я говорю, – продолжил Ванюшкин, – часть денег отдашь завтра вместе с проставой, часть – в конце истории, ну и остаток, как книга выйдет.

– И сколько завтра? – усмехнулся Виктор Семёнович.

– Я тут всё подсчитал, – надел очки дядя Коля и положил на стол тетрадный листок, исписанный цифрами. – По мне так получается, что пять тысяч. И это, согласись, по-божески, мог бы и больше затребовать. Но мы ж как-никак соседи. Да и вот ещё, Серёге неустойку заплатить надобно, рублей так семьсот.

– Вы это серьёзно, мужики?

– Да какие тут шутки.

– А шли бы вы знаете куда? – поднялся из-за стола Виктор Семёнович.

– Так ты что, отказываешься платить? – опешил дядя Коля.

– Отказываюсь, – открыл входные двери Виктор Семёнович.

– Ну и крохобор ты, Витёк, – обиженно закачал головой дядя Коля, – ну и крохобор! Не ожидал я от тебя, ох, не ожидал! С виду интеллигентом прикидывался, а внутри-то мироед мироедом.

– Не, не крохобор он, – облокотился на стол Серёга. – Скупердяй он, вот кто!

– Да-а, пожалуй, ты прав, – прикурил папироску дядя Коля. – Последний он скупердяй, каких свет не видывал.

Дальнейшего Виктор Семёнович уже не слышал, выйдя за порог бани. А уже на следующий день бабы на завалинке провожали его осуждающими взглядами.

– Гля, гля, крохобор-то опять в магазин за бумагой пошёл, небось, на дядю Колю доносы писать или судиться. Совести у человека совсем ни на грош, и гонорар не заплатил, и ещё денег с дяди Коли содрать норовит. Как с таким крохобором токмо Танюха живёт. Бьёт он её, небось, сердешную.

– А что я тебе, Верка, говорила, а? – брезгливо морщилась фельдшерница Клавка, обращаясь к подруге. – Не жди от этого писаки добра. Так-то оно и вышло. Все инстанции кляузами забросал, да и скупердяй такой, что свет не видывал. А ты его защищать. Деньги-то дяде Коле не выплатил, как по договору между ними прописано было. А истории дяди Колины за свои выдал и книгу выпустил. Мошенник он, навроде Мавроди, а не писатель.

– Ой, твоя правда, Клава, – виновато соглашалась Верка. – Дура я, дура, что в упор такого скупердяя не замечала. В век наука.

– Да-а, Серёга, – сочувственно обнимали дружка собутыльники. – Кто ж знал, что на такого крохобора нарвёшься. Он, вон, дядю Колю не пожалел, совсем, совсем без средств оставил. А ещё писателем называется.

– Гад он и сволочь, – ненавидяще сжимал кулаки Серёга. – Олигарх последний, морду ему набить мало.

– Ничего, Серёга, жизнь его ещё накажет.

И только ученики, завидев вдалеке Виктора Семёновича, как и раньше с опаской шухерили:

– Бросай сигареты, учитель идёт.

Страшный сон

Сорокалетний бобыль Фока, внешне вылитая копия Гарика Сукачёва, слыл на деревне вечным пьяницей и фанатом группы «Любэ», «лучшим другом» и «главным продюсером» Николая Расторгуева.

Каждый вечер изливались из Фоки вольные импровизации на темы шлягеров люберецкой команды:

*Атас, я Фока, дам кому-то в глаз,
Сначала мальчишкам, потом и девочкам.
Атас, я, Фока, есть крестьянский класс.
И где хожу, там и атас, атас, атас, –*

орал во все горло на улице Фока, веселя деревенский народ.

*Знамо дело, был Фока хорош,
И умён, и красив, как комбат.
А у преда нашего рожка – во,
И пред наш самый первый дурак.*

*И свинья наш пред и буржуй,
И все тракторы наши он спёр,
И зарплату он нашу прожрал,
Выходи, пред, я те морду набью!*

– Давай, Фока, давай ещё, – подзадоривали «Расторгуева» мужики, поднося ему очередную порцию портвейна.

И тот старался:

*Да, в России люди лишь одни бухгалтера,
Да, пусть не по правилам игра.
Да, и завтра станет ещё хуже, чем вчера, –
Прорвутся к власти опера.*

– Ну, Фока, ну, Расторгуй! – хохотали вокруг. – Почтище всякого «Любэ».

Но лишь только дело доходило до «Алясочки», все деревенские тут же исчезали из Фокиного поля зрения. У Фоки наливались кровью глаза, и он, как разъяренный бык, начинал кружить по улицам и остервенело крушить на своем пути все, что попадалось под руку.

Не валяй дурака, Америка, –
разносилось вокруг, –

*Всем гробов понакупим сполна,
За Советский Союз, за Империю,
Отдавай назад Аляску, Моника-шпана!*

*Клинтон, сдохнешь у меня, как гадина,
Я те морду за Аляску набью.
Отдавай мне землю родимую,
Верни взад, не то, гнида, убью!*

Излив свою неуёмную энергию на штакетник, собак и кусты, Фока доползал до дома и отключался на полу до следующего утра.

Но однажды, в очередной раз напевая вечером «Алясочку», он столкнулся на дороге с иномаркой, вернее, Фока сам её толкнул, когда она затормозила у его ног, не имея возможности разобраться в замысловатых петлях встречного пешехода.

– А, Америка! – плотоядно улыбнулся Фока, распознав американские флажки на капоте автомобиля.

Не успели ещё открыться дверцы блистательного лимузина, как он уже лишился национальных атрибутов, одной фары и одного подфарника. Фока, будто Илья Муромец, остервенело охаживал дубцом полированную поверхность машины и во все горло орал:

*Вот и попалась ты мне, Америка,
Сейчас пришлёпну, как муху, тебя,
И сольются тогда два берега,
И Аляска станет навеки моя!*

Минуту спустя Фока лежал с заломленными назад руками, лицом упершись в асфальт. При этом он продолжал орать:

*Сволочь, дрянь! Клинтон, Черчилль, смерть!
Руки! Больно! Всех на фиг!
За Аляску! За Родину! За «Любэ»!
Фоку не убьёшь! Сдавайся, Америка, хуже будет!*

Возле Фоки полушёпотом совещались несколько человек. Один из них переводил слова полного лысого мужчины в дорогом костюме.

– Посол просит отпустить этого человека.

– Но он покушался на его жизнь.

– Нет, посол говорит, что тут всё намного серьезней. Тут угроза президенту и национальной безопасности Соединенных Штатов.

– Тем более нельзя отпускать.

– Нет, посол говорит, нельзя терять ни минуты, ему срочно нужно быть в посольстве.

– А может, всё же...

– Нет, отпустите.

Руки Фоки, как плети, упали на асфальт. Двери автомобиля хлопнули, и лимузин с машинами сопровождения скрылся за поворотом.

– Испугались, – довольно усмехнулся «патриот» и попытался подняться.

Однако последняя машина остановилась возле героя.

– Допелся, Расторгуй, – шептались мужики, провожая сочувственными взглядами пьяного, ничего не понимающего Фоку. – Наверняка срок припаяют за хулиганство.

В городе певца среди ночи доставили к губернатору, который молча налил Фоке стакан водки. Обалдевший Фока залпом опрокинул спиртное и выкупился на областного начальника.

– Сейчас тебя переоденут и отвезут в Москву, – прервал молчание седовласый губернатор, удивлённо рассматривая полупьяного мужика.

– Куда? – икнул от испуга Фока.

– В Кремль к президенту.

– Зачем? – у Фоки подкосились ноги.

– Понятия не имею, – развёл руками губернатор.

Два полётных часа Фокино сердце билось в пятках, весь хмель как рукой сняло. Фока готовился к самому худшему – к расстрелу.

В Кремле его встретил президент.

– Ну что, понимаешь ли, допелся, скотина! – испепелял он взглядом бедного Фоку. – Ты хоть понимаешь, пьяная ты морда, что вчера натворил?

– А что? – ноги от страха отказали Фоке, и он сполз по стенке на пол.

– Американцы нам сегодня ночью Аляску назад вернули, идиот!

– Аляску? – прошептал, заикаясь, Фока.

– Аляску, – зло подтвердил президент. – К вечеру документы на всё западное побережье передадут. Расстрелять тебя мало, дубина деревенская! У нас, понимаешь ли, свою землю не знаешь, куда девать, а тут, на тебе, подарочек, ещё пол-Европы подвалило. Литва, Польша, венгры там, финны всякие, понимаешь ли, назад вернулись.

– Ий-и-ий, – закатил глаза Фока.

– Тварь безмозглая! Мы тут, понимаешь ли, бьёмся, думаем, мыслим над тем, как бы Курилы с Сахалином и Камчаткой японцам сплавить, Дальний Восток – китаёзам, Калининград – немчуре. Север, на фиг, прикрываем, с индусами об аренде договорились. Татарам, якутам, ненцам и чукчам суверенитета по самые уши отдали, лишь бы ушли, а ты, засранец, Клинтона запугал. Тебя кто уполномочивал?

– Я песню... «Любэ»... видит Бог... и в мыслях... – заплакал Фока.

– Видит Бог, и в мыслях! – передразнил его президент. – Ермак чёртов! Ты хоть понимаешь, что произошло? Пока ты летел сюда, кроме Америки пришли государственные послания из Израиля, Австралии, Турции, Эфиопии и ещё чёрт знает откуда с просьбой включить их в состав России. Что скажешь?

– У-у-у, – завыл Фока, заваливаясь на бок.

– Вот-вот, понимаешь ли, – злорадно усмехнулся президент. – Полчаса назад я точно так же выл и по полу катался. Ну, дошло до тебя наконец-то, гад?

– Убейте меня, – жалобно простонал Фока.

– Я бы с удовольствием, собственными руками, понимаешь ли, – протянул кулаки к Фокиной физиономии президент, – но поздно, не могу.

– Почему?

– Герой ты нового Советского Союза, – доносилось до него уже издали. – В Иерусалиме, Ватикане и Кабуле тебе уже памятники поставили, Япония переименовала Токио в Фокию, а Аргентина стала Фокинтиной.

Последних слов Фока уже не слышал, он стремительно летел в какую-то пропасть.

– Сынок, сынок, очнись, – трясла за плечи потного, орущего Фоку старуха-мать.
 – А? Чего? – сидя на кровати, ошалело хлопал выпученными глазами Фока. – Я где? В аду? Я убит?
 – Бог с тобой, Витенька, – успокаивающе гладила по голове сына мать. – Дома ты, дома.
 – Мамань, это ты? – окончательно очнулся Фока.
 – Я, я, кто ж ещё.
 – Фу, мамань, – облегченно вздохнул великовозрастный сынок. – Давно меня привезли?
 – Не привезли, а принесли. С вечера. Опился ты совсем, на дороге подобрали без чувств.
 – А как же Клинтон, Ельцин? – прошептал Фока, почёсывая затылок.
 – Кто-кто? – не расслышала мать.
 – Да так, ничего, – тяжело вздохнул Фока и вдруг резко схватил мать за руку. – Мамань, слушай, мамань, давай корову продадим.
 – Да ты что! – в ужасе отшатнулась от сына старушка.
 – Мамань, я закодируюсь, работать начну. Заработаю – новую купим.
 – Витенька, это ты серьёзно? – ахнула мать.
 – Серьёзней некуда, – нахмурился Фока. – Я или сдохну скоро, или с ума сойду. Закодируй меня, мамань.
 Старуха вскочила на ноги и опрометью бросилась из комнаты.
 Через минуту она вернулась, держа перед собой маленькую иконку. Подойдя к сыну, строго потребовала:
 – Поклянись перед образом, что если обманешь, то помрёшь лютой смертью и вечно гореть будешь в геенне огненной.
 – Клянусь! – перекрестился Фока.
 – Витенька, – улыбнулась заплаканная старушка, – сегодня к врачу и пойдём, чтоб не откладывать.
 – Пойдём, пойдём, мамань, а то так-то всю Россию продадут, пока мужики пьянствуют.

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена диплом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

Есть в мире великое чувство души...

У святого лика

Потухший взгляд немолодых очей,
 Задумчиво-печальная улыбка –
 Такой себя я вижу средь свечей,
 Стоящей в храме у Святого Лика.

Иконостас оправой золотой
 Притягивает взгляд к себе упорно.
 Молитву шепчут все «За упокой»
 Проникновенно и покорно.

И хор неповторимых голосов
 Доносит ту молитву прямо к небу.
 Хоть я не понимаю многих слов,
 Но той молитве всей душою внимлю.

«За упокой» так горестно поют
 Тем, кто ушёл от нас из этой жизни,
 И эти голоса мне душу рвут,
 Как стон по всей измученной Отчизне!

У памятника А.С. Пушкину

Опять, опять стою перед Тобой.
В который раз пришла к Тебе с поклоном.
Твой взгляд хранит уверенный покой.
Нет, не покой – он грустной думой полон.
Мы здесь одни, в тот предрассветный час,
Когда туман предутренний клубится,
А чуть поодаль, свой не сводит глаз
С Тебя фонарь. И на меня косится.

Пускай косит. Ему ведь не понять,
Зачем я пред Тобой, великий гений,
Люблю одна в глубокий час стоять,
Когда всё спит в объятьях сновидений.

Учитель мой, давай поговорим!
Люблю с Тобой вести я разговоры
И про Кавказ, и про великий Рим,
Про синие российские просторы.

Скажи, о чём печалишься сейчас?
Здесь, на Тверской, среди пустой столицы
Никто не видит и не слышит нас.
Фонарь – не в счёт – он не проговорится.

И вдруг, я вижу, вижу наяву
То, как Поэт плечами передёрнул,
Как будто стало холодно ему,
И голову, чуть-чуть, повыше поднял.

Я вижу, взгляд он бросил на меня,
Не то, чтоб строгий, а, скорей, с укором,
И молвил с болью: «Милая моя,
Беда пришла на русские просторы».

***

А я и не знала, что это возможно:
Любить так красиво, светло, безнадежно!
Дыханием ветра к тебе прикасаться,
Осенним приметам светло улыбаться.
Вот это и есть настоящее чудо,
Когда меркнут сказки на свете, покуда
Есть в мире великое чувство души.
Ты только отвергнуть его не спеши!

ПРОЗА

Жанна СВЕТЛОВА

Добро по понедельникам

Авдотья Семёновна тихо шла вдоль дороги, ведущей к районному центру.

Выйдя из дома чуть ли не в пять часов утра, за два часа она еле осилила треть пути.

Солнце уже поднялось, и идти было жарко. Хотелось присесть, но тогда она до ночи не успеет вернуться домой.

Мимо неё пролетали машины, и хоть бы кто-нибудь предложил подвезти.

«В наше время ни одна машина не прошла бы мимо, а теперь живут не люди, а роботы бездушные», – думала с горечью пожилая женщина.

Много лет она работала председателем колхоза в своей деревне и помыслить не могла, что в их селе останется всего лишь семь старых, немощных женщин. Ни магазина, ни хозяйства, живите, как знаете.

Из них семерых лишь трое справляются худо-бедно самостоятельно, остальные же, одинокие, никому не нужные бабки, лишь благодаря заботам ходячих соседок ещё влачат жалкое существование. Они не могут добраться до райцентра, чтобы купить продовольствие.

Хорошо хоть Полине Игнатьевне дочь два раза в месяц завозит провиант, иногда и остальным кое-что прикупает.

Так ведь вот надо же такому случиться, пока Полина к ней зашла чайку попить, у неё какие-то нелюди двух последних кур унесли. Но этого им показалось мало, и они прихватили все продукты, привезённые дочкой Варварой Полине Игнатьевне.

«Ясно, что бомжи, но толку что от этой ясности, управы на них всё равно не найдёшь».

Вот такие невеселые мысли терзали Авдотью Семёновну, уже изрядно уставшую, но твёрдую в намерении принести для всего их «дома престарелых», как они называли свою деревню, хлебушка, сахара, макарон и колбаски.

Внезапно её обогнала шикарная машина и остановилась.

Жанна Светлова – член Союза писателей России, автор трёх романов и пяти сборников рассказов, неоднократно дипломированных на конкурсах «Лучшая книга года». Доцент, кандидат экономических наук, многие годы преподавала в юридической академии. Любит путешествия, искусство и музыку. Живёт в Москве.

«Вот барин, – подумалось Авдотье, – если даже и предложит подвезти, не расплатишься потом за такой дворец на колёсах».

Когда она поравнялась с машиной, из неё вышел мужчина и весело предложил:

– Садитесь, бабушка, подвезу! Вы куда путь держите?

– В райцентр! – ответила старушка. – Но подвозить меня не нужно, сама доберусь, ведь денег у меня на такси нет.

– А разве я хочу получить с вас деньги? – улыбаясь, спросил водитель шикарной машины.

– А что ж ты хочешь? – внимательно рассматривая незнакомца, спросила Авдотья Семеновна.

– Хочу хоть немного, в меру своих сил, облегчить ваш путь, – всё так же улыбаясь, ответил мужчина.

«Симпатичный какой, улыбчивый, и глаза такие светлые, добрые. Уж не Ангела ли мне Господь послал подсобить?!»

– Да я в такую красоту и садиться боюсь, – засмузилась женщина, – ещё испачкаю чего.

– Пустяки, – весело откликнулся «Ангел». – Садитесь, и мне веселее, и вам легче.

Он бережно помог Авдотье Семеновне устроиться, и они поехали.

– Прокачу вас с ветерком. Меня зову Андреем, а вас?

Бабушка представилась, и они, неспешно беседуя, не заметили, как добрались до цели.

Высадив попутчицу у центрального супермаркета, Андрей поинтересовался, долго ли она собирается задерживаться в городе.

– Да нет, – ответила Авдотья Семёновна, – мне только продуктов на всю нашу артель инвалидов прикупить, и я отправлюсь в обратный путь.

– Как же вы собираетесь дотащить продукты на всё село сами? – спросил Андрей.

– Ну, уж как-нибудь дотащу!

– Вот что, – сказал водитель, – даю вам два часа времени, и жду вас вот на этой лавочке, – и он указал ей на лавку слева от входа в магазин. – Прокачу вас и обратно. Сам увёз, сам и привезу.

– Вот расскажу своим бабкам, не поверят, что такое может быть! – со слезами радости на глазах огорчилась его спутница.

– А я вас по всему селу прокачу, чтобы все видели! – засмеялся Андрей.

Он, действительно, довёз Авдотью Семёновну до самого дома, через всё село. Высадив бабушку, оставил ей свой телефон.

– Когда нужна будет моя помощь, – сказал он ей, – звоните, всегда рад помочь!

– Да ты что не работаешь разве? – спросила его старушка.

– Работаю, – ответил «Ангел», – но понедельник оставляю для добрых дел.

Бабушка ещё долго стояла у ворот своего дома, глядя вслед уехавшей машине, потом смахнула с глаз слёзы и прошептала:

– Благодарю тебя, Господи, за это Чудо!

ПОЭЗИЯ

Лариса ПРАШКИВСКАЯ

Лариса Валерьевна Прашкивская – поэт, художник, член Союза писателей России (МГО) и Международного художественного фонда, лауреат национальной литературной премии «Золотое Перо Руси», член Международного художественного фонда, Генеральный директор ООО «Культурный центр Фелисион», руководитель проектной деятельности Нотно-музыкальной библиотеки им. Юргенсона (г. Москва).

Живёт в Москве.

Ты моя кровная Русь...

***

*Ивану Степановичу Фадееву,
политруку 901 стрелкового полка
245 стрелковой дивизии*

В котле Демянском, на болотах
Не умолкает вечный бой,
В сырых могилах – в старых дзотах
И крик, и мат, и рёв, и вой.

Бойцы идут вперёд по трупам,
И страх при них, и смерть с собой,
И пушек ледяные крупы
Хлебают кровь, глотают гной.

Такая гать – тела людские
Под каждый шаг – солдат, солдат
Саратовские, Костромские...
Кому отец, кому-то брат.

Трава густа и воды глухи,
Деревьев мрачен сухостой,
Он тянет ветви словно руки –
Неупокой, неупокой.

Замес крови с землёю чёрен,
И ржавый холоден огонь...
Их соки тянет острый корень
Во тьме тяжёлой и нагой.

Молюсь, молюсь за неотпетых,
За всех прошедших этот ад –
Пять лет Великая Победа
Шла по дороге из солдат.

И мой солдат лёг безымянно
В болотистом лесном краю...
Где бродят зори неустанно,
Где птицы вещице поют...

Кров

Я помню бабушкины руки
И помню, помню дедов дом,
И как мы жили – дети, внуки...
И как не жили мы потом.
Не жили... словно было мало
Нас, слитых всех одним родством...
Был общий кров... его не стало...
И вот мы вместе не живём...

***

Тихая, тихая Проня,
Где-то в глуши вековой
В птичьем течёт перезвоне
Малой водою земной.

Тянутся к ней огороды
Старой деревни моей,
Неба тяжёлые своды
Держатся крепко над ней.

Родина – род и родное –
Главное слово Руси –
Ждёт деревенской избою,
Бабкою внуков растит.

Зреет антоновкой крепкой,
Шепчется стайкой берёз,
Бьётся вишнёвою веткой
В дома оконный откос.

Таёт молочную пенкой
С хлебной коркой вприкус...
Проня, ты тонкая венка...
Ты моя кровная Русь!

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями И. Бунина, А. Чехова и многими другими наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

Восхищаюсь, восторгаюсь, радуюсь!

***

В разлитое море зелени
Я сегодня уйду гулять,
Знаю, летнее буйство времени
Мне подарит свою благодать.

Сброшу с плеч престарелые годы,
Утоплю их в цветении трав,
Надышусь кислородом природы,
Нежно травы руками обняв!

Протвино

И вновь Протвино!
И коньяк, и вино,
И семейные встречи,
И застольные речи.
И речка Протва,
И лес, и трава,
И от сердца слова
С великой любовью –
Подмосковью.

***

О, как хороши – мой луг Лопата
И лес сосновый – Подувал!
Не надо серебра и злата,
Они – мой светлый идеал.

Душа незримо к ним стремится
И благодарностью щедра,
Она мечтает с ними слиться,
Как с Волгой чудная Сура.

Восторг

Ах, какая нынче малина!
Ах, какая нынче калина!
Ах, какая нынче рябина!
Всё в бархатной густоте,
В сочной, спелой красноте,
В несказанной красоте!

Нету сил моих таких,
Нету слов моих таких,
Чтоб достойно, всех троих,
Возвеличивать, воспевать,
Миловать, обнимать,
К сердцу прижимать!
Всем красавицам этим моим,
Всем любимицам этим моим, –
Неприменно всем троим! –
Выражаю любовь и восторг.
Верю, знаю – это чудо мог
Сотворить только Бог!

Коломенское

Красота калиновая, красота малиновая
По земле Коломенской щедро разлита,
А над нею – дивная, глаз неотводимая,
В ягодах рябиновых – неба высота!

В праздничной обновочке, после чарки водочки,
Телом и душою я, весел, не спесив,
Прохожу по горочке вальяжною походочкою
К морю разлитому вишен, груш и слив.

Сколько здесь нескошенных, диких и заброшенных,
По холмам-овражинам в разноцветье трав!
Сколько здесь ухоженных, в каталог уложенных,
Старых и молоденьких рощиц и дубрав!

Здесь – места раздольные, древние, привольные,
Здесь – село Коломенское и Москва-река,
Храмы богомольные, звоны колокольные,
Связанные накрепко с Русью на века.

Москва. Коломенское. Передние ворота с колокольней.

А моё причастие, на беду ль, на счастье ли?
К обители Коломенской только говорит
О моём пристрастии и временном участии
В красоте Московской – вечной, как зенит!

Царицыно

В Царицынском парке, на верхнем пруду,
Стоят вековые две ивы.
Я часто, когда на работу иду,
Здоровуюсь с ними, счастливый...
Красив их задумчивый вид,
Их тихая грусть над водою
О чём-то былом говорит,
Чарует завидной судьбою.

Мне кажется, тронь их рукою слегка,
Прижмись к ним щекою потуже –
Проснуться от спячки седые века
И выдадут тайны наружу...

Чу, слышатся странные звуки
И дрожь появилась в стволах,
И тянутся ветви, как руки,
Обнять и сказать мне слова,

Москва. Царицыно. Большой Дворец.

Поведать старинные были
О многих свершеньях людей,
Которые здесь творили
На благо России своей.

Я чётко уже различаю
И смысл, и значение слов,
И вижу, меня встречают
Зодчие – Баженов и Казаков!

Ещё две великие тени
За ними выходят в мир,
То Фёдор Шаляпин – русский гений,
И господарь Кантемир!

А сверху, по лестнице длинной,
От царских величий дворца,
Спускается Великая Екатерина
В помпезном сиянье венца!

Над всеми над ними играет
Истории дивный свет,
Он манит, зовёт, привлекает
К себе уже триста лет!

Здравствуй, солнышко!

Здравствуй, Солнышко, здравствуй яркое!
Подари нам лето, но не очень жаркое,

Освети поля российские светлою улыбкою,
Раскрась голубые небеса радугою гибкою,

Принести урожай во все дома и хижины,
Накорми им голодных, сырых и обиженных,

Развей у всех людей думы тяжёлые, чёрные –
Не дай совершить им дела и поступки позорные,

Наполни сердца Любовью, Верою, Правдою,
Защити Россию от врагов неодолимою преградой,

Подружи людей всех рас и национальностей,
Огради их от лжи, клеветы и разных гадостей,

Сделай их всех красивыми, здоровыми, богатыми,
Не больными, не вредными, не солдатами,

Отними и уничтожь у людей атомное оружие,
Утверди всюду Мир, Любовь и Содружие,

Осуществи человеческую мечту многовековую –
Утверди на земле жизнь – счастливую, новую!

Что за прелесть!

Что за прелесть – это утро!
Что за прелесть – это солнце!
Бирюзой и перламутром
Залито моё оконце.

Что за радость – эта верба!
Что за радость – та берёзка!
Всё вокруг – земля и небо –
Красотой сияет броской.

Что за чудо – птичье пенье!
Что за чудо – дух свободы!
Эти сладкие мгновенья
Мне дарованы природой.

Я душой их принимаю,
Берегу в глубинах сердца,
А без них, я это знаю,
Жизнь была бы горче перца.

Звезда

В бескрайней бездне голубой
Любуюсь я Звездой...

Она, таинственно мерцая,
Меня не замечает...

О, если бы когда-нибудь
Мой слился со Звездой путь

И там, в космическом краю,
Я Катю встретил бы свою,

То, без сомнений и тревог,
Воскликну: ЕСТЬ НА СВЕТЕ БОГ!

Радуюсь!

Радуюсь каждой берёзе,
Каждой весенней почке,
Классической русской прозе
И поэтической строчке!

Радуюсь смеху ребёнка,
Житейской мудрости старца,
Песням новым звонким
И искромётности танца!

Радуюсь внукам и правнукам –
Их первым детским успехам,
Существующим в мире наукам
И историческим вехам!

Радуюсь полевой ромашке,
Землянике садовой сладкой,
Луговым гвоздикам, кашке
И морковке с грядки!

Радуюсь пшеничному полю,
Степному, лесному приволью,
Волжскому широкому раздолью
И всем птицам на воле!

Радуюсь золоту осени,
Пушистому зимнему снегу,
Звенящей морозной просини
И быстрому лыжному бегу!

Радуюсь утренней зорьке,
Наваристой ухе рыбацкой,
Девичьему хороводу на горке
И мужской пляске залихватской!

Радуюсь летнему небу,
Яркому солнцу в зените,
Саратовским калачам – хлебу
И с тыквенной курагой чаепитию!

Радуюсь каше гречневой,
Рисовой, овсяной, пшённой,
Таинственному Пути Млечному
И Галактике отдалённой!

Радуюсь сверканию молний,
Ливням, раскатам грома,
В небе ночном Луне полной
И таинственной тишине дома!

Радуюсь жигулёвскому пиву,
Вяленой вобле кубанской,
Узбекской дыне, казахстанской сливе
И коньякам армянским!

Радуюсь булке – пышке,
Солёным груздям, опятам,
Интересной, новой книжке –
И старикам, и ребятам!

Радуюсь горе Никольской,
Святым родникам сурским,
Майской сирени подольской
И трелям соловьиным курским!

Радуюсь доброму слову,
Правде, истине, чести,
Молодёжной свадьбе новой –
И жениху, и невесте!

Радуюсь русским сказкам,
Чудо – стихам Пушкина,
Лыжам, конькам, салазкам
И разным детским игрушкам!

Радуюсь поездам, пароходам,
Автомобилям, метро, самолётам,
Всем фабрикам, всем заводам
И любимым на них работам!

Радуюсь бездне моря,
Величайшим вершинам Памира,
Поиску истины в споре
И, после, доброго мира!

Радуюсь силе атома,
Безграничным просторам Вселенной,
Электростанциям атомным
И инженерии геной!

Радуюсь стремлению людей к звёздам,
Космическим кораблям на орбите,
Всем космонавтам в Звёздном
И учёным в НИИИТе!¹

Радуюсь телевидению, радио –
Новым их сообщениям,
Московским небоскрёбам – громадинам
И спортивным сооружениям!

Радуюсь своему поколению –
Его неиссякаемому патриотизму,
Трудовому, научному вдохновению
И стремлению к коммунизму!

---

¹ НИИ импульсной техники

